

Ю. И. Пессенъ.

ВЕЛИЖСКАЯ ДРАМА.

Изъ исторій обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ.

БИБЛІОТЕКА ИЗДАТЕЛЬСТВА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

А. И. ЧЕРНОВА

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

„Russkaja Mysl“

CONSTANTINOPLE PÉRA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургу 25 Іюля 1904 г.

Judaica
Bg2ot
904g

Типо-Литографія А. Г. Розена. (А. Е. Ландau) Театральна Плошадь,

Посвящается
Владимиру Галактионовичу
Короленко.

БИБЛИОТЕКА ИЗДАНИЯ

„РУССКАЯ КИСЛЬ“

А. И. ЧЕРНОВА

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

„Russkaja Kisль“

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕРА

Одна изъ мрачныхъ странъ истории культуры европейского общества должна быть отведена миесу о ритуальныхъ преступленияхъ евреевъ, обагрившему кровью жизнь еврейского народа и создавшему единственную въ своемъ родѣ «кровавую» литературу. Трудно сказать, насколько значительно взаимодействіе этой клеветнической литературы съ одной стороны и многочисленныхъ судебныхъ ритуальныхъ процессовъ съ другой. Вѣроятно, бывали случаи, когда книга, воспалия фантазію и религіозное чувство человѣка, побуждала его возродить старый миесъ; весьма часто произведенія этой литературы служили важнымъ обвинительнымъ материаломъ въ судебныхъ процессахъ. Но все же въ исторіи навѣта книга играла далеко не столь видную роль, какъ общія условія общественной и государственной жизни страны, въ которой возникали обвиненія. Облекая въ кровь и плоть дикую сказку, авторы навѣта обращались къ помощи кровавой литературы лишь въ исключительныхъ случаяхъ, тогда, когда являлось опасеніе, что кампанія будетъ проиграна. Обыкновенно же они не безъ основанія и не безъ успѣха возвлажали свои надежды на общественное настроеніе, на общественную поддержку.

Вотъ почему, борясь съ несправедливымъ обвиненіемъ, недостаточно обнаруживать ложь и клевету, нагроможденныя въ кровавой литературѣ¹⁾, необходимо также распутывать ту сѣть клеветы и лжи, которую въ дѣйствительной жизни набрасываютъ на жертву обвиненія, необходимо выяснить культурно-общественные условія, рождающія ритуальные процессы, питающія ихъ своими соками...

Предъ злобой и суевѣремъ, вызвавшими навѣтъ, евреи были бессильны; когда обвиненіе выдвигалось съ корыстной цѣлью—они платили золотомъ, когда съ кровожадной—они платили мученической смертью, и послѣ каждой кровавой расплаты

¹⁾ Это выполнено маститымъ Д. Хвольсономъ въ труде: „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“. Второе изданіе. Спб. 1880 г.

имъ оставалось лишь надѣяться, что принесенная жертва была послѣдней; ужасъ предъ новыми страданіями и появленіе защитниковъ изъ среды христіанъ заставляли вѣрить, что навѣтъ не потребуетъ болѣе еврейской крови.

Осуществила ли дѣйствительность эту вымученную надежду? На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь завтрашній день.

Правда, въ послѣднія многія десятилѣтія почти всѣ ритуальные процессы и въ Россіи, и въ Зап. Европѣ завершались оправданіемъ евреевъ; судебнное слѣдствіе обнаруживало полную непричастность евреевъ къ данному фактическому или вымыщенному злодѣянію. Но все же... все же за нами тянется столь длинный рядъ суровыхъ обвиненій, а будущее такъ темно!..

ГЛАВА I.¹⁾

6-го марта 1817 г. министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ обратился къ гродненскому губернатору съ нижеслѣдующимъ предписаніемъ: «По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто они употребляютъ въ опрѣснокахъ христіанскую кровь, неоднократно были дѣланы во время польского правленія на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдывали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ по таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на евреевъ грамотами своими 1564 г. августа 9-го и 1566 г. мая 20-го дня запретилъ обвинять евреевъ безъ всякихъ основаній въ употребленіи христіанской крови, зная изъ доводовъ

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка мы пользовались: 1) официальной запиской о дѣлѣ, напечатанной лишь въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, 2) разнообразными рукописными официальными материаломъ, 3) „Миѣніемъ“ адмирала Мордвинова, имѣющимся въ рукописномъ сборнике его записокъ (т. 12, № 5, стр. 26—56).

„Миѣніе“ адм. Мордвинова было предоставлено намъ съ рѣлкой любезностью извѣстнымъ историкомъ Василиемъ Алексѣевичемъ Бильбасовымъ, которому мы почтительно приносимъ нашу благодарность. Подъ редакціей В. А. Бильбасова издается „Архивъ“ гр. Мордвинова и въ 8-мъ томѣ, когда настоящій очеркъ былъ законченъ, появилось „миѣніе“ полностью.

Въ 1846 г. въ Лейпцигѣ была издана книжка (126 стр.) „Anklagen der Juden in Russland wegen Kindermordes, Gebrauchs von Christenblut und Gotteslasterung“ (aus den Criminalacten wortgetreu ausgezogen), скжато передающая содержаніе печатной записи.

священного писания, что евреи оной не употребляютъ. Въ новѣйшія же времена, и именно въ 1763 г. марта 21 дня, папскій нунцій по дѣлу евреевъ писалъ, что и въ недавнемъ предъ тѣмъ времени Римскій Престолъ изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови для дѣланія своихъ опрысноковъ, но не нашелъ довольно ясныхъ и несомнительныхъ доказательствъ, которыя бы достаточны были къ утвержденію сего предразсудка противъ евреевъ такъ, чтобы можно было въ силу оныхъ объявить ихъ виновными въ такомъ преступлениі, и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ обвиненіяхъ утверждать на семъ основаніи сужденія.

По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтствъ на евреевъ обѣ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для той-же надобности, его императорскаго величество, пріемля во вниманіе, что таковыя извѣтства и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть мнѣ соизволить объявить всѣмъ г.г. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняены въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови, но если-бы гдѣ случилось смертоубийство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однако-жъ, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличались бы въ преступлениі смертоубийства».

Это повелѣніе должно было успокоить евреевъ въ Россіи, внушить имъ увѣренность, что въ дальнѣйшемъ подобные наивѣтства не будутъ нарушать обычное теченіе ихъ мирной жизни.

Въ душевномъ спокойствіи пребывало и еврейское населеніе города Велижа, Витебской губерніи, расположеннаго у рѣки Двины. Составляя часть мѣстнаго торгово-промышленного сословія, евреи, между прочимъ, принимали участіе какъ въ сословныхъ, такъ и городскихъ органахъ самоуправліенія. Однимъ

изъ двухъ евреевъ, засѣдавшихъ въ городскомъ магистратѣ, былъ Евзикъ Цетлинъ. Въ качествѣ ратмана, онъ наравнѣ съ коллегами-христіанами отправлялъ правосудіе, производилъ слѣдствія. Это былъ зажиточный коммерсантъ, видный членъ мѣстнаго еврейскаго общества, занимавшій почетный постъ погрѣбального старосты. Его жена, Ханна Цетлинъ, содержала пионкъ, въ который частенько захаживали представители мѣстной администраціи, чтобы выпить стаканъ вина. Дочка же ихъ, Итка, выросшая на рукахъ старой служанки Максимовой, безопасно проводила свои юные годы въ кругу подругъ.

Въ добромъ знакомствѣ съ Цетлинами находилась семья велижскаго З гильдіи купца Шмерка Берлина. Впрочемъ, неудача, постигшая торговое дѣло, предпринятое сообща Евзикомъ Цетлинымъ и Шмеркой Берлинымъ, нарушила прежнія хорошія отношенія. Шмерка Берлинъ жилъ въ домѣ своей тещи Мирки Аронсонъ; его семья состояла изъ жены Славки, сына Гирши съ женой Шифрою, и дочери Ланки, замужемъ за Янекелемъ-Гиршемъ Аронсономъ.

Было 22 апрѣля 1823 г., первый день христіанской пасхи. Евзика Цетлина постигло горе: его малолѣтній сынъ заболѣлъ. Евзикъ Цетлинъ хотѣлъ-было пригласить штабъ-лѣкаря Левена, но не сдѣлалъ этого, такъ какъ Левенъ былъ занятъ праздничными визитами, да и самъ Евзикъ Цетлинъ, по долгу службы, ходилъ поздравлять городничаго и другихъ официальныхъ лицъ. Но день 22 апрѣля 1823 г. долженъ быть привести Евзiku Цетлину, а вмѣстѣ съ нимъ и многимъ другимъ евреямъ, еще большее несчастіе.

24-го апрѣля велижской поліції было дано знать, что малолѣтній сынъ солдата Емельяна Иванова, Федоръ, выйдя изъ дома 22 апрѣля, не вернулся болѣе къ отцу. Поліція предписала ратману Олейникову совмѣстно съ надзирателемъ произвести розыскъ, но 28 апрѣля эти лица донесли, что мальчикъ не отысканъ. А 2 мая одинъ прохожій случайно нашелъ въ полуверстѣ отъ города, вблизи дороги, въ лѣсу трупъ исчезнувшаго ребенка «чѣмъ-то въ нѣсколькоихъ мѣстахъ пронзеннымъ».

Началось слѣдствіе. Мать ребенка, Агафья, подтвердила, что мальчикъ исчезъ 22 апрѣля и показала, что на третій день

праздника къ ней пришла какая-то неизвѣстная женщина, оказалася потомъ Марьей Терентьевой, которая въ присутствіи постороннихъ людей объявила, что угадаетъ, гдѣ находится ребенокъ, а затѣмъ, пустивъ воскъ на воду, заявила, что мальчикъ находится «въ домѣ еврейки Мирки, въ погребѣ; еще живъ, сегодняшнюю ночь намѣрены его освободить, но сомнѣвается, чтобы зло не открылось, а когда не будетъ освобожденъ, то умрѣтъ». Не повѣривъ Терентьевой, Агафья, зная по наслышкѣ, что въ деревнѣ Сентюры, лежащей въ одной верстѣ отъ Велижа, какая-то «больная дѣвка» Анна Еремѣева «много предугадываетъ», отправилась къ ней. По пути Агафья взошла на крыльцо дома Мирки Аронсонъ, но тотчасъ пошла прочь, опасаясь навлечь на себя подозрѣніе въ воровствѣ. Послѣ усиленныхъ просьбъ, больная дѣвка сказала Агафѣ, что идя въ Сентюры она, Агафья, зашла «въ тотъ домъ, гдѣ сынъ ея хранился и очень слабымъ; если хотѣть видѣть его, то наступающую ночь стерегла бы, онъ будетъ кончать жизнь». Агафья обо всемъ рассказала мужу, но тотъ ничего не хотѣлъ принять, а 1 мая къ ней вновь пришла Терентьева и, спросивъ, почему она прекратила поиски сына, заявила, что ребенокъ былъ взятъ на мосту одной еврейкой и уведенъ во дворъ Евзика Цетлина, гдѣ онъ и оставался до ночи, а потомъ переведенъ въ домъ Мирки Аронсонъ.

Отецъ умерш资料的 ребенка заявилъ, что онъ не знаетъ, кто убилъ сына, и подозрѣнія, кроме евреевъ, ни на кого не имѣеть, а тетка убитаго показала, что «по всѣмъ замѣчаніямъ въ произненіи племянника доказывается, что загубленъ евреями».

Этихъ данныхъ было достаточно, чтобы слѣдствіе съ первого же шага было направлено въ одну опредѣленную сторону, именно въ сторону евреевъ; не извѣстныхъ, такъ сказать конкретныхъ евреевъ, а вообще евреевъ, точнѣе—всей еврейской массы. И подозрѣніе на евреевъ казалось тѣмъ болѣе естественнымъ, что штабъ-лѣкарь Левенъ, освидѣтельствовавшій трупъ ребенка, констатировалъ, что ребенокъ кончилъ дни мученической смертью. Канва для ритуального процесса была готова.

Вблизи мѣста, гдѣ былъ найденъ трупъ, сохранились на дорогѣ слѣды проѣзжавшей телѣги, запряженной парой лошадей,—

и жители ближайших деревень опрашиваются следственной властью: не проезжали ли по дороге около 2 мая евреи? Ответ получается отрицательный и это приводить властей к убеждению, что евреи, бросив ребенка, вернулись в Велижь и что здесь кроется корень преступления.

На запросъ следственной власти Анна Ерем'ева, 12 лѣтъ отъ роду, показала, что уже второй годъ жила въ Велижѣ подаяніемъ; 25 марта она была въ Сентюрахѣ и тамъ во снѣ ей представился, въ видѣ старца, архистратигъ Михаилъ, который, взявъ ее за руку, водилъ по разнымъ мѣстамъ и, разсказывая ей многое изъ будущаго, сказалъ, между прочимъ, что на первый день святого Христова Воскресенія одна христіанская душа будетъ загублена евреями, о чмъ, проснувшись, объявила хозяину дома, въ которомъ нашла пріютъ. А передъ пасхой она еще разъ увидѣла во снѣ св. Михаила, сказавшаго ей, что въ наступающую ночь «евреи захватятъ христіанскую душу и будетъ она въ домѣ еврейки Мирки». Когда же на третій день къ ней явилась солдатка Агафья, она ей объявила: «ты идучи ко мнѣ заходила въ тотъ домъ, гдѣ сынъ твой хранится, и если въ силахъ взять его, то приложите старанія, а буде не умѣете, то по крайней мѣрѣ караульте».

Хотя закономъ возбранялось предугадывать, ворожить и т. п., тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе показанія Ерем'евой, 5 мая былъ произведенъ обыскъ въ домѣ купца Шмерки Берлина, т. е. въ домѣ его тещи Мирки Аронсонъ, и все жившіе тамъ евреи, хозяева и слуги, были допрошены. Ничего однако подозрительного въ домѣ не было найдено, не оказалось тамъ также и брички, которая соотвѣтствовала бы следамъ, оставшимся на дорогѣ.

Вѣсть объ убиеніи евреями христіанского ребенка быстро, конечно, облетѣла городъ; обыскъ въ домѣ Берлина долженъ былъ еще болѣе утвердить населеніе въ правдивости слуховъ. И вотъ, на сцену начинаютъ выступать свидѣтели. Многія ихъ заявленія тотчасъ оказываются ложными, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, что все эти свидѣтельскія показанія были злонамѣренной клеветой. Достаточно представить себѣ, какое настроеніе должно было охватить пизпіе слои велижскаго населенія, особенно женщинъ, при страшной вѣсти

объ убиеніи ребенка, чтобы понять, что многія показанія были рождены не злой волей, а своего рода религіозной экзальтацией. Факты, случайно запечатлѣвшіеся въ памяти, свидѣтели связывали съ кровавымъ событиемъ, не заботясь о томъ, совпадали ли показанія съ дѣйствительностью. Къ такого рода ложнымъ показаніямъ слѣдуетъ, повидимому, отнести и заявленіе шести свидѣтельницъ-христіанокъ, что 2 мая, т. е. въ тотъ день, когда былъ найденъ трупъ, они видѣли утромъ двухъ проѣзжавшихъ евреевъ, одного старого, другого молодого, которые вскорѣ вернулись въ городъ; при этомъ одна изъ свидѣтельницъ заявила, что въ евреѣ съ рыжей бородой она узнала приказчика Берлина, Госеля Мирласа. Дѣйствительно, свидѣтельницы могли видѣть двухъ евреевъ,ѣхавшихъ въ бричкѣ, но, во-первыхъ, то не былъ Мирласъ, покинувшій Велижъ еще 29 апрѣля и отправившійся тогда же на баркѣ въ Динабургъ, что подтвердили его спутники-христіане, а во-вторыхъ, евреи проѣзжали не 2 мая, а нѣсколько ранѣе. Дѣло въ томъ, что къ Шмеркѣ Берлину прїѣхалъ дальний родственникъ его снохи Шифры, съ которымъ она тогда впервые познакомилась, Госель Гликманъ, вмѣстѣ съ 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ. Госель Гликманъ прїѣхалъ 27 апрѣля, а покинулъ городъ 1 мая, что подтвердила сосѣдь-христіаница. Но за два дня до обнаружения трупа Гликманъѣздилъ съ однимъ евреемъ въ деревню Павловку за покупкой сѣна. Этихъ двухъ евреевъ и могли видѣть свидѣтельницы и надо думать, что, слыша о проѣзжавшемъ какомъ-то Госелѣ, свидѣтельница указала на мѣстного жителя Госеля Мирласа, не зная, что єхалъ Госель Гликманъ.

Но злонамѣренной лже-свидѣтельницей явилась Марья Терентьевна, вынесшая, можно сказать, на себѣ всю тяжесть велижской драмы... Кто же была эта женщина, державшая въ своихъ рукахъ судьбу нѣсколькихъ десятковъ велижскихъ евреевъ, и даже, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, судьбу всего еврейского населенія Россіи?

То была предававшаяся пьянству и разврату нищенка, ходившая по домамъ за подаяніемъ, не имѣвшая своего угла. Она заявила слѣдственной власти, что видѣла, какъ въ Христово Воскресеніе Ханна Цетлинъ взяла на мосту за руку какого-то мальчика и повела его съ собою въ домъ, около котораго находи-

лось нѣсколько евреевъ — какъ ей показалось, всѣ изъ дома Шмерки Берлина — изъ коихъ четверо пошли вслѣдъ за Ханной Цетлинъ. Когда же ей, Марѣ Терентьевой, стало известно объ исчезновеніи солдатскаго сына, она отправилась къ его матери и ворожила. Несмотря на то, что христіанки, жившія на одной улицѣ съ Ханной Цетлинъ, заявили, что въ первый день пасхи онѣ никого не видѣли изъ евреевъ, кто бы вель христіанскаго мальчика, слѣдственная власть придала полную вѣру словамъ Мары Терентьевой, ссылаясь на то, что на очныхъ ставкахъ она тотчасъ узнала въ лицо Ханну Цетлинъ, — но вѣдь пьяница Терентьевой было не трудно знать въ лицо Ханну Цетлинъ, въ шинокѣ которой она не разъ, вѣроятно, заходила за водкой. И Ханну Цетлинъ вмѣстѣ съ Марьей Терентьевой водили къ мѣсту, гдѣ будто былъ похищенъ ребенокъ.

Начавшееся по этому дѣлу слѣдствіе велось при полномъ нарушеніи правъ еврейскаго населенія. Ратманъ Цетлинъ, до сего времени находившійся прикомандированнымъ къ поліції для присутствованія по дѣламъ, въ коихъ замѣшаны были евреи, былъ устраненъ отъ слѣдствія, такъ какъ на его жену пало подозрѣніе въ участіи въ этомъ преступленіи; вмѣсто него же никто не былъ назначенъ, и такимъ образомъ, вопреки тогдашнимъ требованіямъ правосудія, евреи были лишены своего представительства, являвшагося важнѣйшей гарантіей правильности слѣдствія. Когда же Евзикъ Цетлинъ сталъ настаивать на привлечении его къ производству слѣдствія, власти обратили подозрѣніе на него самого.

Легко понять, что если еврейскому населенію было отказано въ официальной самозащите, то съ какой суровостью была встрѣчена попытка евреевъ принять мѣры самозащиты болѣе частнаго характера.

Важной судебной уликой авялялись слѣды подъѣзжавшей брички; поэтому необходимо было узнать, у кого изъ жителей имѣется соотвѣтствующій экипажъ, и поліція дѣйствительно производила розыски въ этомъ направлениі, но исключительно среди евреевъ. Между тѣмъ въ тотъ день, когда нашли трупъ ребенка, въ Велижъ пріѣхалъ въ брикѣ, запряженной парой лошадей, ксендзъ Серафимовичъ и остановился въ домѣ землемѣра Котова; это обстоятельство

побудило евреевъ просить мѣстную власть распространить слѣдствіе не только на еврейское, но и на христіанское населеніе, и, послѣ долгихъ просьбъ ратмана Цетлина, полицій-майстеръ командировалъ 17 мая одного квартального надзирателя и ратмана Олейникова измѣрить бричку ксендза. При измѣреніи присутствовали Цетлинъ, гласный Берсонъ и многіе другіе евреи, помѣстившіеся, изъ вполнѣ понятнаго любопытства, на ближайшихъ крышахъ и заборахъ. Такого рода дѣйствіе въ отношеніи ксендза привело въ негодованіе заинтересованныхъ христіанъ. Землемѣръ Котовъ поспѣшилъ обратиться въ полицію съ просьбой допросить подъ присягой лицъ, измѣрившихъ бричку, «съ какимъ умысломъ они съ великою толпою жида въ напали на его домъ и, что по сему окажется, его увѣдомить, дабы онъ въ начальствѣ могъ сыскать защиту и огражденъ быть отъ опаснаго и угрожающаго несчастіемъ съ великою толпою жида нападенія, и въ теперешней чувствительнейшей обидѣ удовлетворенія». Еще большее значеніе придалъ указанному событию ксендзъ Серафимовичъ, считая таковое «для себя и всего христіанскаго духовенства крайне обиднымъ». А уѣздный стряпчій Русецкій, принимавшій ближайшее участіе въ раскрытии преступленія, заключилъ, что евреи прибѣгли къ измѣренію брички, «дабы таковыми еврейскими предпримчивостями или затмить ходъ сего дѣла, или какой либо сдѣлать отводъ, отвѣсть падаемое подозрѣніе на евреевъ и возложить оное не токмо на христіанъ, но даже и духовенство ихъ, безъ малѣйшихъ побудительныхъ причинъ и подозрѣнія; а можетъ быть цѣль и стремленіе кроется у евреевъ и на тотъ конецъ, чтобы чрезъ голословные ихъ доносы узнать при вымѣриваніяхъ или осмотрахъ экипажей описанныя пріѣмы въ подвозной телѣгѣ или бричкѣ къ болоту мертваго тѣла сего младенца, а открывши секретъ сей, взвѣсть, по присканіи подобнаго экипажа навѣрно у кого-либо изъ христіанъ, подозрѣніе на оный и симъ себя очистить». Такимъ образомъ, законное стремленіе евреевъ искать слѣды преступленія среди христіанъ являлось въ глазахъ слѣдственной власти предосудительнымъ; подозрѣніе пало на евреевъ и никто другой, уже въ силу своей принадлежности къ христіанству, не могъ быть заподозрѣнъ въ преступленіи. Въ связи съ этимъ власти стали

жадно заносить на бумагу все, что говорили противъ евреевъ добровольцы-сыщики.

Вполнѣ понятно, что слѣдователи обратили вниманіе на заявленіе одной женщины, слышавшей, будто Мирка Аронсонъ приходила къ Еремѣеву и предлагала ей денегъ, дабы она не подозрѣвала евреевъ въ умерщвленіи мальчика; такое показаніе (впрочемъ, опровергнутое мѣщаниномъ, у которого жила Еремѣева) могло имѣть значеніе въ данномъ дѣлѣ, но какую цѣнность, въ смыслѣ улики, представляло собою утвержденіе одной мѣщанки и двухъ солдатъ, что „по всѣмъ признакамъ въ насильственной его (т. е. ребенка) смерти, они заключаютъ, что послѣдовала ему таковая отъ евреевъ“. Но и эту просвѣщенную экспертизу власти вносятъ въ дѣлопроизводство!

При „повальному обыску“ о поведеніи Шмерки Берлина и Ханны Цетлинъ изъ числа 12 опрошенныхъ лицъ двое показали, что оба подозрѣваемые были всегда хорошаго поведенія, восемь—что до сего времени Ханна Цетлинъ и Шмерка Берлинъ «въ подозрѣніи не замѣчены», но всѣ 12 христіанъ заявили, что мальчикъ былъ загубленъ евреями,—и это показаніе также принимается за улику. Между прочимъ одинъ изъ опрошенныхъ добавилъ, что, видя всегда Евзика Цетлина «много беспокоющимся о семье дѣлѣ», онъ заключаетъ, что быть можетъ самъ Евзикъ Цетлинъ причастенъ къ преступлению, о чёмъ, кстати, и носятся слухи, и это замѣченіе заносится въ производство, причемъ даже не отмѣчается то обстоятельство, что беспокойство Евзика Цетлина было вполнѣ естественно разъ его жена была заподозрѣна въ преступленіи.

Между тѣмъ власти продолжали привлекать къ слѣдствію новыхъ лицъ. Вновь былъ произведенъ «повальный обыскъ» о Шмеркѣ Берлинѣ, его женѣ Славкѣ, тещѣ Миркѣ и сыне Гиршѣ съ женой Шифрой, и всѣ опрошенные 12 христіанъ и 12 евреевъ «одобрили ихъ въ поведеніи»; такого «одобренія» удостоилась и Ханна Цетлинъ, но все же, по настоянію уѣзднаго стряпчаго, противъ желанія магистрата, она была взята подъ стражу; кромѣ того было обращено подозрѣніе на Іоселя Гликмана и его спутника мальчика, пріѣхавшихъ въ Велижъ за покупкой сѣна и уѣхавшихъ оттуда 1-го мая.

Наконецъ полиція закончила слѣдствіе и собранный ею ма-
теріаль былъ препровожденъ (15 декабря 1823 г.) въ городовой
магистратъ, который совмѣстно съ повѣтовымъ судомъ долженъ
быть разслѣдовать дѣло о «подозрѣваемыхъ» Гликманѣ и его
спутникѣ и «оговоренныхъ» Шмеркѣ и Гиршѣ Берлинныхъ,
Ханнѣ Цетлинѣ и солдаткѣ Марыѣ Терентьевой.

Въ магистратѣ, кромѣ устраниенного уже Цетлина, засѣдалъ
еврей бургомистръ Левитесъ, но власти, направивъ огульно
обвиненіе противъ евреевъ, не желали, конечно, имѣть въ своей
средѣ еврея, и вотъ магистратъ устраиваетъ бургомистра Леви-
теса отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла подъ тѣмъ предлогомъ,
что сынъ Левитеса, Ицка, находившійся среди любопытныхъ,
слѣдившихъ за измѣреніемъ брички ксендза Серафимовича, былъ
допрошенъ по жалобѣ послѣдняго. Когда же бургомистръ Леви-
тесъ потребовалъ, чтобы его замѣстителемъ былъ назначенъ
гласный Берсонъ, соединенное присутствіе магистрата и повѣ-
тового суда отказалось и въ этомъ ходатайствѣ, такъ какъ на
Берсона была подана жалоба землемѣромъ Котовымъ опять-
таки по поводу измѣренія брички ксендза. Такимъ образомъ
евреи и въ судѣ были лишены своего представительства.

Въ это время на сценѣ появляются новыя свидѣтельницы:
служившая у Ханны Цетлинѣ въ теченіе девяти лѣтъ солдатка
Авдотья Максимова и ея незаконная дочь Маланья Степанова
Желнова. Впрочемъ, въ настоящую минуту Максимова еще не
вашла въ ту роль, которую она сыграла впослѣдствіи въ ве-
лижской драмѣ, и мы только для памяти отмѣтили ея выходъ.

Все дѣлопроизводство поступило въ повѣтовый судъ, кото-
рый, разсмотрѣвъ его совмѣстно съ членами магистрата и депу-
татами «съ военной и духовной стороны», вынесъ 16 июля
1824 г. революцію, гласившую: «1) хотя возникло подозрѣніе на
домъ еврея Шмерки Берлина или тещи его, еврейки Мирки,
въ загубленіи въ ономъ сына солдата Иванова, а по ворожбѣ
Марыѣ Терентьевой, по словамъ предугадывающей дѣвки, лю-
дей показывающихъ, что видѣли проскакавшихъ въ бричкѣ
двухъ неизвѣстныхъ евреевъ, и по свидѣтельству уѣзднаго
штаб-лѣкаря, заключившаго, что, по мнѣнію его, мальчикъ
разсудительно замученъ, и слѣдуетъ положить сомнѣніе на
евреевъ, но какъ по обыску въ домѣ Берлина ничего подо-

зрительного не открыто и никакихъ законныхъ уликъ къ безошибочному обвинению ихъ не предвидится, основываться же на показаніяхъ угадывающихъ невозможно, и какъ всѣ они въ поведеніи одобрены, то... до времеяи, не откроется ли впослѣдствіи винности, оставить ихъ отъ сужденія и взысканія свободными... 2) Изъ показанія солдатки Мары Терентьевой видно, что она въ первый день христіанской пасхи, идя по берегу рѣки Двины, видѣла, какъ еврейка Ханна Цетлинъ вела похожаго по примѣтамъ на найденного послѣ мертвымъ мальчика; но Ханна Цетлинъ объявила, что тотъ день, по слухаю болѣзни сына, никуда не выходила и впослѣдствіи чрезъ 8 мѣсяцевъ представила въ томъ четырехъ свидѣтелей; но одна свидѣтельница состоить въ родствѣ съ Ханной и на ея показаніи утверждиться нельзя; равномѣрно и въ показаніи прочихъ троихъ наводится сомнѣніе (ибо велижская мѣщанка Дарья Косачевская и дочь солдатки, Маланья Степанова, утверждаютъ, что дѣйствительно въ день христіанской пасхи видѣли, первая, какъ Ханна Цетлинъ шла по улицѣ и возлѣ нея шелъ въ близкомъ разстояніи христіанскій мальчикъ, а вторая, что видѣла ее, Ханну, стоявшую на улицѣ, возлѣ дома своего, около калитки) и въ признаніи иновѣрными (т. е. достовѣрными) показаній свидѣтелей, ею (Ханною) поставленныхъ, наводится сомнѣніе, потому что можетъ быть сіе учинено ею, къ оправданію своему, какими либо предпринятыми средствами, или можетъ быть сіи самые свидѣтели причиною смерти мальчика, кои легко уже могли лжесвидѣтельствовать, лишь бы только удобно было прикрыть вину свою; но какъ таковое разсужденіе неоспоримымъ признать бѣзъ опасенія не можно и, не имѣя въ виду ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ въ умерщвленіи ею мальчика, опасно, дабы сверхъ чаянія неумѣреннымъ приговоромъ къ наказанію не отяготить безвинно судьбы ея, то... оставить Ханну Цетлинъ въ сильномъ подозрѣніи и отдать одобравшимъ въ поведеніи ее на поруки. 3) На Полоцкаго мѣщанина Госеля Гликмана, бывшаго въ городѣ Велижѣ 27 апрѣля, — лошадь и бричку котораго видѣли: дворянинъ Козловскій, зять его канцеляристъ Щука, работница Козловскаго, показавшіе впослѣдствіе, когда тотъ Гликманъ по дѣлу сему былъ вытребованъ въ

Велижъ, что они лошадь его признаютъ за ту самую, на которой онъ и въ первый разъ пріѣжалъ, а бричка не та, ибо прежняя была съ окованными колесами,—падаетъ сильное подозрѣніе, по пребыванію его въ домѣ Берлина, въ вывозѣ имъ умерщвленнаго сына солдата Иванова за городъ; но съ одной стороны, какъ онъ въ семье не признался и по дѣлу открылось, что онъ 1 мая изъ города выѣхалъ, умерщвленный же мальчикъ найденъ за городомъ мертвымъ 2-го числа, и какъ помѣщика Реута люди подъ присягой показали, что бричка, на которой Гликманъ пріѣжалъ, та самая, которая ему была ими выдана, и бытность его 1 мая въ корчмѣ Бѣляевой, на другой день въ городѣ Суражѣ, а 3-го числа возвращеніе въ домъ, тоже подъ присягою, утвердили мѣщане Зубковъ, Лабковскій и помѣщикъ Карлъ Реутъ; а съ другой, полагая показанія дворянинаКозловскаго, канцеляриста Щуки и работницы первого неподлежащими никакому сомнѣнію, можно заключить, что бричка могла имъ быть и дорогою перемѣнена; со всѣмъ тѣмъ, какъ онъ съ мѣста жительства выѣхалъ 25 апрѣля, а мальчикъ пропалъ прежде сего, и именно 22 числа, и найденъ 2 мая, а Гликманъ изъ Велижа выѣхалъ 1-го и прибыль въ домъ 3-го числа, почему и не могъ онъ возвращаться въ Велижъ для вывезенія мальчика въ поле, и какъ онъ 12 человѣками въ поведеніи одобренъ, то оставить его въ сильномъ подозрѣніи, до разсмотрѣнія сего обстоятельства высшимъ начальствомъ, а о взятіи его подъ стражу... предписать...¹⁾ И, наконецъ, какъ въ умерщвленіи солдатскаго мальчика по дѣлу спрашиванныя лица полагаютъ сомнѣніе на евреевъ, и какъ христіанамъ къ убийству его никакихъ поводовъ не было, тѣмъ паче, что сей мальчикъ денегъ не имѣлъ, то и полагать необходимо, что сдѣлано таковое изъ недоброжелательства къ христіанамъ евреями, и таковое умерщвленіе мальчика необыкновеннымъ образомъ отнести слѣдуетъ на евреевъ; токмо кто именно причиною—не дойдено; а потому смерть его... пре-

¹⁾ За участіе въ измѣрепіи брички ксендза, что было сочтено судомъ за нанесеніе обиды ксендзу, а также Котову, Цеглинъ, Берсонъ и еще одинъ еврей были присуждены къ 20-ти дневному заключенію въ городской тюрьмѣ и къ уплатѣ ксендзу и Котову суммы, равной ихъ двойному жалованію.

дать волъ Божій, умерицленіе же оставить въ сомнѣніи на евреевъ...¹⁾

Этотъ приговоръ вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ повѣтowego судь пропроводилъ „на ревизію“ въ 1-й департаментъ витебскаго главнаго суда, и главный судь постановилъ (22 ноября 1824 г.): «Случай смерти солдатскаго сына Федора Емельянова, по необнаружению никого въ причиненіи оной виновнымъ, предать волъ Божій и всѣхъ евреевъ, на коихъ вообще показаніемъ многаго числа христіанъ гадательно возводилось подозрѣніе въ убийствѣ сего мальчика, будто для достанія крови его, оставить безъ всякаго подозрѣнія»; тѣхъ евреевъ, противъ которыхъ, помимо голословныхъ заявлений христіанъ, имѣлись улики главный судь также призналъ невиновными, „предоставляя только“ времени, ¹⁾ не откроется-ли преступленіе какими либо непредвидѣнными случаями“, и только Марья Терентьевна „за блудное житіе“ была приговорена къ церковному покаянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, главный судь предложилъ вновь произвести разслѣданіе по дѣлу объ убийствѣ солдатскаго сына.

Рѣшеніе главнаго суда было утверждено губернаторомъ и вслѣдствіе сего 15 января 1825 г. главный судь предписалъ велижскому повѣтовому суду привести въ исполненіе означенное рѣшеніе, а вслѣдъ затѣмъ, 14 марта того-же года, губернское правленіе поручило городской и земской полиціи приступить къ разслѣданію обстоятельствъ, сопровождавшихъ умерицленіе ребенка.

ГЛАВА II.

Такъ закончился первый актъ велижской драмы. Никто изъ дѣйствующихъ лицъ не зналъ въ это время, какія роли ея авторы приготовили имъ для слѣдующихъ актовъ. А между тѣмъ, маленькая сценка, разыгравшаяся незадолго до того въ польскомъ городкѣ Ленчицы, должна была показать, что для евреевъ издавна существуетъ одна лишь роль: героеvъ-мучениковъ.

¹⁾ Гл. Судь отмѣнилъ наказаніе, наложенное на троихъ евреевъ за вымѣриваніе брички, за отсутствіемъ состава преступленія.

Въ 1639 г. нѣкоторые ленчицкіе евреи были обвинены въ умерицленіи христіанскаго ребенка. Это событіе тщательно сохранилось католическимъ духовенствомъ въ народной памяти. Такъ, въ 1822 г. нѣкій живописецъ Орловскій нарисовалъ картину, изображавшую, какъ евреи выцѣживаютъ кровь изъ мучимаго ребенка, причемъ одному изъ нарисованныхъ лицъ онъ придалъ сходство съ извѣстнымъ въ Ленчицахъ евреемъ, и эта картина, будившая въ народѣ ненависть къ евреямъ, была помѣщена бернардинскими монахами на фасадѣ ихъ церкви. По жалобѣ евреевъ русскія власти предписали ее снять. Но въ слѣдующемъ году Орловскій нарисовалъ такую же картину, въ увеличенномъ размѣрѣ, изобразивъ на ней въ качествѣ мучителей ребенка ленчицкаго раввина и другого ленчицкаго еврея, откупщика акцизныхъ сборовъ. Новая картина также была помѣщена на фасадѣ церкви, и когда местныя власти пожелали снять ее—духовенство воспротивилось. Видя это столкновеніе (въ мартѣ 1823 г.), отставной поручикъ Венцеславъ Дунинъ-Скржино бросился въ приходскую церковь и приказалъ своему лакею ударить въ набатъ, а затѣмъ, вернувшись къ церкви бернардиновъ, сталь, призыватъ народъ заступиться за духовенство. Его возгласы: „да здравствуетъ вѣра“ увлекли сбѣжавшуюся толпу; она разбушевалась и власти должны были отступить передъ ней. ¹⁾

Этотъ эпизодъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ; и въ другихъ мѣстахъ, хотя и иными способами, въ христіанскомъ населеніи злонамѣренно распространялась легенда о кровавыхъ преступленіяхъ евреевъ, а при такихъ условіяхъ легендарному еврею-мучителю ежеминутно грозила опасность превратиться въ дѣйствительного мученика.

И если въ Ленчицахъ легенда распространялась усилиями католического духовенства, то нѣсколько лѣтъ позже представитель русской церкви, какъ увидимъ дальше, выступилъ съ требованіемъ самаго широкаго оповѣщенія христіанъ объ опасности, угрожающей имъ отъ сосѣдей-евреевъ. Если въ Ленчицахъ русскія власти желали снять картину, такъ какъ „она возбуждала

¹⁾ Въ силу особыхъ тогдашнихъ политическихъ условій Дунинъ былъ преданъ посенному суду.

ненависть католиковъ къ евреямъ и слѣдовательно была несогласна съ духомъ истинной вѣры", то вскорѣ представители русской власти сами будутъ культивировать кровавую легенду, кичась тѣмъ, что дѣйствуютъ въ духѣ истинной вѣры...

Оправдавъ евреевъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности по велижскому дѣлу, витебскій главный судъ постановилъ вновь разслѣдовать событіе. Таинственная смерть ребенка и молва, что онъ убить евреями, волновали не одно только мѣстное общество; тревожное извѣстіе дошло и до Петербурга; быть можетъ, оно было привезено прѣѣхавшимъ тогда (въ 1824 г.) витебскимъ генераль-губернаторомъ, кн. Хованскимъ, который по повелѣнію государя и вступилъ тогда же въ объясненія по поводу процесса съ начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., Дибичемъ. Но и при вторичномъ разслѣдованіи убийцу не удалось обнаружить, вслѣдствіе чего дѣло было производствомъ прекращено... Казалось, оно кануло въ лету.

Но вотъ, осенью 1825 г., крестьянка Марья Терентьевна, назвавъ себя вдовою - солдаткою, подала императору Александру I, при проѣздѣ его черезъ Велижъ, по пути въ Таганрогъ, жалобу, "будто сынъ ея (!) въ 1823 г. умерщвленъ евреями и что она по просьbamъ своимъ не только не получила удовлетворенія, но претерпѣвала еще истязанія содѣяніемъ подъ стражей".

Невольно возникаетъ вопросъ: что могло побудить эту темную, пьяную женщину вновь ополчиться противъ евреевъ. И могла ли въ ней самостоятельно зародиться и созрѣть смѣлая мысль обратиться лично съ жалобой къ государю и назвать себя матерью умерщвленного ребенка, дабы имѣть нравственное право просить государя. «Сей обдуманный вымыселъ, хотя въ прошеніи облечень въ самыя простонародныя выраженія,— говорилъ впослѣдствіи членъ Государственнаго Совета адмиралъ Мордвиновъ,— не могъ принадлежать Терентьевой, женщина прядношатающейся и преданной пьянству». За спину Терентьевой дѣйствовали другія лица.

Прошеніе Терентьевой привело къ цѣли. Препроводивъ жалобу князю Хованскому, начальнику главнаго штаба Е. И. В.

сообщилъ ему (20 сентября 1825 г.), что государь повелѣлъ «произвести по содержанію оной строжайшее изслѣдованіе и, что окажется, уведомить его, начальника гл. штаба, съ возвратомъ прошенія, для доклада его величеству».

Это разслѣдованіе было возложено кн. Хованскимъ на состоявшаго при немъ для порученій надворнаго советника Страхова, совмѣстно съ адютантомъ, штабъ-ротмистромъ Бенкендорфомъ.

Страховъ началъ съ допроса лицъ, которыхъ давали показанія при первоначальномъ разслѣдованіи преступленія и всѣ они подтвердили то, что тогда говорили. Но вѣчно новое, дѣйствовавшее совершенно измѣнить фонъ велижской драмы, сообщила Страхову главная обвинительница евреевъ, Марья Терентьевна.

Оставаясь въ границахъ официальныхъ документовъ, мы не можемъ отыскать ячейки, изъ которой вылупился велижский наѣтъ; для насъ остается совершенно открытымъ вопросъ: симпатіе какихъ обстоятельствъ привело къ смерти солдатскаго сына и при участіи кого была совершена сложная работа, предшествовавшая обнаружению трупа ребенка? Но наши официальные данные достаточно ясно говорятъ о той атмосферѣ, въ которой наѣтъ получилъ жизнь и развился, они ясно говорятъ о томъ, что велижские евреи пали жертвою заговора, нашедшаго широкую и сильную общественную поддержку.

Надъ трупомъ несчастнаго ребенка составился молчаливый союзъ враговъ евреевъ. Правда, до насъ дошли лишь нѣсколько имёнъ, но и по нимъ видно, какъ суевѣrie, жестокость и злоба сплотили воедино людей разнообразнаго служебнаго положенія, различныхъ общественныхъ классовъ, людей, которые вѣроваваго событія въ Велижѣ не нашли бы между собой ни малѣйшей связи, ни одной точки соприкосновенія. Видную роль играли въ велижской драмѣ сапожникъ Азадкевичъ и учитель Петрица; ея развитію способствовалъ въ значительной степени уніатскій священникъ Тарашкевичъ; кн. Хованскій и флигель-адютантъ Шкуринъ приложили стараніе къ тому, чтобы велижскому злодѣянію быть приданъ характеръ всееврейскаго преступленія; душою же союза явился Страховъ.

А менѣе пѣхъ виновной была Терентьевна, несмотря на то,

что она причинила много горя и страданий евреямъ. Ее, пьяную, голодную нищенку, уговорили подать государю прошеніе, а когда она это сдѣлала—ее первую арестовали, чтобы тамъ, въ тюрьмѣ, превратить въ слѣпое орудіе жестокаго замысла.

19 ноября Терентьеву была арестована, а 22 ноября она заявила, что *сама принимала участіе въ кровавомъ дѣлѣ евреевъ*. Чѣмъ же было вызвано это столь неожиданное, столь страшное для нея признаніе? Вѣдь всего-то два мѣсяца назадъ, чтобы опустить на головы евреевъ карающую руку, Марья Терентьева рѣшилась подать государю прошеніе, обманувъ его при этомъ. Къ чему же было ей прибѣгать къ такому трудному и рискованному средству, когда она могла сдѣлать тогда признаніе, которое сдѣлала теперь. Вѣдь если евреи дѣйствительно убили ребенка, то Марья Терентьева, подавая государю прошеніе, должна была предвидѣть, что они, въ случаѣ осужденія, выдадутъ ея соучастіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она и въ тюрьмѣ могла по прежнему ограничиваться однимъ показаніемъ, что видѣла, какъ Ханна Цетлинъ вела ребенка. Объясненіе здѣсь одно: клевеща государю на евреевъ, Терентьеву не предполагала очутиться за рѣшеткой; она ждала отъ своихъ сообщниковъ иной награды; она не знала, что подача прошенія превратитъ ее въ такую же жертву замысла, на которую были обречены евреи. Для достиженія цѣли заговорщиковъ одно возобновленіе разслѣдованія дѣла было недостаточно; давніяя, заключавшіяся въ старомъ слѣдственномъ материальѣ, были непригодны для осужденія евреевъ; требовались новыя, болѣе вскія, и сильныя, неопровергимыя доказательствомъ ихъ вины должно было именно явиться «признаніе» Терентьевой въ соучастіи въ убийствѣ ребенка. А для этого и нужно было заключить въ тюрьму невѣжественную женщину: тамъ ее не трудно было склонить, какъ будетъ дальше видно, къ принятію на себя вины.

По словамъ Терентьевой, въ первый день Св. Недѣли, около полудня, она увидѣла, какъ Ханна Цетлинъ повела отъ моста солдатскаго сына къ своему дому, гдѣ служанка Ханны, Авдотья Максимова, отворивъ дверь, внесла ребенка въ комнаты, и Марья Терентьеву послѣдовала за ними. Ханна Цетлинъ давно просила Терентьеву привести къ ней христіанскаго ре-

бенка, и вотъ теперь, напоивъ какъ Терентьеву, такъ и Максимову виномъ, Ханна предложила имъ отнести мальчика къ старухѣ Мирѣ Аронсонъ, что обѣ женщины и исполнили въ тотъ же вечеръ. Мирка взяла у нихъ ребенка во дворѣ и «унесла въ горницу, а изъ сїой въ склепъ, куда и она, Терентьева, съ Ханной и Максимовой ходила; на третій день, въ четвертокъ, прида въ домъ, ходила она... въ тотъ склепъ, въ которомъ увидѣла новую начовку съ кровью и мальчика, лежащаго на землѣ мертвымъ, у котораго тѣло и голова чѣмъ-то были искалочены, ногти на рукахъ и ногахъ, какъ нельзя болѣе, обрываны и дѣтородный удѣ по самый мѣшокъ и языкъ обрываны, и бывшіе тамъ пять евреевъ, обмывши, одѣли его и накрыли холстомъ».

Прошло уже два года съ момента умерщвленія ребенка и, при желаніи, можно допустить, что если Терентьеву и принимала участіе въ кровавомъ дѣлѣ, то за это время она перезабыла подробности и потому говорила, будто трупъ ребенка не только былъ искалоченъ, но что злодѣи отрѣзали половой органъ и языкъ, хотя этого въ дѣйствительности и не было, какъ гласилъ медицинскій протоколъ.

Но что могли подумать слѣдователи объ ея участіи въ преступленіи, когда она заявила (на допросѣ отъ 22 ноября), что въ Омінѣ понедѣльникъ Ханна Цетлинъ попросила ее, Терентьеву, и Максимову, чтобы онъ убитаго солдатскаго сына отнесли за городъ и «бросили съ камнемъ въ воду, что ими послѣ полуночи и исполнено».

Такимъ образомъ, найденный въ 1823 г. на кочкѣ, вблизи дороги, убитый солдатскій сынъ, былъ, по словамъ Терентьевой, брошенъ ею въ воду! Ясно, что если бы Терентьеву сама относила ребенка, она бы помнила, что съ нимъ сдѣлала: бросила ли въ воду, или положила на землю, вблизи дороги. И сопоставляя ея послѣднее заявленіе съ остальнымъ содержаніемъ показанія, нельзя не убѣдиться, что Терентьеву даже не присутствовала ни при томъ, какъ заговорщики кололи трупъ мальчика (хочется думать, случайно убитаго), чтобы направить обвиненіе противъ евреевъ, ни при томъ, какъ его уносили за городъ. Терентьеву, по всей вѣроятности, видѣла мелькомъ трупъ ребенка, какъ его, впрочемъ, видѣли многие великаны; она знала кое-что

и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это событие—по городу носились разнообразные слухи; и некоторые свѣдѣнія она могла получить при первомъ разслѣдованіи злодѣянія,—но все же представление Терентьевой о кровавомъ событии было самое смутное; хмельная, невѣжественная баба не могла даже подвести итогъ тому, что ей было известно объ этомъ событии. И вотъ почему въ дальнѣйшемъ, наряду съ фактическими данными, отчасти согласными съ дѣйствительностью, отчасти не точными, ея показанія стали наполняться еще болѣе невѣроятными сообщеніями, и эта творческая фантазія вызывалась въ ней не столько злобой, сколько безпомощностью. Бѣдной женщины было внушаемо, что показывать, но при глубокомъ невѣжествѣ она не могла совладать съ тѣмъ, что ей говорили о событии, и она по необходимости выдумывала на допросахъ разныя небылицы, къ чужой лжи присоединяя и свою.

Вслѣдствіе оговора Терентьевой была арестована (1 декабря) и Авдотья Максимова, равно какъ и ея дочь Маланья Степанова Желнова. Авдотья Максимова показала, что въ понедѣльникъ Святой Недѣли она случайно замѣтила въ комнатѣ своей хозяйки въ углу, за кроватю, христіанского ребенка; въ среду же, зайдя въ «особую на дворѣ свѣтлку», нашла тамъ мальчика еще живого, лежавшаго въ большомъ сундуке.

Это заявленіе Авдотьи Максимовой не соотвѣтствовало тому, что говорила Терентьева; Максимова, по собственному показанію, явилась лишь свидѣтельницей подготовлявшагося злодѣянія, а по словамъ Терентьевой—Максимова, внеся ребенка въ домъ, съ самого начала приняла участіе въ зломъ дѣлѣ. Это противорѣчіе было впрочемъ вскорѣ устраниено. Трудно сказать, какимъ образомъ это произошло; таинственное ли вдохновеніе подсказало Максимовой, что она должна говорить на слѣдующемъ допросѣ, или сами слѣдователи познакомили Максимову съ показаніемъ Терентьевой и убѣждали ее «признаться», но уже на другой день Максимова даетъ новое показаніе; противорѣчія самой себѣ, но въ согласіи съ тѣмъ, что говорила Терентьева, она заявляетъ, что сама у калитки дома взяла ребенка изъ рукъ Ханны Цетлинъ и внесла въ комнаты, куда послѣдовала и Терентьева,

и въ тотъ же вечеръ перенесла мальчика къ Мирки Аронсонъ. Послѣ этого оставалось лишь согласовать показаніе Максимовой, будто она видѣла ребенка живымъ въ среду въ домѣ Цетлинъ, и заявленіе Терентьевой, будто видѣвшей его мертвымъ въ четвергъ въ домѣ Мирки Аронсонъ, и вотъ Максимова спѣшила добавить (4 декабря), что она—неизвѣстно, впрочемъ, почему—несколько разъ переносила мальчика изъ дома въ домъ, и именно въ среду онъ былъ у Ханны Цетлинъ, а въ четвергъ, сойдя въ погребъ въ домѣ Мирки Аронсонъ, она увидѣла тамъ ребенка мертвымъ.

Объявивъ себя такимъ образомъ причастной къ умерщвленію солдатскаго сына, Максимова должна была, конечно, и впредь слѣдовать по вышавшему на ея долю пути.

5-го декабря Максимова показала, что въ Фоминъ понедѣльникъ приказчики Мирки, Іосель Мирласъ и Абрамъ Глушковъ, прїѣхали во дворъ Цетлина въ бричкѣ, изъ которой она, «по приказанію хозяевъ вынувъ мальчика, обмыла запекшуюся кровь, и, одѣвъ его въ его платье, положивши его опять въ бричку, отвезла его съ тѣми евреями за городъ и положила на кочку».

Эти слова должны были послужить коррективомъ къ необдуманному показанію Терентьевой, будто трупъ былъ брошенъ въ воду. Но тотъ, кто руководилъ Максимовой и Терентьевой, не могъ «вбить» въ голову этимъ темнымъ женщинамъ сложную картину измышленного преступленія и, поправивъ одну ошибку свидѣтельница, онъ долженъ былъ тотчасъ сглаживать новое противорѣчіе. При такихъ обстоятельствахъ допросы Максимовой и Терентьевой—каждой въ отдѣльности—не обѣщали успѣха, и Страховъ сталъ прибѣгать также и къ очнымъ ставкамъ, на которыхъ легче было согласовать разнорѣчивыя показанія обвинительницъ. Дѣйствительно, на первой же очной ставкѣ, 7 декабря, Максимова «утвердилась» на показаніи Терентьевой.—5-го декабря Максимова, какъ было выше отмѣчено, показала, что она отвезла ребенка за городъ въ бричкѣ совмѣстно съ Іоселемъ и Абрамомъ; но послѣ того ей было сообщено, что важнейшая улика противъ евреевъ заключается въ томъ, что, по заявлению некоторыхъ свидѣтелей, въ день когда былъ найденъ трупъ, двое евреевъ, безъ сопровожденія

женщинъ, проѣхали по дорогѣ въ бричкѣ; кромѣ того, она узнала на очной ставкѣ съ Терентьевой, что, по словамъ послѣдней, онѣ вмѣстѣ унесли ребенка изъ дома. И, предавая полному забвѣнію показаніе, данное 5 декабря, Максимова заявляетъ 7 декабря, что, когда, положивъ ребенка на кочку, она возвращалась съ Терентьевой домой, «на встрѣчу имъ проскакали въ бричкѣ на парѣ лошадей два еврея, изъ коихъ одинъ былъ приказчикъ Госель». ¹⁾

Эта же очная ставка дала возможность и Терентьевой внести поправку въ свое прежнее показаніе и заявить (8 декабря), что ребенокъ «былъ отнесенъ за городъ», а не брошенъ въ воду, какъ раньше говорила.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. 8-го декабря Терентьева обнаружила новую подробность изъ фантастической трагедіи: именно, когда она съ Ханной Цетлинъ и Максимовой пришли къ Миркѣ, эта послѣдняя съ находившимися у нея евреями и со своей прислугой Прасковьей Козловской мучили въ склепѣ ребенка и онъ черезъ полтора часа умеръ, послѣ чего христіанки обмыли мальчика и одѣли его, а затѣмъ Максимова съ Терентьевой отнесли его за городъ. И Максимова подтвердила это показаніе Терентьевой, упуская изъ виду, что 5 декабря она сообщила, будто несчастный ребенокъ былъ привезенъ въ домъ Цетлина и тамъ обмытъ.

Привлеченіе служанки Берлинныхъ, Прасковы Козловской, къ участію въ преступленіи было весьма важно въ цѣляхъ наѣта; находясь въ домѣ, гдѣ произошло умерщвленіе ребенка, Козловская должна была явиться одной изъ доказательницъ виновности евреевъ.

Прасковья Козловская была арестована; 15 декабря ее подвергли допросу, но она заявила, что никакие евреи и никто изъ христіанъ не приходилъ къ нимъ, что хозяева и работницы все время оставались дома и что солдатскаго сына она ни въ погребѣ, ни въ комнатахъ не видѣла ²⁾.

¹⁾ 8 Декабря, по словамъ Страхова, Максимова утвердила показаніе, данное Терентьевой 7 Декабря, но этого показанія въ текстѣ записки нетъ.

²⁾ Въ это время, неизвѣстно по какой причинѣ, Бенкендорфъ былъ отстраненъ отъ разслѣдованія дѣла и его замѣстилъ другой адьютанть кн. Хованскаго, капитанъ Власенковъ.

Явная и грубая противорѣчія въ показаніяхъ Терентьевой и Максимовой, а особенно несознаніе Козловской побудили Страхова примѣнить къ этимъ женщинамъ особую тактику; «дабы выиграть довѣренность преступницъ и расположить ихъ къ чисто-сердечному раскаянію и полному во всемъ признанію», Страховъ призналъ единственнымъ къ тому средствомъ „хорошее съ преступницами обращеніе, порядочное ихъ продовольствіе, доставленіе имъ способовъ заниматься работою въ собственную пользу, часто посыпая въ церковь для слушанія Божественной литургіи, и священническими увѣщаніями возбуждая въ нихъ время отъ времени чувство раскаянія... располагать ихъ... къ чисто-сердечному признанію, оставляя каждой свободу приводить себѣ на память обстоятельства, сопровождавшія происшествіе».

Терентьеву и Максимову стаці „приводить себѣ на память обстоятельства, сопровождавшія происшествіе“; не спѣша, постепенно, они создавали картину фантастического событія и если по прежнему некоторые моменты были имъ подсказаны и вообще ихъ кистью водила чужая рука, то вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшіе пытливые допросы Страхова побуждали женщинъ вносить въ событіе новые факты, новые подробности.

На допросѣ 12 января 1826 г. Терентьеву „упорядочила“ свои прежнія показанія; такъ, желая устраниТЬ разнорѣчіе по поводу мѣстоахожденія трупа ребенка, она объяснила теперь, что ей было поручено бросить мальчика въ воду, но она по собственному побужденію положила его за городомъ на кочку; на этомъ же допросѣ Терентьеву привела новые данные, которыя, совпадая съ медицинскимъ протоколомъ, придали ея показанію правдивый характеръ; по ея словамъ, послѣ того, какъ ребенка раздѣли, „еврей Поселенный, взявши его, посадилъ ногами въ повышенную посреди горницы бочку, въ которой евреи качали его около двухъ часовъ; потомъ Поселенный, вынувъ его изъ бочки, положилъ на столъ, обрѣзаль на рукахъ и ногахъ ногти и срѣзаль на концѣ дѣтского уда немного кожицы (а раньше Терентьеву говорила о совершенно отрѣзанномъ половомъ органѣ), послѣ чего Мирка понесла ребенка въ погребъ, гдѣ положила въ начовку, а Поселенный перевязалъ ему ремнями ноги и руки (въ протоколѣ указывалось, что у ребенка были во время умерщвленія перевязаны ноги); потомъ

онъ и остальные евреи кололи его желѣзомъ, подобно гвоздю" (въ медицинскомъ протоколѣ сказано „гвоздемъ, у которого острый кончикъ нарочно отломанъ").

Однако, въ медицинскомъ протоколѣ былъ еще одинъ пунктъ, требовавшій своего разъясненія; онъ гласилъ, что у ребенка были „губы крѣпко къ зубамъ и носъ ко рту придавлены, на затылкѣ же шеи темнобагровый, кровью истекшій зандъ". Терентьеву объяснила, что это произошло оттого, что Максимова завязала ребенку ротъ и носъ платкомъ, узломъ на затылкѣ. Но тогда возникъ вопросъ, для чего именно это понадобилось? И забывъ, что по прежнему показанію ребенокъ умеръ еще въ домѣ Мирки, бѣдная Терентьева заявляетъ теперь, что „какъ мальчикъ былъ еще живъ, то опасаясь, чтобы дорогую не заплакалъ", ему завязали ротъ, и онъ по дорогѣ задохся.

И достойно особаго вниманія то обстоятельство, что спустя шесть дней Максимова въ свою очередь также измѣняетъ свое прежнее показаніе и описываетъ событіе сходно съ Терентьевой. Если даже допустить, что женщины не клеветали на евреевъ, что онѣ „припоминали" дѣйствительныя обстоятельства, сопровождавшія злодѣяніе, то какъ объяснить, что онѣ одинаково и одновременно ошибались, одинаково и одновременно поправляли ошибки, хотя онѣ вновь, по прежнему, стали подвергаться допросамъ каждая въ отдельности. Такъ напримѣръ, раньше свидѣтельницы говорили, что солдатскаго сына въ домѣ Цетлина привела сама Ханна; но 12 января Терентьеву сообщаетъ, что не Ханна, а она, Терентьева, привела ребенка, и вслѣдъ за ней (18 января) Максимова также показываетъ, что мальчикъ былъ приведенъ Терентьевой. И такое хожденіе одной доказательницы по стопамъ другой продолжалось во все время допросовъ, причемъ вначалѣ чаще случалось, что Максимова подтверждала показанія Терентьевой, а не наоборотъ; это было естественно; если бродячая Терентьева имѣла весьма слабое представление о томъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ найденъ трупъ и когда это произошло, то Максимова решительно ничего не знала о событіи; благодаря этому она терялась на передопросахъ и охотно соглашалась съ показаніемъ болѣе смѣлой Терентьевой; но потомъ и она стала смѣлѣ въ клеветѣ. Любопытно ея заявленіе, будто въ тотъ день,

когда полиція дѣлала обыскъ въ домѣ Берлина, мальчикъ былъ перенесенъ къ Ханѣ Цетлинѣ, и Ханна Цетлинѣ „сказывала смыючись, что у Мирки мальчика не нашли". Максимова не подозревала, что обыскъ у Берлина былъ произведенъ тогда, когда трупъ ребенка былъ уже найденъ и даже подвергнутъ вскрытию¹⁾ и не могъ находиться у Ханны Цетлинѣ!

25 января 1826 г. Терентьеву уже нѣсколько иначе описала мученіе ребенка; оказалось, что не Поселенный вынула мальчика изъ бочки, а сама Терентьева, не Поселенный обрѣзала ногти, а Шифра Берлинѣ. Но чрезвычайно важнымъ, какъ по своему содержанію, такъ и по вызваннымъ послѣдствіямъ, явилось показаніе Терентьевой, будто истерзанного ребенка отнесли не въ погребъ въ домѣ Мирки, а въ большую синагогу, и тамъ, въ синагогѣ, его подвергли дальнѣйшимъ мученіямъ.

Въ этотъ моментъ преступленіе, якобы совершенное Миркой и нѣсколькими другими евреями, было распространено слѣдователями, а затѣмъ и русскимъ правительствомъ, на все еврейское населеніе города Велижа, болѣе того—на все еврейское населеніе Россіи. Безчеловѣчное злодѣяніе свершилось не по злой волѣ отдельныхъ лицъ, а по требованію еврейского вѣроученія. Мѣстомъ „пролитія" крови служилъ не погребъ въ частномъ зданіи, а священный домъ Божій.

Максимова, конечно, „показала сходно съ Терентьевой", будто ребенокъ былъ окончательно замученъ въ синагогѣ.

Послѣ этого обѣихъ обвинительницъ-соучастницъ долго не беспокоили. Вниманіе Страхова было обращено на несознавшуюся Козловскую, прислугу Берлиныхъ; ее необходимо было ознакомить съ подробностями фантастического событія и привести къ „сознанію"²⁾.

Послѣ 2-хъмѣсячнаго пребыванія въ заключеніи, Козловская заявила, что въ первый день пасхи у Мирки собрались многіе евреи и оставались за полночь, и что въ среду

¹⁾ Эта несообразность была отмѣчена гр. Мордвиновымъ.

²⁾ Выйти можетъ это было теперь тѣмъ легче, что адъютанта Хомяковаго, капитана Власенкова, въ это время (21 февраля 1826) устроили отъ участія изъ разслѣдованій дѣла и его замѣститель велижской помѣской начальникъ кн. Друцкой-Соколинскій.

Св. Недѣли она увидѣла въ сѣняхъ, предъ горницей Славки, пла-
кавшаго христіанского мальчика.

Но бросивъ подозрѣніе на своихъ хозяевъ, Козловская все
еще продолжала отрицать присутствіе христіанокъ въ домѣ
Берлинныхъ; когда же мѣсяцъ спустя (31 марта 1826 г.) она
наконецъ заявила, что среди лицъ, собравшихся у Мирки
на пасху, были также обѣ христіанки, то присовокупила,
что ей ничего неизвѣстно о томъ, что происходило въ ком-
натахъ Мирки.

Послѣ этого начались аресты среди евреевъ. Семидесятилѣт-
няя Мирка Аронсонъ избѣгла печальной участіи быть заклю-
ченной въ тюрьму лишь потому, что своевременно отошла въ
иной міръ. Ханна Цетлиа, достигшая почти полуувѣкового
возраста, и Славка Берлинъ, прошедшая 54-лѣтній жизненный
путь—были первыя, переступившія порогъ темницы. 8-го ап-
рѣля 1826 г. тюремная дверь оторвала ихъ отъ семьи, отъ
прошлой жизни.

За ними вскорѣ послѣдовали и другіе. 15 апрѣля были
арестованы Ицка Нахимовскій, Абрамъ Глушковъ и Іосель Тур-
новскій. Въ сущности трудно понять, почему именно эти лица
были взяты подъ стражу; обвинительницы не указали
на нихъ, какъ на соучастниковъ; Ицка Нахимовскій, торговав-
шій овсомъ и сѣномъ въ томъ домѣ, въ которомъ жилъ
Шмерка Берлинъ, былъ лишь заподозрѣнъ „въ знаніи о про-
исшествіи, потому что, по показаніямъ Терентьевой и Макси-
мовой, находился нѣкоторое время въ панимаемой имъ горницѣ
въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ солдатской сынъ претерпѣлъ
первые мученія“; что касается Абрама Глушкова и шестиде-
сятичетырехлѣтняго Іоселя Турновскаго, то они были аресто-
ваны лишь потому, что служили сторожами: первый у Мирки
Аронсонъ, а второй у Нахимовскаго; причемъ въ отношеніи
Іоселя Турновскаго было отмѣчено, что ему хозяинъ прика-
зывалъ слѣдить, дабы „не вымазалъ кто какого-либо мѣста кровью
и не сказали бы потому, что солдатской сынъ убить въ томъ
домѣ“.

Тогда же, или нѣсколько позже, былъ арестованъ и мужъ
Славки Берлинъ, Шмерка.

Велижскіе евреи знали, кто былъ виновникомъ ихъ несчастія.
нимъ были извѣстны учитель Петрица и сапожникъ Филиппъ Азад-
кевичъ, тотъ Азадкевичъ, который за „противныя и буйствен-
ные дѣйствія и преступленія былъ неоднократно судимъ и по
рѣшенію витебской уголовной палаты, былъ лишенъ части“ и
подвергнутъ тѣлесному наказанію.

Еще тогда, когда по городу разнеслось первое извѣстіе о
найденномъ трупѣ солдатскаго сына, Петрица «выпустилъ въ
народъ» книгу, говорившую объ употребленіи евреями хри-
стіанской крови; тогда же Азадкевичъ, вмѣстѣ съ Терентьевой,
сталъ разглашать, что преступленіе это дѣло рукъ евреевъ. Въ
моментъ подачи Терентьевой прошенія государю, Азадкевичъ,
по свидѣтельству многихъ евреевъ, былъ невдалекѣ отъ нея.
Теперь же, когда начались аресты среди евреевъ, Азадкевичъ
еще энергичнѣе продолжалъ распространять «въ толпахъ людей
по рядамъ и улицамъ» легенду о ритуальныхъ преступленіяхъ,
ссылаясь на имѣвшуюся у него въ рукахъ какую-то книгу.
Еврейское общество рѣшило протестовать противъ подобной
агитациіи, разжигавшей народныя страсти. 10 мая 1826 года
собраніе велижскихъ хозяевъ-евреевъ письменно обратило вни-
маніе кагала «на предметъ развратныхъ рѣчей, произносимыхъ
вреднымъ, злымъ, влomyсленнымъ, распутнымъ Азадкевичемъ»; от-
мѣтивъ, что Азадкевичъ «умножилъ ощущительную вражду
мѣщанъ-христіанъ къ намъ, евреямъ» и что «ожиданіе и умоя-
ченіе еще времени въ принятіи способовъ къ прекращенію рѣ-
чей Азадкевича... неминуемо озлобить сердца всѣхъ гражданъ
христіанъ съ особою ненавистью на насъ стремящіеся при вся-
комъ случаѣ», собраніе хозяевъ просило кагаль довести о семъ
до свѣдѣнія начальства, присовокупивъ, что не только евреи, но и
нѣкоторые христіане подтверждаютъ справедливость жалобы. Ка-
галь исполнилъ требование общества; онъ обратился въ поліцію
съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ, прося, между прочимъ,
отобрать у Азадкевича подозрительную книгу. Но прошеніе
кагала было оставлено безъ всякаго вниманія. Когда же
всегда затѣмъ былъ арестованъ Евзикъ Цетлинъ (20 июня),
велижскіе евреи поняли, что слѣдственная дѣятельность Стра-
хова тѣсно связана съ агитационной дѣятельностью Азадкевича.
Они поспѣшили обратиться съ жалобой (въ августѣ) къ ми-

нистру юстиції; отмѣтивъ агитацію противъ евреевъ, предпринятую Петрищой и Азадкевичемъ, они указали, что «Страховъ, прибывши въ Велижъ, склонился къ предразсудкамъ жителей города чрезъ Петрищу, лѣкаря Левена и Азадкевича, въ нихъ укорененныхъ, по частымъ съ ними свиданіямъ».

Увы, эта жалоба уже не могла предотвратить надвигавшуюся катастрофу...

О результатахъ своего разслѣдованія Страховъ отъ времени до времени доносилъ кн. Хованскому и несмотря на заключившіяся въ слѣдственномъ материалѣ неточности, неясности и противорѣчія, кн. Хованскій тотчасъ утвердился въ мнѣніи, что солдатскій сынъ палъ жертвой еврейского изувѣрства.

Мы видѣли, какими смѣлыми мазками обвинительницы рисовали вымыщенное происшествіе; никто не охлаждалъ ихъ фантазіи; напротивъ, ее искусственно разжигали на допросахъ; да и сами женщины другъ друга воспламеняли своими рассказами, полными кровавыхъ эффектовъ. Но наступило время, когда слѣдователю пришлось услышать слово арестованныхъ евреевъ; какъ ни былъ слабъ ихъ голосъ, все же ихъ показаніе, врываясь рѣзкимъ диссонансомъ въ дикую фантасмагорію, созданную объемами христіанками, нарушило производимое ею впечатлѣніе и открывало дорогу правдѣ.

Надо было сковать языки евреямъ; каждое ихъ слово обратить въ ложь. И вотъ, въ іюль 1826 г., Страховъ доноситъ кн. Хованскому, что, вопреки Екатерининскому указу, евреи въ качествѣ свидѣтелей приводятся къ присягѣ «не по обрядамъ ихъ вѣры, а по такому же клятвенному обѣщанію, по какому приводятся къ присягѣ и христіане, съ перемѣнною только въ присяжномъ листѣ словъ «святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ... крестъ Спасителя моего» на десять заповѣдей», вслѣдствіе чего, по словамъ Страхова, евреи, принимая такую присягу, «показанія свои располагаютъ по произволу, смотря по обстоятельствамъ и собственнымъ пользованью и выгодамъ».

Изъ этого вытекало, что показанія евреевъ по дѣлу объ умерщвлѣніи ребенка не заслуживаютъ никакого довѣрія,

что все евреи клятвонарушители! И въ связи съ этимъ Страховъ рѣшилъ выставить ритуальное обвиненіе противъ всѣхъ евреевъ вообще. Правда, изъ произведенного имъ слѣдствія одно лишь заявленіе христіанокъ, будто ребенокъ умеръ въ синагогѣ, говорило о томъ, что велижское событие связано съ еврейской религіей; но, повидимому, опору для своего обвиненія Страховъ нашелъ въ книжѣ Петрицы. Какъ бы ни было, представленный имъ материалъ оказался вполнѣ убѣдительнымъ для кн. Хованскаго; на основаніи доклада Страхова кн. Хованскій счѣлъ возможнымъ придать велижскому событию характеръ преступленія, содѣяннаго евреями по требованію ихъ рѣлигіи, преступленія, въ которомъ если не физически, то духовно приняли участіе всѣ евреи въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ онъ представилъ (16 авг. 1826 г.) всеподданійшее донесеніе и вслѣдъ затѣмъ велижскіе евреи были внезапно потрясены высочайшимъ повелѣніемъ: «...такъ какъ оное происшествіе доказываетъ, что жиды оказываютъ имъ терпимостью ихъ вѣры употребляютъ во зло, то въ страхѣ и примѣрѣ другимъ жицковскія школы въ Велижѣ запечатать впередъ до повелѣнія, не дозволяя служить ни въ самыхъ сихъ школахъ, ни при нихъ».

Это повелѣніе было тотчасъ приведено въ исполненіе, причемъ запрещеніе совершать богослуженіе «въ школахъ и при нихъ» было распространено мѣстной властью и на частные дома; тогда же скрижали были взяты изъ синагоги и «отданы въ присмотръ полиціи».

Возможно ли изобразить, что испытали въ этотъ моментъ велижскіе евреи. Лишеніе евреевъ священнѣйшаго права исполнять священные обязанности, права молиться Богу — было равносильно объявленію имъ смертнаго приговора.

ГЛАВА III.

Высочайшее повелѣніе о закрытіи молитвенныхъ домовъ было чревато весьма печальными послѣдствіями; кн. Хованскій и Страховъ поняли, что государь склонился къ мысли, будто велижское влѣдѣніе тѣсно связано съ еврейскимъ вѣроученіемъ и всѣ евреи отвѣтственны за кровь несчастнаго мальчика. А этого они только и добивались, и такъ какъ, приказавъ закрыть

молитвенные дома, государь вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ «непремѣнно дослѣдоватъ» велижское событіе, то кн. Хованскій и Страховъ, какъ бы съ санкціію государя, направили теперь свои изысканія не въ глубь велижского злодѣянія, а въ глубь еврейской жизни; не кровавое дѣяніе, погубившее солдатскаго сына, а кровавыя страницы изъ исторіи евреевъ стали предметомъ изученія Страхова; не на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть ребенка, а на вѣковомъ миѳѣ о ритуальныхъ преступленіяхъ евреевъ должно было быть построено обвиненіе велижскихъ евреевъ въ умерщвлѣніи солдатскаго сына.

Чрезъ посредство сурожскаго исправника Страховъ узналъ, что въ Ленчицахъ, въ монастырѣ бернардиновъ, хранится тѣло младенца, замученного евреями, которые якобы сознались въ преступленіи, и что до послѣдняго времени на стѣнѣ монастыря висѣла картина, наглядно изображавшая злодѣяніе¹⁾.

Это извѣстіе было исходнымъ пунктомъ для «историческихъ» изысканій Страхова. Такъ какъ ритуальные преступленія евреевъ,—писалъ онъ кн. Хованскому,—совершаются при одинаковыхъ обстоятельствахъ, потому что имѣютъ «едино начало», то сознаніе ленчицкихъ евреевъ, положенное, какъ ошибочно полагалъ Страховъ, въ основу обвинительного приговора, должно «содержать въ себѣ причину, преданіе или правило суевѣрнаго заблужденія, служащаго евреямъ основаніемъ къ подобному злодѣянію и въ какихъ книгахъ сіе правило или тайна ихъ суевѣрія заключается». И Страховъ просилъ кн. Хованскаго позаботиться о томъ, чтобы были отысканы акты ленчицкаго процесса, «сколько для неопровергаемаго доказательства, что умерщвлѣніе евреями христіанскихъ младенцевъ не подвержено сомнѣнію, а не менѣе и для соображенія съ производимымъ имъ изслѣдованіемъ, дабы при убѣждѣніи евреевъ къ сознанію... дѣйствующа на нихъ доказательствами, рѣшенiemъ подобнаго дѣла утверждеными, что злодѣянія сего рода имъ

¹⁾ О Ленчицкомъ процессѣ имѣются свѣдѣнія у С. Бершадскаго „Старинное средство“ (Восходъ, 1894 г. кн. X) и въ „Историческихъ сообщеніяхъ“ С. М. Дубнова (Восходъ, 1895 г. кн. II). Изъ декрета трибунала видно, что евреи, несмотря на пытки, не признали на себя вины. Изъ-за указанной картины и возникъ эпизодъ съ Дунинымъ изложенный въ предыдущей главѣ.

обыкновенны, онъ могъ окончить производимое имъ (Страховымъ) дѣло съ желаемымъ успѣхомъ».

Итакъ, фактъ умерщвлѣнія евреями христіанскихъ дѣтей не подверженъ сомнѣнію, а потому если даже противъ данныхъ обвиняемыхъ евреевъ и нѣтъ уликъ, слѣдователи все же должны добиться отъ нихъ сознанія въ предъявляемомъ обвиненіи.

Въ средніе вѣка такое признаніе вырывалось официально производившимися пытками. Въ дни велижской драмы къ нимъ нельзя было прибѣгать открыто. Но положеніе подсудимыхъ отъ этого не улучшилось; къ физическимъ пыткамъ, которыхъ, правда, въ значительно смягченной формѣ стали примѣняться келейными путемъ, присоединились новыя нравственная страданія: выслушивать отъ слѣдователей увѣренія, что исторія доказала виновность евреевъ и что сами раввины признавались въ ритуальныхъ преступленіяхъ!

Доказательствомъ виновности велижскихъ евреевъ долженъ быть, по замыслу Страхова, явиться ленчицкій процессъ 1639 года, и это глумленіе надъ правосудіемъ, это мучительное издѣвательство надъ евреями не смутило кн. Хованскаго—онъ нашелъ предложеніе Страхова «основательнымъ» и въ октябрѣ 1826 г. обратился къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ просьбою истребовать откуда слѣдуетъ документы, относящіеся къ ленчицкому дѣлу.

Между тѣмъ, послѣ перерыва, допросы свидѣтельницъ возобновились. 23 сентября Терентьевъ внесла новую подробность въ фантастическое описание велижского событія; она заявила, что на другой день послѣ умерщвлѣнія ребенка она пошла къ «еврейскому лѣкарю Орлику, жена коего, переодѣвши ее въ еврейское платье, повела въ школу, въ которой были тѣ же евреи и еврейки, кои были и наканунѣ, а на столѣ стояла начовка съ кровью солдатскаго сына, изъ которой Орликъ велѣлъ ей слить отстоявшуюся воду и мышать кровь въ начовкѣ... и разболтавъ ону, вылить въ поданный Миркою бочонокъ, а въ оставшейся въ начовкѣ немногой крови мочия аршина два бѣлыхъ холста, каковой еврей Орликъ разрѣзаль въ куски, раздѣливъ оные между евреями и еврейками, по каковому кусочку дать и ей (Терентьевой) съ Максимовой. Бочонокъ съ

кровью отнесла она (Терентьева) въ угольный каменный домъ съ зеленою крышей и поставила оный въ особую каморку».

Максимова охотно подтвердила (17 октября) справедливость этого показания Терентьевой, и, какъ бы желая сохранить за собою честь послѣдняго удара, прибавила также и съ своей стороны нечто новое. По ея словамъ, Ханна Цетлинъ неоднократно просила ее никому не говорить о солдатскомъ сыне, но «дабы совершенно быть въ томъ увѣренной, уговаривала ее принять еврейскую вѣру, и когда она согласилась, то Цетлинъ, напоивъ ее пьяною, послала къ еврею, прозвываемому Пѣтушкомъ (то былъ Янкель Черномордикъ), который пожелъ ее въ еврейскую школу, находящуюся въ томъ же самомъ, въ которомъ онъ живетъ, домѣ, въ которой при женѣ своей (Эстеръ Черномордикъ) и обратилъ ее въ еврейскую вѣру»...

Слѣдствіенный матеріалъ такимъ-то образомъ постепенно возрасталъ въ рукахъ Страхова, но это его не удовлетворяло: ему нужно было признаніе со стороны самихъ евреевъ, а они продолжали упорно отрицать свою вину. И не видя, чтобы его «убѣжденіе евреевъ къ сознанію» привело къ цѣли, не видя, чтобы извѣстіе о «признаніи» христіанокъ склонило евреевъ къ уступкамъ, Страховъ рѣшилъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ сталъ подвергать евреевъ физическому воздействию. Въ ночь съ 18 на 19 ноября прохожие услыхали доносившіеся изъ дома слѣдователя «чрезвычайные вопли и ужасные стоны». И такъ какъ въ это время среди заключенныхъ находились Евзикъ Цетлинъ и его жена Ханна, а также сынъ престарѣлого Беніамина Берлина, Шмерка Берлинъ съ женою Славкой, то Итка Цетлинъ, въ страхѣ за судьбу своихъ родителей, а Беніаминъ Берлинъ—за судьбу Шмерки и Славки, тотчасъ же заявили уѣздному стряпчему по уголовнымъ дѣламъ о томъ, что происходило въ домѣ слѣдователя; уѣздный стряпчій послѣдний отправиться вмѣсть съ ними къ полицій-мейстеру, но оказалось, что и полицій-мейстеръ находился въ это время въ домѣ слѣдователя. Напрасно Итка Цетлинъ и Беніаминъ Берлинъ просили на слѣдующій день о медицинскомъ освидѣтельствованіи родныхъ, полиція отказалась вмѣшаться въ это дѣло.

Еще до этой печальной ночи Шефтель Цетлинъ

брать Евзика Цетлина, и Берка Нахимовскій, отецъ заключенного Ицки Нахимовскаго, обратились съ жалобой въ Петербургъ. 18 ноября въ Сенатъ поступило ихъ общее прошеніе, въ которомъ изъяснялись «разныя истязанія и угнетенія», чинимыя заключеннымъ Страховымъ; теперь же, послѣ здополучной ночи, выступилъ съ жалобой также и проживавшій въ Петербургѣ велижскій мѣщанинъ Гирша Броуда, женатый на сестрѣ Славки Берлинъ. 21 января 1827 г. онъ подалъ въ Сенатъ прошеніе, и затѣмъ, въ теченіе всего процесса, не представлялъ дѣйствовать въ пользу заключенныхъ родственниковъ и единовѣрцевъ.

А вскорѣ число жертвъ увеличилось. 28 февраля 1827 г. былъ арестованъ 28-лѣтній Гирша Шмерковъ Берлинъ и вмѣстѣ съ нимъ его жена Шифра; тогда же ночью былъ схваченъ 19-лѣтній зять Шмерка Берлина, Янкель Гиршевъ Аронсонъ, и тотчасъ закованъ въ кандалы; одновременно былъ заключенъ въ тюрьму и Орликъ Девирцъ.

Эти аресты вызвали новыя жалобы со стороны евреевъ; къ Беніамишу Берлину, Беркѣ Нахимовскому и Шефтеле Цетлину, обратившимся съ прошеніями также къ министру юстиціи, присоединилась и вдова Рохля Аронсонъ, мать Янкеля. Жалобы евреевъ обратили на себя вниманіе въ Петербургѣ. Государю стало известно о томъ, что творилось въ Велижѣ, и 19 марта 1827 года министръ юстиціи уѣдомилъ кн. Хованскаго о высочайшемъ повелѣніи «дать безъ малѣшаго отлагательства законный ходъ слѣдственному дѣлу».

Это повелѣніе должно было вырвать изъ груди евреевъ вдохъ облегченія: кн. Хованскому предстояло теперь же привлечь къ разслѣдованію дѣла, кроме Страхова, другихъ представителей власти и, по обычному порядку, передать все дѣло, по завершенніи слѣдствія, надлежащему судебному учрежденію.

И значеніе высочайшаго повелѣнія еще тѣмъ усугублялось, что государь вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ, чтобы «евреямъ дозволено было, если имѣтъ ясныя надлежащія доказательства о пристрастіи при слѣдствії, представить оныя Правительствующему Сенату для разсмотрѣнія», изъ чего нельзѧ не заключить, что государь заподозрилъ въ беззаконіи тѣхъ лицъ, на которыхъ кн. Хованскимъ было возложено разслѣдованіе дѣла.

Болѣе того, государь, повидимому, не имѣлъ довѣрія также къ другимъ представителямъ мѣстной власти и къ самому кн. Хованскому; потребовавъ, чтобы прокуроръ наблюдалъ за ходомъ дѣла до самого его окончанія, государь велѣлъ, «чтобы при слѣдствіи и судебномъ разсмотрѣніи сего дѣла были сохранены съ строгой точностью общіе законы и высочайшее повелѣніе 28 февраля 1817 г.¹⁾», по подобному происшествію въ Гродненской губерніи послѣдовавшее, которымъ предписано руководствоваться не предположеніемъ преступленія, но судебными уликами»; кромѣ того, государь пожелалъ, чтобы рѣшеніе, которое послѣдуетъ по дѣлу, не было приведено въ исполненіе, а «было представлено его величеству установленнымъ порядкомъ, чрезъ Правительствующій Сенатъ».

Но и высочайшее повелѣніе не было въ силахъ измѣнить направление, которое было дано велижскому дѣлу Хованскому и Страховымъ. Когда губернскій прокуроръ, въ исполненіе указа государя, предложилъ уѣздному стряпчему по уголовнымъ дѣламъ находиться при слѣдствіи, Страховъ не только не допустилъ его къ разсмотрѣнію дѣла и обозрѣнію арестованныхъ, но донесъ Хованскому о какихъ-то упущеніяхъ стряпчаго при первоначальномъ слѣдствіи, указывая, что по «нравственности его не можно ожидать и беспристрастія и содержанія дѣла въ тайнѣ, ниже соблюсти осторожность отъ несношения съ евреями». Вслѣдствіе этого, даже не провѣривъ заявленія Страхова, генераль-губернаторъ удалилъ уѣздного стряпчаго по уголовнымъ дѣламъ и вместо него опредѣлилъ стряпчаго по гражданскимъ дѣламъ. Другимъ сотрудникомъ Страхова былъ назначенъ, по предписанію Хованского, засѣдатель витебскаго главнаго суда Хруцкій.

Сейчасъ же по открытіи дѣйствія этой новой комиссіи велижская полиція представила ей старыя прошенія Итки Цетлинъ и Беніамина Берлина. Но помимо сего Беніамина Берлинъ, Шефтель Цетлинъ и Берка Нахимовскій обратились непосредственно въ комиссию съ двумя прошеніями; въ одномъ они ходатайствовали о разрѣшении отобрать у арестованныхъ показанія о причиняемыхъ имъ «притѣсненіяхъ», дабы за-

¹⁾ Циркулярное сообщеніе кн. Голицына отъ 17 Марта 1817 г. приведенное въ 1-й главѣ.

тѣмъ жаловаться Сенату; въ другомъ они указывали, что Страховъ противозаконно заковалъ въ кандалы евреевъ сей-часъ же по взятіи ихъ подъ стражу, не сдѣлавъ даже исключенія для больного Гирши Берлина, и что больного Гиршу Аронсона «содержалъ въ самомъ изнурительномъ мѣстѣ, а сначала и въ кандалахъ, отъ чего онъ лишился жизни»; они также обратили вниманіе на то, что Страховъ не приглашалъ еврейскаго депутата къ производству дѣла, и въ виду изложенного жалобщики въ заключеніе просили объ удаленіи Страхова отъ слѣдствія. Комміssія, состоявшая изъ самого Страхова и угодныхъ ему людей, отвѣтила, что не можетъ дѣлать по этимъ прошеніямъ «удовлетворенія» и передала таковыя генеральному губернатору.

Передача прошеній Хованскому не обѣщала евреямъ ничего утѣшительного, а смерть Гирши Аронсона не могла не вызвать во всемъ велижскомъ еврейскомъ обществѣ мысли, что такая же страшная участіе ждетъ другихъ заключенныхъ и вообще тѣхъ евреевъ, которые по волѣ Страхова переступятъ порогъ тюрмы. 25 апрѣля и 2 мая Гирша Броуда вновь представлять въ Сенатъ жалобы, а 5 мая въ Сенатъ поступаетъ также прошеніе, сообща подписанное Беркой Нахимовскимъ, Беніаминомъ Берлинскимъ и Шефтлемъ Цетлинскимъ. Но велижскіе евреи не ограничились этими официальными жалобами; ища спасенія, они остановили взоры на бѣлорусскомъ помѣщикѣ, известномъ государственномъ дѣятельѣ, адмиралѣ Мордвиновѣ, не разъ уже выступавшемъ въ защиту еврейскаго населенія, и познакомили его съ потрясающей повѣстю своихъ страданій.

«Коль скоро,—такъ начиналась записка, представлена въ Петербургѣ евреями гр. Мордвинову¹⁾,—воля Августѣйшаго Монарха, изъявленная въ 17 день прошедшаго марта, чтобы при слѣдствіи и судебномъ разсмотрѣніи вышеизложенного дѣла

¹⁾ На имѣющейся у насъ копіи записки не указано, кому она была адресована; но принимая во вниманіе, что гр. Мордвиновъ и до того выступалъ за права еврейскаго населенія и что онъ и въ дальнѣйшемъ принималъ горячее участіе въ судьбѣ обвиняемыхъ, нельзя иначе предположить, что записка была представлена Мордвинову. Другаго защитника, къ которому можно было бы столь открыто и смѣло обратиться, у велижскихъ евреевъ не было.

сохранены были со всей строгою точностью общіе законы и Высочайшее повелѣніе 28 февраля 1817 года, коснулась слуху окованныхъ въ городѣ въ Великѣ евреевъ, то не только сіи несчастные, но и всѣ тамъ живущіе израильяне, проливъ слезу радости, вознесли усердныя мольбы свои къ Царю Царствующихъ благоденствіи Порфирионоснаго Отца, пекущагося о жизни и малѣшаго изъ своихъ подданныхъ. Они надѣялись, что возстанетъ судъ правый, обнажится злобная клевета и угнетенная невинность сложить тѣ оковы, въ коихъ заклепана и томится она другой уже годъ; но Бѣлорусскій г. генераль-губернаторъ есть сему преградою и Высочайшее повелѣніе не можетъ до сихъ поръ воспрѣять настоящаго своего дѣйствія.

Чиновникъ Страховъ поступилъ вопреки Высочайшей волѣ: онъ оставилъ безъ уваженія требованіе Витебскаго губернскаго прокурора, пренебрѣгъ троекратныя отношенія къ нему Великаго уѣзданаго стряпчаго и очернилъ его еще предъ лицомъ г. генераль-губернатора, который, основываясь во всемъ на единственныхъ извѣстахъ сего чиновника, вмѣсто того, чтобы во исполненіе Высочайшаго соизволенія воспретить нелѣпые предразсудки о употребленіи якобы евреями крови христіанина и велѣть дать тотчасъ дѣлу сему судебное направленіе и сохранить со строгою точностью общіе законы истребованіемъ членовъ магистрата и депутатовъ отъ прикоcновенныхъ къ сему обстоятельству сословій, распорядился только тѣмъ, что въ пособіе Страхову назначилъ губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго и засѣдателя I-го департамента главнаго суда.

Нѣть никакихъ сомнѣній, что сіи чиновники отряжены не въ согласность государственныхъ установлений, но избраны по желанію г. Страхова, дабы не встрѣтить ему особыхъ противорѣчій въ истязаніи захваченной имъ жертвы; ибо предметъ дѣла сего не заключаетъ въ себѣ казеннаго интереса, по которому бы прилично было при ономъ бытъ стряпчemu казенныхъ дѣлъ, но онъ требуетъ для наблюденія за порядкомъ настоящаго производства, по основанію Высочайшихъ о управлениі губерній учрежденій, стряпчаго дѣлъ уголовныхъ. Засѣдатель же главнаго суда, покорствуя волѣ г. генераль-губернатора и зная изъ случая, послѣдовавшаго чрезъ г. Страхова съ уѣзднымъ стряпчимъ, конечно, не возымѣть смѣлости противупо-

лагать что либо дѣйствіямъ слѣдователя, снискавшаго къ себѣ непомѣрное довѣріе отъ главнаго начальника губерніи,— депутатъ же отъ стороны военной и отъ сословія еврейскаго, равно и члена магистрата, какъ сего требуютъ общіе законы, не приглашено къ сему дѣлу вовсе; слѣдовательно воля Монарха не приводится въ исполненіе и несчастные евреи зависятъ по прежнему отъ единаго хотѣнія г. Страхова.

Полтора уже мѣсяца какъ возникло Высочайшее повелѣніе, но производство въ изслѣдованіи не имѣть никакихъ движений, кроме одной только усиленной отъ г. Страхова жестокости. Захваченные обоего пола евреи отторгнуты отъ своихъ домовъ; хозяйство ихъ брошено безъ всякаго надзора; промыслы пресѣчены и весь оборотъ торговый оставленъ безъ присмотра; жертвы невинныя томятся въ оковахъ и даже такъ, что не только въ жесточайшихъ своихъ болѣзняхъ, но и въ послѣднія минуты своей жизни не имѣютъ отъ оныхъ освобожденіе; одинъ ужасъ и отчаяніе остались имъ въ удѣль и мучительныя пытки владѣютъ ихъ сердцами.

Состраданіе не имѣть мѣста въ чувствахъ ожесточеннаго изслѣдователя, онъ неумолимъ и человѣчество предъ нимъ — ничто.

Нѣсколько времени содергжть въ своей комнатѣ молодую, отвлеченнную отъ мужа, евреянку, дочь витебскаго еврея Зейлика Зейликсона¹⁾; она больна и подвержена обыкновеннымъ женскимъ немощамъ; ни единая изъ женщинъ къ ней не допускается, она сама ея стражею и никто не извѣстенъ о пріуготовленной ей участіи...

Изъ числа же одержимыхъ болѣзнью,—позвѣтъ далѣе записка,—Янкель Гиршъ Аронсонъ,²⁾ бывшій во время несчастнаго происшествія не болѣе 13-ти или 14-ти лѣтъ отъ рода, приближался къ минутамъ смерти; просили слѣдователя облегчить наложенія на него оковы, ибо онъ и безъ нихъ не былъ подвиженъ съ мѣста; умоляли его дозволить ему исполнить долгъ покаянія, неотъемлемый даже и въ самыхъ грубыхъ націяхъ отъ подсудимыхъ, и допустить по крайней мѣрѣ родную

¹⁾ Это была Шифра, жена Гирши Берлина.

²⁾ Въ запискѣ ошибочно сказано „Берлинъ“.

его мать принять послѣдній вздохъ измученного ея сына, во никакія убѣжденія, ни слезы родственниковъ, ни даже самое отчаяніе раздирамой прискорбiemъ матери не были сильны тронуть чувствительность слѣдователя: онъ ничего не позволилъ, велѣль прогнать съ жестокостью мать и родственниковъ и злополучный Янкель 21 апрѣля скончался заклепанный въ оковахъ, какъ извергъ природы и убийца жесточайшій. Сей самой участіи ожидають и другіе, чрезвычайною болѣзнью одержимые.

Всѣ сіи поступки доказываютъ очевидно, что слѣдователь Страховъ не преминулъ обнадежить г. генераль-губернатора въ успѣшномъ открытии имъ того, что будто бы евреямъ необходима кровь христіанина, а генераль-губернаторъувѣрилъ въ ономъ и Государя Императора; сіе тѣмъ болѣе доказательно, что не иначе какъ съ сего единственнаго случая, 8-й уже мѣсяцъ воспрещено евреямъ въ городѣ Велижѣ исполненіе обрядовъ ихъ богослуженія, не только въ общихъ школахъ, которыхъ опечатаны, но и въ собственныхъ своихъ домахъ; къ тому же отняты отъ нихъ и скрижали, заключающія въ себѣ законъ ихъ вѣры; они отданы въ присмотръ полиціи и лежать въ сной съ крайнимъ къ сей святыни иевніманіемъ...

Не настоитъ нужды ни въ видимой медленности, ни въ истизаніяхъ, когда предразсудокъ, что кровь христіанина нужна евреямъ, не долженъ быть допускаемъ; стоять только тайнымъ образомъ солдатку Терентьеву и другихъ двухъ бабъ взять сюда¹⁾, спросить ихъ, и вся истина откроется; онъ поисками мѣщанина Азадкевича, лишенного честнаго имени, въ угодность слѣдователю наущены къ оговору евреевъ, показавъ, что будто бы и сами имѣли участіе въ мучительной смерти, нанесенной младенцу, и за то пользуются свободой.

Ваше Превосходительство! Вы единый есть защитникъ утѣсненныхъ и ревностный исполнитель воли и желаній Милосерднаго Монарха, услышьте стеканія и вопль несчастныхъ измученныхъ евреевъ обоего пола, оторгнутыхъ отъ семействъ и родственниковъ, разоренныхъ до основанія и вверженныхъ въ бездну горестей, они взываютъ къ вамъ и отъ васъ только однихъ ожидаютъ своей жизни; даровать ее и пресѣчь оную

¹⁾ Т. е. въ Петербургъ.

одно есть ваше мановеніе. Доведите до свѣдѣнія Монарха сіи справедливыя истины, да устраниТЬ онъ и главнаго начальника губерніи и его самолюбиваго слѣдователя, кои сверхъ воли Государя, ввѣрившаго дѣло сіе г. министру юстиціи, самоизвѣльно уже входятъ въ оное и, затмевая истину, трепещутъ дать дѣлу сему направленіе по общимъ государственнымъ узаконеніямъ. Да вручится окончаніе онаго другимъ осо-бамъ при депутатахъ и членѣ магистратата; дозволится свободное отправленіе обрядовъ по ихъ вѣрѣ и закону; возвратятся имъ Скрижали Завѣта и освободятся отягченные болѣзнью для излѣченія, если уже не на поручительство согражданъ, то по крайней мѣрѣ отъ оковъ ихъ. Вышеупомянутыя бабы, если бы только онъ секретно взялись и представились къ Валпему Превосходительству, безъ сообщенія одной съ другою, но каждая порознь, то раскрылась бы вся тайна, сокрываемая завѣсой обмана и ухищреній, и милосердіе Монарха, коего истина священнымъ есть обѣтомъ, конечно не потерпѣла бы неправды и не похотѣла, дабы поданные его пресѣкали жизнь свою отъ произвольныхъ дѣйствій ограниченной имъ власти»...

Эта записка, въ копіи, безъ подписей жалобчиковъ, была представлена государю и вслѣдствіе положенной на ней высочайшей резолюціи: «послать Ф. А. для смотрѣнія за порядкомъ слѣдствія и донести, что откроеть», въ Велижъ прибылъ флигель-адъютантъ полковникъ Шкуринъ.

Но Шкуринъ не исполнилъ возложенной на него обязанности, онъ вступилъ на тотъ путь, по которому шествовали Страховъ и кн. Хованскій.

19 мая онъ пріѣхалъ въ Велижъ, а уже 23 мая онъ писалъ начальнiku главнаго штаба Е. И. В. донесеніе, не подававшее евреямъ надежды на торжество правды, а его второй рапортъ (3 июня) ясно указалъ, что онъ отдался во власть Страхова, во власть кроваваго миѳа.

Представляя объясненія по поводу жалобъ евреевъ, Шкуринъ наивно между прочимъ доказывалъ, что христіанокъ потому никто не могъ подговорить, что тайна источенія крови, кромѣ евреевъ, никому неизвѣстна, а говоря о жалобѣ евреевъ относительно того, что свидѣтельницы ходятъ изъ тюрмы въ церковь и къ священику Тарашкевичу, онъ отмѣчалъ, что женщины

не ходили, а «посылались» къ Тарашкевичу «для возбуждевія въ нихъ привязанности къ христіанскому исповѣданію». Итакъ, Шкуринъ уже успѣлъ убѣдиться, что свидѣтельницы, вступившія въ тѣсное общеніе съ евреями измѣнили христіанской вѣрѣ — а вѣдь ему было извѣстно, что въ теченіе всего времени съ момента смерти солдатскаго сына до ихъ ареста онъ усердно посѣщали церковь, ходили на исповѣдь и причащались.

Вѣроятно, нѣкоторыя жалобы евреевъ были смягчены Шкуринымъ, согласно съ дѣйствительностью; такъ, онъ указывалъ, что Шифра имѣла при себѣ въ качествѣ прислуги, кромѣ христіанки, еще одну еврейку, пожелавшую раздѣлить съ ней тюремную жизнь, но по другимъ жалобамъ евреевъ Шкуринъ представилъ объясненія, противорѣчивія правдѣ; онъ писалъ, будто евреи въ Велижѣ были запрещены лишь общественные моленія, а не домашнія, но онъ не указалъ, что когда для богомоленія, требующаго присутствія не менѣе 10 лицъ, евреи стали собираться въ корчмахъ, по дорогамъ, то даже и это богомоленіе было запрещено и всѣ молитвенные книги евреевъ были отобраны. Но уже совершиенно безсильнымъ оказался Шкуринъ, когда онъ пытался смягчить потрясающей эпизодъ съ Янкелемъ Аронсономъ; пусть съ Янкеля были сняты оковы на другой день по заключеніи въ тюрьму, пусть Страховъ предлагалъ ему лучшую камеру, — несчастный юноша молилъ объ одномъ: дать ему возможность умереть въ кругу близкихъ людей. «По чахоточному его состоянію и молодости лѣтъ, сближаясь къ своему концу — писалъ штаб-лѣкарь — желаетъ умереть въ кругу его фамилії». Но этотъ смертный приговоръ врача никого не разжалобилъ; напрасно Рохля Аронсонъ умоляла дозволить ей проститься съ сыномъ: его дни были сочтены, — ее не допускали къ нему. Наконецъ, Страховъ обратился къ кн. Хованскому съ вопросомъ, можно ли освободить умирающаго Янкеля. Отвѣтъ получился отрицательный, — но Янкелю было все равно: никто уже не былъ властенъ надъ нимъ; правда, онъ умеръ одинокимъ, вдали отъ матери, — но онъ былъ свободенъ...

Г Л А В А IV.

Между тѣмъ, послѣ долгаго перерыва, Козловская была подвергнута новому допросу. До сихъ поръ она не только отрицала какое либо участіе въ преступленіи, но даже утверждала, что вовсе не знала о происшествіи. Теперь же она показала совершенно иное: 15 января (1827 г.) она заявила, что подсмотѣрьяла все, что происходило въ домѣ Мирки и въ синагогѣ. Такимъ образомъ слѣдователю удалось убѣдить Козловскую объявить себя свидѣтельницей преступленія; послѣ этого ему, конечно, не трудно было побудить ее признать себя соучастницей, и 11 февраля Козловская сообщаєтъ, что она подавала воду для обмыванія умерщвленнаго ребенка и, наравнѣ съ прочими, колола его и что евреи обратили ее въ свою вѣру. При этомъ Козловская замѣтила, что когда послѣ обряда обращенія ея въ еврейство она подошла къ ребенку въ синагогѣ, онъ оказался уже мертвымъ, а между тѣмъ другія свидѣтельницы говорили, что ребенокъ былъ вынесенъ изъ синагоги еще живымъ.

Но вотъ (16 апрѣля 1827 г.) въ Велижѣ пріѣзжаетъ вновь назначенный членъ слѣдственной комиссіи, губернскій стряпчій; онъ требуетъ свидѣтельницъ въ присутствіе, но вмѣсто допроса имъ прочитываются ихъ прежнія показанія и онѣ ихъ, конечно, подтверждаютъ. Однако губернскій стряпчій замѣчаетъ разительное противорѣчіе между заявлениемъ Козловской, что ребенокъ умеръ въ синагогѣ и утвержденіемъ Терентьевой, что его унесли изъ синагоги живымъ, и Терентьева (7 мая) спокойно измѣняетъ свое прежнее показаніе и говоритъ, что дѣйствительно ребенокъ умеръ въ синагогѣ, а на вопросъ, къ чему же было въ такомъ случаѣ, какъ она раньше показала, завязывать ему платкомъ ротъ, отвѣчаетъ, что она этого вовсе не дѣлала. И слѣдователи не пытаются выяснить причину этихъ разнорѣчій.

Столь же снисходительно къ показаніямъ свидѣтельницъ отнеслись Шкуринъ и кн. Хованскій; такъ напр., Терентьева какъ то говорила, что ребенку отрѣзали половой органъ (вѣроятно Терентьева придавала превратный смыслъ слову «обрѣзаніе»), затѣмъ она поправилась и сказала, что отрѣзали лишь кусочекъ кожицы, но въ медицинскомъ свидѣтельствѣ решительно

ничего не говорилось о томъ, чтобы на трупѣ былъ замѣченъ соотвѣтствующій слѣдъ; однако это противорѣчіе не смущаетъ Шкурина и кн. Хованскаго; имъ стало извѣстно, что священникъ, хоронившій мальчика, и «народъ» видѣли ребенка обрѣзаннымъ, и этого вполнѣ достаточно, чтобы придать полную вѣру словамъ Терентьевой; болѣе того, вслѣдствіе указанныхъ толковъ виноватіе штаб-лѣкаря было обращено на обнаруженный, будто, изъянъ въ его медицинскомъ протоколѣ и штаб-лѣкарь, не задумываясь, заявляетъ, что дѣйствительно на половомъ органѣ было пятно, которое онъ въ свое время не отмѣтилъ, полагая, что пятно произошло отъ «тренія ляжекъ», и теперь, спустя четыре года послѣсмертии ребенка, шт.-лѣкарь выдаетъ удостовѣреніе, будто мальчикъ былъ умерщвленъ «для истощенія изъ него крови».

Однако, хотя разсказы свидѣтельницъ въ главныхъ основаніяхъ и были приведены въ извѣстное соотвѣтствіе, все-же въ ихъ показаніяхъ было много противорѣчиваго и неяснаго, и потому „для напоминанія одна другой всѣхъ обстоятельствъ похищенія, мученія и умерщвленія“ солдатскаго сына, свидѣтельницамъ были вновь даны очные ставки и результатомъ этихъ собесѣданій, характеръ коихъ выяснится въ дальнѣйшемъ, явилось (въ маѣ 1827 г.) „окончательное утвержденіе доказательницъ“, внесшее новые подробности въ велижское событие и даже придавшее ему новый характеръ.

Согласно этому „окончательному утвержденію“, за недѣлю до еврейской пасхи, Ханна Цетлинъ попросила Терентьеву привести ей христіанскаго мальчика; встрѣтивъ на улицѣ солдатскаго сына, Терентьеву отвѣтила его въ домъ Ханны Цетлинъ, где въ присутствіи Евзика и Итки Цетлинъ, равно еврейки-пьянки Рисы, ребенка посадили на столъ. Напоивъ Терентьеву и свою служанку Максимову до пьяна, Ханна просила ихъ никому не говорить о солдатскомъ сыне, но Терентьеву отвѣтила, что, несмотря на взятые деньги, она все-же разскажетъ, если узнаетъ, кому принадлежитъ мальчикъ. Потомъ, будучи пьяны, обѣ женщины заснули, при чёмъ проснувшись, Максимова не нашла въ домѣ ни Ханны, ни ребенка, а какъ сходила къ рѣкѣ и вернулась, то застала ихъ дома; однако Максимова не знала, куда Ханна ходила въ это время; слѣдователи, конечно, также не могли объяснить себѣ, для чего было

Ханѣ выходить днемъ съ ребенкомъ, когда она такъ опасалась, чтобы кто-либо не узналъ, что ребенокъ у нея въ домѣ, но все-же слѣдователи отмѣтили, что вѣроятно именно въ это время Ханну видѣли тѣ христіанки, которыхъ еще при первомъ разслѣдованіи дѣла заявили, что встрѣтили Ханну съ солдатскимъ сыномъ. Выпивъ затѣмъ опять вина, Терентьеву и Максимова отнесли мальчика къ Славѣ Берлинъ. Всю Св. Недѣлю Терентьеву бывала у евреевъ, которые ее поили виномъ, въ среду же она была обращена въ еврейскую вѣру; три еврейки, скинувши съ нея платье и обувь, посадили на полъ и обмывали виномъ, или чѣмъ другимъ, щипавшимъ ей тѣло; омывши надѣли на нее мужскую еврейскую шинель и повели за рѣку Двину, въ которой приказали ей окунуться въ воду, скатили ее съ головы изъ двухъ кувшиновъ принесенного изъ школы теплаю водой, потомъ, надѣли ту же шинель, привели опять въ школу. Школьникъ, скинувъ ону, говорилъ Терентьевой, что она должна перейти чрезъ жидовскій огонь и велѣлъ ей поставить на горячую сковороду сперва лѣву, а потомъ и правую ногу, прочие же евреи, обступивши ее кругомъ, держали, чтобы не могла сойти со сковороды, и зажимали ротъ, дабы не кричала, говоря между тѣмъ, чтобы она присягнула еврѣямъ въѣрности, отреклась отъ Христа и всего своего рода и приняла ихъ вѣру. А какъ она на все согласилась, то спустивши ее со сковороды, обожженная подожгли холстомъ, намазаннымъ желтой мазью. Послѣ сего водившіе ее, Терентьеву, на рѣку еврейки надѣли на нее еврейскую рубаху, въ которой школьникъ подвѣль ее къ шапаку, у которого отдернувши занавѣску, говорилъ, что въ ономъ хранятся десять заповѣдей. Предъ симъ шапачкомъ школьникъ приказалъ Терентьевой сѣсть на пальцы или на кукорки, накрыть ее бѣлымъ съ черными на концахъ полосками покрываломъ и, сѣвши самъ подлѣ нея такимъ же образомъ, положилъ ей на колѣни листъ съ изображеніемъ святыхъ, называя ихъ христіанскими богами, и такой же листъ положивши себѣ на колѣни, приказывалъ Терентьевой... отрицаться Христу и всего своего рода, повторяя за нимъ говореніемъ имъ слова. Потомъ вставши, приказалъ ей подойти къ шапаку, кнереть болѣшимъ пальцемъ лѣвой руки въ чулка средине, не отѣдясь отъ

„BIBLIOTHEQUE DE LA
UNIVERSITÉ DE PARIS“

среднихъ крайнихъ пальцевъ, и поцѣловавъ концы онъхъ, приложить къ десяти заповѣдямъ, и назвавъ ее Сорою, училъ еврейской молитвѣ. Послѣ сего еврей Мордикъ (Янкель Черномордикъ) поцѣловалъ ее, Терентьеву, говорилъ ей, что евреи даютъ ей въ мужья еврея Хайма (Хрипуня), вывелъ въ особую каморку, въ которой были двѣ кровати, изъ коихъ на одну приказавши ей лечь, самъ ушелъ въ школу; вскорѣ пришелъ въ каморку еврей Хаймъ и, легша сперва на особую кровать, скоро перешелъ къ ней, говоря «бисъ», на что Терентьева, по наученію евреевъ отвѣчала «ну себѣ», и онъ ласкалъ ее, какъ ласкаютъ жену. Возвратясь изъ каморки въ школу, еврейки обули ее въ еврейскую обувь и одѣвшіи въ богатое платье, говорили, чтобы не узнали, что она принала ихъ вѣру, то можетъ она ходить и въ обыкновенномъ своемъ платьѣ; наконецъ евреи и еврейки цѣловали ее и поздравляли съ принятіемъ ихъ вѣры, а еврей Нота (Нота Мовшевъ Прудковъ), Лейзеръ (Лейзэръ Мееровъ Зарѣцкій) и Ицка (Ицка Еруховъ Бѣляевъ) положили ей въ фартукъ по десяти цѣлковыхъ рублей...

«Такимъ образомъ и Максимова, будучи уговорена принять еврейскую вѣру Ханною Цетлиновою, поившей ее ежедневно виномъ, быда ею послана къ еврею, Пѣтушкомъ называемому (Янкелю Черномордику), живущему въ домѣ, въ которомъ была еврейская школа богатыхъ евреевъ; Пѣтушокъ съ женою своею Эстеръ повелъ ее въ оную и, самъ надѣвшіи на себя употребляемое евреями при богомоленіи бѣлое покрывало, поставилъ Максимову предъ шкафомъ, съ коего отдернувъ занавѣску, сказалъ ей, что въ ономъ хранятся десять заповѣдей Божіихъ; потомъ приказалъ, помнится ей, у лѣвой руки большими пальцемъ упереть въ два средніе и отдѣливши отъ онъхъ впередъ одинъ мизинецъ, опустить обѣ руки внизъ; въ такомъ положеніи Пѣтушокъ, ставши съ нею рядомъ и держа передъ собою тетрадку, въ которой на каждомъ листѣ изображено было по нѣскольку маленькихъ образовъ, приказалъ ей, смотря на шкафъ, отрицаться, повторя говоренныя имъ слова, отъ Христа, отца, матери, дѣтей и всего своего рода... Потомъ, подавъ ей въ правую руку метелочку, сдѣланную какъ будто изъ осоки, велѣлъ оную въ руѣ потрясти, а въ лѣвой руку давши ей въ хлопчатой бумагѣ какой то твердый лимонъ, вѣ-

лѣль ей подержать оный; по исполненіи чего, отобразвъ отъ нея то и другое, положилъ ихъ въ означенный шкафъ; послѣ чего Пѣтушокъ приказалъ Максимовой, какъ и прежде, не помнить твердо, у правой или у лѣвой руки, уперевъ большими пальцемъ въ два средніе, поднести руку ко рту и, поцѣловавъ концы пальцевъ, приложить оные къ десяти находившимся въ шкафѣ приказаніямъ, а какъ она сіе сдѣлала, то Пѣтушокъ назвалъ Максимову Рисою и сказалъ, что назвалъ ее симъ именемъ для того, что съ нею вмѣстѣ служить у Цетлиновой еврейка Риса, потому никто и не узнаетъ, что Максимова приняла еврейскую вѣру. Потомъ, давши ей выпить стаканъ красноватаго сладкаго вина, училъ ее еврейской молитвѣ и, читая большую книгу, заставляя говорить за нимъ говоренныя имъ слова, которыхъ она не понимала; по приходѣ домой Цетлинова поздравила ее съ принятіемъ еврейской вѣры».

Наконецъ, какъ описывали свидѣтельницы событие, было приступлено къ мученію солдатскаго сына. Еврей Поселенный срѣзаль ему кожицу на концѣ полового органа, а еврейка Шифра срѣзала ногти на рукахъ и ногахъ, приказчикъ же Іосель Мирласъ, вынувъ днище, велѣлъ положить ребенка въ бочку, послѣ чего Іосель Мирласъ и Терентьева, ставъ по сторонамъ бочки, стали ее качать (раньше Терентьева показала, что бочка была подвѣшена къ потолку и ее раскачивали). Послѣ этого христіанкамъ дали выпить водки и онѣ, одѣвшись въ «жидовское платье», отправились со всеми евреями, по предложению прѣбывающаго въ гости къ Бермину Іоселя Гликмана, въ синагогу; здѣсь мальчика, нагого, положили въ начовку и, въ видѣ поруганія, били его легко по щекамъ, а потомъ, подъ руководствомъ Орлика, стали колоть его чѣмъ-то свѣтлымъ, похожимъ на гвоздь. Во время этихъ мученій приказчикъ Іосель повелъ Козловскую къ «шкафу», предъ которымъ евреи молятся Богу, обратилъ ее въ еврейскую вѣру, училъ ее молиться по еврейски и назвалъ ее Лысю. Ребенка продолжали колоть, пока онъ не умеръ. Затѣмъ его обмыли и «остались видны одиѣ маленькия, круглыя, величиною въ горохъ раночки, въ коихъ кровь остановилась». Тогда Іосель подвелъ христіанокъ къ кивоту и сказалъ имъ, что такъ какъ онъ принадлежать къ еврейской вѣрѣ, то должны присягнуть, что

никогда не расскажутъ о происшедшемъ и чтобы онъ впредь молились только по еврейски, какъ ихъ тому научили, такъ какъ «еврейская вѣра крѣпче христіанской».

Послѣ этого Максимова и Терентьевъ унесли ребенка за городъ; возвращаясь же домой, онъ встрѣтили Іоселя Мирласа съ другимъ евреемъ, скакавшими въ бричкѣ на парѣ лошадей къ мѣсту, где былъ положенъ ребенокъ; Мирласъ подошелъ къ трупу и тотчасъ уѣхалъ обратно со своимъ товарищемъ, и когда христіанки вернулись въ школу, онъ застали ихъ уже тамъ. Тогда же Славка Берлинъ заявила христіанкамъ, что если онъ донесутъ о преступлении, то все же имъ никто не поверить, такъ какъ евреи «отъ всего отопрутся».

Въ тотъ же день, къ вечеру, жена Орлика, Фратка, напоивши Терентьеву до пьяна, отвела ее въ школу; туда пришла и Максимова, и при участіи евреевъ кровь изъ начовки была разлита въ бутылки и боченокъ, а въ оставшейся въ начовкѣ крови вымочили холстъ, каковой былъ потомъ разрѣзанъ на куски, розданные присутствующимъ. Потомъ всѣ разошлись, причемъ Максимова понесла за Ханной Цетлинъ одну, Козловскую за Берлинами двѣ бутылки, а Терентьеву за Орликомъ боченокъ крови...

На другой же годъ, осенью (значитъ тогда, когда Ханна Цетлинъ находилась подъ стражей и велижскіе евреи со страхомъ ожидали рѣшенія главнаго витебскаго суда!), присутствовавшіе при мученіи ребенка евреи, собравшись у Орлика, попросили Терентьеву отвезти вмѣстѣ съ другими евреями боченокъ съ кровью въ Витебскъ. Въ дорогѣ ее поили водкой; вечеромъ пріѣхали въ Витебскъ, остановились «въ еврейскомъ каменномъ домѣ», хозяйки котораго—одна старая, другая молодая—пригласили Терентьеву къ себѣ; старуха развела привезенную кровь въ водѣ и въ ней мочили холстъ, который и раздѣлили между многими собравшимися евреями и еврейками; а остальную кровь разлили по бутылкамъ, изъ коихъ двѣ Терентьеву отвезла въ Лезну; тамъ было продѣлано то же, что въ Витебскѣ.

Максимова, совмѣстно съ евреемъ Вѣленецкимъ, также отвела кровь въ Витебскъ...

Такого рода показанія придали велижскому событию новую

окраску; въ немъ были замѣщены не только евреи Велижа, но и другихъ городовъ; велижское убийство становилось чуть-ли не всееврейскимъ преступлениемъ—во всякомъ случаѣ плодами этого преступленія сознательно пользовались и тѣ изъ евреевъ, кто не принималъ участія въ умерщвлѣніи ребенка.

Теперь доносчицамъ ничего не оставалось, какъ поставить, по указанію вдохновителя, точку на і и сообщить о цѣли, для которой добывали кровь, и Терентьеву объяснила, что въ годъ умерщвлѣнія солдатскаго сына она приливалась разведенную кровь въ булки, которая приготавлялась евреями предъ кущами, а затѣмъ, предъ пасхальными праздниками, Ханна Цетлинъ варила медъ, въ который также вливала кровь. На другой же годъ (значить опять-таки тогда, когда Ханна Цетлинъ сидѣла въ тюрьмѣ, а велижскіе евреи ожидали рѣшенія суда!) Терентьеву ходила въ одинъ еврейскій домъ печь мапу, и когда мѣсила тесто, то влила туда данную ей красную жидкость...

Такимъ образомъ, послѣ свыше годового труда, Страхову удалось привести въ порядокъ слѣдственный материалъ по дѣлу обѣ убийствъ солдатскаго сына: три женщины-христіанки, въ качествѣ соучастницъ страшнаго преступленія, нарисовали въ общихъ чертахъ одну и ту же картину умерщвлѣнія ребенка и источенія крови. И это «единогласное ихъ показаніе,—говорилъ впослѣдствіи адм. Мордвиновъ,—покрывшее, такъ сказать, всѣ разнорѣчія, и составленное, какъ удостовѣряетъ слѣдователь Страховъ, посредствомъ припамятованія, продолжавшагося годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, является въ необыкновенномъ видѣ. Доносчицы, не помнившія главныхъ обстоятельствъ проишествія, съ теченіемъ времени, возобновляя оныя постепенно, изложили, наконецъ, съ неимовѣрной отчетностью. Здѣсь уже описали онъ самыя мелкія и ничтожныя подробности, несмотря на то, что двѣ изъ нихъ, Терентьеву и Максимову, по собственному ихъ удостовѣренію, при нѣкоторыхъ изъ сихъ обстоятельствахъ находились въ пьяномъ состояніи. Не предположивъ посторонняго какого-то вліянія на припамятованіе доказацій, нельзя допустить подобного превращенія изъ безпамятства въ необыкновенную память, возраставшую по мѣрѣ отдаленія отъ времени проишествія»...

Кому же принадлежало это постороннее влияние на „припамятование доказчиц“?

Когда вслѣдствіе жалобы евреевъ Сенатъ потребовалъ (въ августѣ 1827 г.) отъ кн. Хованскаго цѣлаго ряда объяснений, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, между прочимъ было предписано выяснить то обстоятельство, что Терентьеву и Еремѣеву, послѣ 4-хъ-мѣсячнаго пребыванія въ домѣ слѣдователя, ходили по городу и разглашали, будто Терентьева была очевидицей происшествія въ синагогѣ и что она тамъ приняла еврейскую вѣру, и такимъ образомъ соучастница пользовалась свободой, благодаря которой имѣла „свиданіе и переговоры“ съ Азадкевичемъ; кромѣ того, Терентьева 22 и 29 мая 1827 г., подъ видомъ богомоленія, отпускалась къ свящ. Тарашкевичу.

Вслѣдствіе этого требованія кн. Хованскій обратился за разъясненіями въ коммисію и Страховъ пояснилъ, что желая выполнить высочайшую волю „совершеннымъ открытиемъ оставшагося въ неизвѣстности, необыкновеннаго виѣ законовъ смертобуйства“, чего однако нельзя было достигнуть безъ полнаго признанія со стороны Терентьевы и Максимовой, онъ рѣшилъ склонить женщинъ къ откровенности хорошимъ обращеніемъ и посыпкою ихъ въ церковь для литургіи и священническаго увѣщеванія,—и такимъ-то путемъ ему удалось черезъ годъ и два мѣсяца получить добровольное признаніе Козловской въ соучастіи въ преступленіи, а Желновой въ томъ, что она видѣла ребенка въ домѣ Ханны Цетлинъ; при этомъ Страховъ объяснилъ, что Терентьеву не только 22 и 29 мая (1827 г.), но прежде и послѣ того, какъ и другія христіанки, „бывшія обращенными въ еврейскую вѣру, не отпускались, а посылались (такъ въ свое время говорилъ и Шкуринъ!) и посылаются всякий праздникъ за карауломъ въ церковь, изрѣдка же и къ свящ. Тарашкевичу, увѣщевателю при слѣдствіи и духовному ихъ отцу, для истребленія въ нихъ примѣтныхъ еще остатковъ еврейской вѣры, а 29 мая Терентьева сама просилась къ Тарашкевичу“.

Изъ этого видно, что христіанки видѣлись не только съ однимъ Страховымъ, котораго можно было заподозрить въ непосредственномъ влияніи на нихъ. И дѣйствительно, не Страховъ былъ непосредственнымъ вдохновителемъ христіанокъ. Злой геній драмы,

наполнившій ее своимъ суевѣріемъ и страданіями евреевъ,—Страховъ былъ обманутый обманщикъ. Онъ вѣрилъ въ легенду объ употребленіи евреями христіанской крови, и, раздѣляя это широко распространенное въ христіанскомъ обществѣ представление о преступности евреевъ, онъ не могъ не вѣрить тому, что солдатскій сынъ убить именно евреями; къ тому же Страховъ имѣлъ особое основаніе придать вѣру велижскому событию въ томъ видѣ, къ какомъ оно было описано христіанками; онъ, какъ правильно указали евреи въ одной жалобѣ, „склонился къ предразсудкамъ“ своихъ союзниковъ, а въ рукахъ этихъ людей была книга ¹⁾, подробно говорившая объ изувѣрствѣ евреевъ, рисовавшая преступленія такъ, какъ рассказывали женщины. Самъ Страховъ не отрицалъ своихъ частныхъ сношеній съ Петрищѣй и Азадкевичемъ; онъ утверждалъ, что Петрица по надобностямъ комиссіи переводилъ разные документы съ польского на русскій, Азадкевичъ же, будто, приходилъ къ нему въ качествѣ сапожника, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что агитаторы пользовались этими свиданіями со Страховымъ съ той цѣлью, чтобы книжнымъ материаломъ убѣдить его, что солдатскій сынъ палъ жертвою еврейскаго фанатизма.

Помощью же указанной книги Азадкевичу было легко руководить доносчицами.

При первомъ допросѣ Терентьевой кромѣ Страхова присутствовалъ и свящ. Тарашкевичъ, приглашенный для „увѣщеванія“. Трудно сказать, что произошло на этомъ допросѣ,—извѣстно только, что, безъ всякой связи со своими прежними дѣйствіями, Терентьеву объявила себя соучастницей преступленія. Быть можетъ Азадкевичъ, въ цѣляхъ замысла, увѣрилъ Страхова и Тарашкевича въ томъ, что сама Терентьевна признала участіе въ злодѣяніи и настойчивое, въ связи съ этимъ, со стороны Страхова или священника требованіе сознанія вырвало у Терентьевой заявленіе, что она причастна къ событию. Но возможно допустить, что принятіе Терентьевой на себя вины явилось необходимымъ результатомъ того положенія, въ которомъ она очути-

¹⁾ Это была книга Пикульскаго „Злость жидовская“, о которой рѣчь въ дальнѣйшемъ.

лась совершенно неожиданно для себя, когда переступила порогъ тюрьмы. На вопросъ слѣдователя: чѣмъ она докажетъ вину евреевъ, Терентьевъ могла отвѣтить единствено тѣмъ, что она говорила на первомъ слѣдствіи. Но тотъ матеріалъ былъ недостаточенъ, и убѣжденный, что ребенокъ былъ принесенъ въ жертву еврейскому изувѣрству, Страховъ сталъ настаивать на „признанії“ Терентьевой, угрожая ей тяжелой, по закону, карой, если доносъ не будетъ доказанъ, и обнадеживая ее прощеніемъ, если разскажетъ все чистосердечно. И тутъ-то на помошь должно было явиться увѣщваніе Тарашкевича; искренне ли вѣрилъ онъ, что ребенокъ замученъ евреями, искалъ ли онъ въ процессѣ корыстолюбивыхъ результатовъ для своей церкви, надѣясь, что погибшій ребенокъ станетъ мученикомъ религіи—его увѣщванія, при зажженныхъ свѣчахъ, надъ евангеліемъ, не могли не оказать воздействиія на психическое состояніе Терентьевой.

То же самое случилось и съ Максимовой, и это религіозное воздействиіе на христіанокъ продолжалось во все время допросовъ. Болѣе того, хожденіе женщинъ въ церковь и къ священнику Тарашкевичу для „увѣщванія“ и происходившія въ это время встречи съ Азадкевичемъ должны были все болѣе и болѣе толкать доносчицъ на путь измышеній. Черпая у Азадкевича „фактическія“ данные по вопросу о ритуальныхъ преступленіяхъ, изложенные въ его книгѣ, узнавая, вѣроятно отъ него же, свѣдѣнія объ обстоятельствахъ велижского события, женщины находили глубокую нравственную поддержку въ бесѣдахъ со священникомъ; его многократныя увѣщванія, при исключительной торжественной обстановкѣ, душевно потрясали женщины; въ связи съ этимъ психическій міръ Терентьевой и Максимовой, уже расшатанный многолѣтнимъ пьянствомъ, сталъ наполняться призраками религіознаго характера; чрезмѣрное религіозное воздействиіе перенесло ихъ въ область религіознаго мученичества, и когда онѣ, распростертыя предъ священникомъ на полу, проливали слезы, въ ихъ больное сознаніе проникала страшная, но заманчивая мысль, что онѣ, никому невѣдомыя женщины, призваны осуществить какую-то величавую миссію. И если желаніе „быть въ раю“ (какъ мѣтко выразился одинъ изъ обвиняемыхъ евреевъ), разжигая въ женщинахъ жажду

подвижничества, заставлялъ ихъ въ минуту религіознаго экстаза забывать о наказаніи, которое онѣ должны будутъ понести за измыщенное соучастіе въ преступленіи, то въ остальное время мысль о наказаніи не должна была ихъ смущать—за мнимое „раскаяніе“ имъ было обѣщано прощеніе.

Къ тому же условія тюремной жизни были для доносчицъ чрезвычайно благопріятны; теплый уголь, хорошее обращеніе, порядочное продовольствіе, изъ котораго не была исключена водка, все это, долженствовавшее, по мысли Страхова, побудить женщинъ къ признанію, создавало въ действительности обстановку, въ которой женщины, въ особенности нищенка Терентьевы, могли охотно „приводить себѣ на память“ все, что угодно.

Изъ какого же однако матеріала свидѣтельницы создали фантастическую картину преступленія?

Это былъ разнородный матеріалъ; меныше всего было того, что женщины сами видѣли, но все же „блѣла покрывала“, т. е. талесы, равно какъ „метелочка“ и „лимонъ“, подъ которыми подразумѣвались „эрсегъ“ и „луловъ“, эти предметы фигурировали въ показаніяхъ Максимовой, какъ несомнѣнно знакомые ей по ея 9-лѣтнему пребыванію въ домѣ Цетлинъ; большее мѣсто въ показаніяхъ христіанокъ занимало то, что было вычитано Азадкевичемъ изъ произведенія кровавой литературы и передано имъ во время ихъ хожденія въ церковь (напр., „бочка“, въ которой якобы качали ребенка); кое что доносчицы измыслили по собственной инициативѣ, а известная часть показаній была вырвана у женщинъ допросами Страхова.

Надо думать, что въ дальнѣйшемъ, когда къ допросу были призваны и евреи, Страховъ понялъ, что евреи оклеветаны, но злоба противъ этихъ враговъ Христа или описание за карьеру восторжествовали надъ справедливостью. Однако въ началѣ слѣдствія Страховъ несомнѣнно дѣйствовалъ исключительно въ убѣжденіи, что евреи убили солдатскаго сына; но данные, которыя женщины вносили въ свои показанія на основаніи собственныхъ свѣдѣній и внушенія Азадкевича, не рисовали картины злодѣянія съ той стороны, которая болѣе всего должна была интересовать слѣдователя. Эти данные не объясняли, напримѣръ, какимъ образомъ трупъ очутился за городомъ,

не освѣщали результатовъ медицинскаго освидѣтельствованія. И въ этомъ-то случаѣ нужно было воздействиѣ Страхова. Убѣжденный, что онъ находится на пути къ раскрытию страшнаго преступленія, увѣренный, что женщины дѣйствительно принимали участіе въ злодѣяніи, онъ жадно ловилъ каждое слово, срывавшееся съ ихъ устъ, и, стремясь въ своемъ рвениѣ устранить противорѣчія въ показаніяхъ, стремясь связать эти показанія со слѣдственными данными, онъ инстинктивно направлялъ женщинъ на тѣ отвѣты, которые были ему нужны. Но эти невѣжественные женщины, нравственно потрясенные вышавшей на ихъ долю тяжелой миссіей, не могли совладать съ обильнымъ материаломъ, которымъ онъ должны были наполнить, точно и подробно, фантастическое событие; озлобленныя, онъ клеветали одна на другую, выдумывали, лгали, а между тѣмъ малѣшее ихъ показаніе вызывало со стороны Страхова новое рвение къ допросамъ, усиливало въ немъ желаніе добиться до корня. Доносчицы поневолѣ были теперь самыми покорными службами Страхова — отступить онъ не могли, такъ какъ за доносы имъ грозила суровая кара — и Страховъ въ полномъ смыслѣ слова вымучивалъ у нихъ новыхъ показанія; онъ самъ объяснялъ медленность слѣдствія тѣмъ, что свидѣтельницы „отъ времени много забыли“, иное „не впопѣ помнить и объ одноть обстоятельствѣ напоминали иногда другъ другу по нѣсколько часовъ“, и такимъ образомъ и „получались новые признания“.

Это была печальная картина того, какъ суевѣrie и предубѣжденіе съ одной стороны и злая воля съ другой ковали цѣпи для ни въ чёмъ неповинныхъ людей, и этотъ союзъ темныхъ силъ отнюдь не былъ преднамѣренно заключенъ, эта связь сама образовалась предъ лицомъ униженного еврейскаго племени.

Противорѣчія, изобличавшія ложь и клевету Максимовой и Терентьевой,¹ являлись по мнѣнію Страхова, кн. Хованскаго и Шкурина (и многихъ другихъ лицъ, въ руки коихъ впослѣдствіи была отдана судьба подсудимыхъ) естественнымъ результатомъ забывчивости женщинъ и опасенія сказать всю правду; предполагалось, что время стерло подробности злодѣянія въ памяти одурманенныхъ водкою женщинъ (онъ съ этой цѣлью и говорили, что ихъ опаивали); предполагалось, что за тѣми ужа-

сами и злодѣяніями, которые уже раскрыты свидѣтельницами, скрывается еще большее изувѣтство. И воздействиѣ на женщинъ продолжалось. Продолжалось и жестокое обращеніе съ евреями...

ГЛАВА V.

Когда допросы христіанокъ были закончены, начались новые аресты среди велижскихъ евреевъ. 28 іюня былъ заключенъ въ тюрьму приказчикъ Шмерки Берлина, 50-лѣтній Іосель Мирласъ, а 11 іюля за нимъ послѣдовали братья Шмерки Берлина: Носонъ (жена его, Дворка, спаслась бѣгствомъ изъ Велижа) и Мейеръ, а также братъ Славки Берлинъ, бывшій бургомистръ, Шмерка Гиршевъ Аронсонъ съ женой Басей Лейбовой. Тогда же были арестованы синагогальный сторожъ, горбатый Руманъ Нахимовскій (дядя уже находившагося въ тюрьмѣ Ицки Нахимовскаго), и Фратка Девирцъ, мужъ которой, Орликъ, былъ еще ранѣе арестованъ.

Такимъ образомъ изъ семьи Шмерки Берлина въ стѣнахъ тюрьмы томились въ это время восемь человѣкъ¹⁾; конечно, это количественное преобладаніе членовъ семьи Берлина можно объяснить тѣмъ, что по показаніямъ христіанокъ преступленіе было совершено въ домѣ Славки Берлинъ, но представляется возможнымъ предположить, что опустошительные аресты въ семье Берлина были вызваны чувствомъ мести со стороны Страхова: родственникъ Берлинъ, Броуда, своими жалобами становился на пути его; вслѣдствіе его прошеній, а также прошеній Беніамина Берлина и другихъ евреевъ, Сенатъ въ мартѣ 1827 г. потребовалъ отъ витебскаго губернскаго правленія объясненія по поводу притѣсненій, чинимыхъ заключеннымъ. Теперь же новые аресты въ семье Берлина побудили Броуду еще энергичнѣе хлопотать за заключенныхъ родственниковъ. 8-го августа онъ представилъ новую обширную жалобу въ Сенатъ, и Сенатъ, разсмотрѣвъ въ совокупности всѣ полученные отъ евреевъ прошенія и донесенія витебскаго губернскаго пра-

¹⁾ Шмерка Берлинъ, его жена Славка, ихъ сынъ Гирша, съ женой Шифрой, братья Шмерки: Носонъ и Мейеръ, братъ Славки Шмерка Аронсонъ съ женой Басей, кромѣ умершаго въ тюрьмѣ Гирши Аронсона, зятя Берлина.

вленія, нашелъ, „многіе изъ произведенаго по сему дѣлу слѣдствія предметы неясными... а по нѣкоторымъ усматривается отступленіе отъ законнаго порядка“. И въ виду этого въ августѣ 1827 г. Сенатъ послалъ кн. Хованскому указъ, которымъ требовалъ по нѣкоторымъ вопросамъ объясненій, а по другимъ— „исправлениія“.

Напомнивъ, что высочайшимъ указомъ 19 марта 1827 г. было повелѣно соблюдать общіе законы и что согласно имъ на окончаніе слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ полагался мѣсячный срокъ, Сенатъ отмѣчалъ, что, кроме объясненія губ. правленія о «многосложности» дѣла, не видно причинъ, по которымъ слѣдствіе такъ долго продолжается. Сенатъ также потребовалъ объясненій по поводу устраниенія отъ слѣдствія стряпчаго по уголовнымъ дѣламъ, но особенно подробно остановился Сенатъ на вопросѣ объ истязаніяхъ, причинявшихся евреямъ и о „пристрастіи“.

Дѣло въ томъ, что изъ числа 15 заключенныхъ — 10 человѣкъ были помѣщены не въ острогъ, а въ частныхъ домахъ и въ „домѣ изслѣдованія“; по этому поводу губ. прокуроръ обратился въ губ. правленіе съ представленіемъ, не будетъ ли это для подсудимыхъ пристрастіемъ. Но губ. правленіе разрѣшило комиссію и впредь содержать арестованныхъ въ указанныхъ мѣстахъ, но «безъ всякихъ для нихъ пристрастій». Тогда члены комиссіи запросили правленіе: дозволить ли родственникамъ доставлять подсудимымъ пищу и посыпать ли арестованныхъ евреевъ на работы? Правленіе предоставило разрѣшеніе этого вопроса самой комиссіи, которая и не замедлила запретить родственникамъ подсудимыхъ доставлять пищу и вмѣстѣ съ тѣмъ стала привлекать арестованныхъ къ чернѣмъ работамъ съ обритиемъ у нѣкоторыхъ половины головы и бороды. И Сенатъ въ своемъ указѣ предписалъ принять мѣры «къ отвращенію сего дѣлаемаго со стороны комиссіи притѣженія подсудимымъ евреямъ».

Кромѣ того, ставя на видъ, что полиція даже не донесла по начальству о прошении евреевъ касательно освидѣтельствованія подсудимыхъ, а Страховъ, вопреки просьбѣ евреевъ, не пригласилъ медицинскаго чиновника къ освидѣтельствованію «изму-

ченныхъ», Сенатъ предписалъ освободить арестованныхъ отъ наложенныхъ на нихъ оковъ.

Изъ указа мы узнаемъ между прочимъ, что когда (въ маѣ 1827 г.) Берка Берлинъ просилъ освободить отъ оковъ его большого внука Гиршу Берлина, о чёмъ дежштабъ-лѣкарь, сыгравшій печальнную роль въ процессѣ, сдѣлалъ представленіе, полиція оставила просьбу безъ вниманія, и возвратила Берку его прошеніе съ отмѣткой, что это дѣлается «за укоризненный изреченія», однако Сенатъ не нашелъ таковыхъ въ представленномъ ему подлиннику. Изъ указа видно также, что о нахожденіи Шифры Берлинъ въ домѣ слѣдователя зналъ кн. Хованскій, но все же «съ его стороны сей предметъ по силѣ закона не исправленъ».

Но эти физическія притѣженія были ничтожны въ сравненіи съ тѣми правонарушеніями, которыхъ комиссія беззастѣнчиво чинила въ отношеніи подсудимыхъ, оставляя въ этомъ отношеніи безъ всякаго вниманія даже высочайшія повелѣнія. Такъ, высочайшее повелѣніе отъ 19 марта гласило, «чтобы евреямъ дозволено было, если имѣютъ надлежанія доказательства о пристрастіи при слѣдствіи, представить оныя Правительствующему Сенату для разсмотрѣнія», но это не было исполнено. Поэтому Сенатъ, приводя это повелѣніе, указывалъ, что «слѣдовало самимъ подсудимымъ евреямъ при депутатѣ изъ ихъ сословія оное Высочайшее повелѣніе объявить съ подпискою и взять отъ каждого изъ нихъ показанія, были ли имъ (чинимы) таковыя пристрастія, и дозволить обѣ оныхъ прислать Сенату жалобы», и требуя объясненія по поводу допущенного правонарушенія, Сенатъ предписывалъ «все сіе немедленно исполнить и слѣдствіе производить при депутатѣ изъ еврейскаго сословія».

Получивъ этотъ указъ, кн. Хованскій обратился за разъясненіемъ въ комиссію, и изъ представленнаго Страховымъ донесенія яствуетъ, что въ то время, какъ съ благословенія свящ. Тарапкевича, доносчицы, по рисунку Страхова, вышивали узоры на тѣлѣ велижскихъ евреевъ, самъ Страховъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы евреи движеньями и криками не мѣшали работѣ. Поэтому-то онъ и не сообщилъ своимъ жертвамъ о томъ, что имъ разрѣшено жаловаться. Страховъ объяснилъ кн. Хованскому, что въ определеніи Сената было сказано

зано, что указъ о высочайшемъ повелѣніи былъ посланъ губернскому правлѣнію для «свѣдѣнія» и что обѣ этомъ повелѣніи надлежало оповѣстить лишь просителей, т. е. Шмерку Цетлина и Берку Нахимовскаго, «слѣдовательно, объявленіемъ подсудимымъ при депутатѣ изъ ихъ сословія комиссія не только нарушила бы общій порядокъ», такъ какъ «всякое рѣшеніе или распоряженіе правительства объявляется только тѣмъ, кои о чёмъ-либо просили или на что-либо жаловались, то и могла бы (т. е. комиссія) неминуемо подвергнуться отвѣтственности за произвольное дѣйствіе, вопреки распоряженію Сената,.. которымъ предписано было объявить только просителямъ, а не подсудимымъ евреямъ, коимъ никто не могъ запретить самимъ приносить жалобы на пристрастіе...»

Итакъ, распоряженіе высшей власти было исполнено: губернское правлѣніе приняло къ свѣдѣнію сообщеніе Сената о предоставлѣніи евреямъ приносить жалобы; просители были, быть можетъ, оповѣщены о Высочайшемъ повелѣніи, но все же заключеннымъ отъ этого не стало легче, такъ какъ Страховъ принялъ мѣры, чтобы эта вѣсть не дошла до ихъ слуха: онъ запретилъ приносить домашнюю пищу арестованнымъ, вслѣдствіе чего была пресечена возможность сношеній ихъ съ родственниками; съ той же цѣлью онъ заключилъ подсудимыхъ въ разныхъ мѣстахъ.

Однако теперь, когда Сенату стало извѣстно о неисполненіи высочайшей воли, у Страхова явилось опасеніе, что несмотря на хитросплетенное объясненіе, его все же заставятъ объявить подсудимымъ обѣ ихъ правѣ приносить жалобы, и Страховъ, твердо увѣренный въ благосклонномъ послушаніи Хованскаго, спѣшилъ доложить ему, что подсудимые вовсе не жалуются на притѣсенія, но что объявленіе имъ о правѣ приносить жалобы дало бы поводъ «въ надеждѣ избѣжанія заслуженного наказанія изобрѣтать ложныя на счетъ пристрастія показанія», и что къ тому же «родственная связь просителей съ арестованными убѣждаетъ безошибочно предполагать, что если они не были участниками», то «покрайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнія, обѣ этомъ знаютъ»...

Еще болѣе должно было устрашить Страхова требование Сената о допущеніи еврейскаго депутата къ слѣдствію. «Депутата

же изъ евреевъ,—указывалъ Страховъ кн. Хованскому,—следуя сильному ихъ желанію, комиссія не могла и не можетъ допустить къ производству дѣла, какъ потому, что сознавшіяся преступницы въ умерщвлѣніи солдатскаго сына не всѣхъ участниковъ помнятъ, слѣдовательно весьма легко можетъ случиться, что въ депутаты могъ быть употребленъ участвовавшій самъ въ умерщвлѣніи ребенка, а если не участвовавшій, то знающій обо всемъ, который и будетъ передавать все тѣмъ преступницамъ, которые еще не взяты подъ стражу, давать свѣдѣнія просителямъ, и не взятые подъ стражу приготовились бы къ ложнымъ показаніямъ или скрылись бы».

Кн. Хованскій раздѣлилъ опасенія Страхова и, пославъ соответствующее донесеніе Сенату и одновременно представивъ (22 сентября 1827 г.) такой же докладъ государю, онъ предписалъ, впредь до получения изъ Петербурга отвѣта, продолжать слѣдствіе безъ еврейскаго депутата, «дабы сіе важное дѣло не имѣло остановки».

Въ своемъ докладѣ государю кн. Хованскій повторилъ то, что говорилъ Страховъ: онъ отмѣтилъ, что объявленіе евреямъ обѣихъ правѣ приносить жалобы на пристрастіе весьма нежелательно, особенно теперь, «когда главнымъ виновникамъ въ умерщвлѣніи солдатскаго сына даны уже съ сознавшимися въ томъ преступницами очные ставки»; весьма энергично кн. Хованскій поддержалъ въ своемъ докладѣ также доводъ Страхова противъ допущенія къ слѣдствію еврейскаго депутата, замѣтивъ угрожающе, что въ противномъ случаю комиссія «не ручательствуетъ за могущія быть отъ того послѣдствія». Но вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Хованскій внесъ въ донесеніе и кое что новое. Въ этомъ отношеніи характерно, что онъ заглавилъ докладъ: «О затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ по слѣдствію, производимому въ Велижѣ». Такимъ образомъ, дѣйствія Сената, направленныя къ устраненію противозаконія, кн. Хованскій призналъ за препятствіе, тормозящее слѣдствіе, и именно въ этомъ смыслѣ онъ дополннилъ свой докладъ.

Указъ Сената былъ и Шкуринымъ встрѣченъ весьма недружелюбно. Шкуринъ вообще возсталъ противъ жалобъ евреевъ, съ неудовольствіемъ, но совершенно вѣрно указывая, что евреи почитаютъ велижское дѣло касающимся не однихъ подсудимыхъ,

но всего еврейского населения въ государствѣ, и надо думать, что сообщенный Шкуринымъ слухъ, будто евреи собирали деньги и посыпали ходатая въ Петербургъ, былъ справедливъ. Касательно же указа Сената онъ высказалъ въ своемъ донесении (24 сентября 1827) на имя начальника гл. штаба цѣлый рядъ соображений, тождественныхъ съ тѣмъ, что говорилъ Страховъ о „посиломинеудобности“ указа, какъ относительно еврейского депутата, такъ и разрѣшенія приносить жалобы. И даже, сообщая о своемъ распоряженіи освободить заключенныхъ отъ оковъ, Шкуринъ отмѣчалъ, что это обстоятельство произвело на свидѣтельницъ столь неблагопріятное впечатлѣніе, что онъ опасается, что они скроютъ неоговоренныхъ пока участниковъ преступленій.

Докладъ кн. Хованскаго былъ посланъ въ Петербургъ, а члены комиссии все еще продолжали волноваться при мысли, что въ ихъ среду можетъ быть назначенъ еврей-депутатъ; поэтому они рѣшили представить кн. Хованскому новое доказательство того, что подобный депутатъ не долженъ быть допущенъ.

Сославшись на старое донесеніе Страхова, въ которомъ указывалось, что присяга евреевъ, какъ свидѣтелей, лишена всякой силы, комиссія писала кн. Хованскому (3 октября 1827 г.), что по присягѣ, которую приносили евреи, „ни одинъ изъ нихъ въ Великѣ (а можетъ быть и вездѣ) не принималъ настоящей ни на вѣрноподданничество, ни на вѣрность службы при отправлѣніи должности, въ которую назначенъ по выборамъ; слѣдовательно, и нельзя ожидать ни отъ одного изъ нихъ ни усердія, ни вѣрности къ службѣ, ни безпричастія при отправлѣніи должности, ниже храненія дѣлъ въ тайнѣ, особливо, когда они будутъ касаться до евреевъ, а еще болѣе, когда по собственному какое-дѣло будутъ считать имѣющимъ вліяніе на всѣхъ евреевъ, ибо совершенно ничѣмъ по обрядамъ ихъ вѣры ко всему тому не обязаны“. И къ этому комиссія присовокупила, „что если бы и возможно было допустить къ производимому ею дѣлу депутата изъ еврейскаго сословія, то и тогда онъ не могъ бы быть допущенъ по одному тому уже, что ни одинъ изъ евреевъ ни на вѣрноподданничество, ни на вѣрность службы при отправляемой имъ должности настоящей присяги по обрядамъ ихъ вѣры не принималъ и, слѣдовательно, ни къ безпри-

страстію, ни къ храненію дѣла въ тайнѣ ничѣмъ по ихъ вѣрѣ не обязанъ“.

Шкуринъ также нашелъ этотъ доводъ справедливымъ и онъ, съ своей стороны, тогда же (3 октября 1827 г.)¹⁾ представилъ соответствующее донесеніе начальнику главнаго штаба, приложивъ копію съ присяжного листа, который подписали евреи, выбранные 26 апрѣля 1826 г. на должности городскаго и сословнаго самоуправлѣнія. Тутъ были: бургомистръ Лесохинъ, ратманъ Іофъ, депутатъ Аронъ, гласный Мейеръ Берсонъ, маклеръ Нохимъ Ельсонъ, оцѣнщикъ Хаимъ Черный, словесный судья Тавель Тавелевъ. Всѣ эти лица въ мартѣ 1827 г. были приведены къ присягѣ въ присутствіи словеснаго судьи Вульфа Якубовскаго, кагальна Берлина и головы-христіанина Хрулева, засѣдавшаго въ слѣдственной комиссіи.

И сопоставляя съ одной стороны это широкое участіе евреевъ въ городскомъ и сословномъ (торгово-промышленномъ) самоуправлѣніи (христіанъ было выбрано 11 человѣкъ), а съ другой стороны отношение слѣдственной комиссіи и кн. Хованскаго къ ритуальнымъ обвиненіямъ, можно заподозрить, что вопросъ о присягѣ былъ возбужденъ не только съ цѣлью недопущенія въ комиссию еврейскаго депутата, но и съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе государя (доклады Шкурина сообщались государю) на то, что евреи—этотъ преступный элементъ—играютъ чрезвычайную роль въ общественной и отчасти государственной жизни.

Впрочемъ, это усердіе было уже бесполезно: въ этотъ моментъ вопросъ о депутатѣ былъ рѣшенъ; болѣе того, велиж-

¹⁾ Нѣсколько дней спустя (24 октября) Шкуринъ счелъ нужнымъ донести, что по дошедшемъ до него слухамъ „къ евреямъ, захваченнымъ въ рекрутъ, содержащимся въ одномъ домѣ, отъ общества евреевъ назначены инспекторы или учителя, которые утверждаютъ ихъ въ законѣ“, съ той цѣлью, чтобы рекрутъ на службѣ не крестились, и что рекрутъ будутъ приведены къ особой присягѣ, „со внушениемъ, что принимаемая на вѣрность службы Е. И. В. присяга ничтожна“, такъ какъ она не добровольная, а вынужденная.

Тогда же Шкуринъ донесъ о новомъ признаніи Терентьевой, будто въ 1825 г. евреи вмѣстѣ съ нею убили одну „дѣвку съ озлобленіемъ“, что ихъ выселяли изъ уѣздовъ; этотъ наговоръ не получилъ, почему-то хода.

скому процессу было дано новое, исключительное направление, которое какъ нельзя лучше отвѣчало желаниямъ комиссіи, — но извѣстіе объ этомъ не успѣло еще дойти до нея.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Хованского о препятствіяхъ со стороны Сената начальникъ главнаго штаба Е. И. В. 28 сентября надписалъ: „Писать министру юстиціи, что Государь Императоръ, сдѣлавъ особенное порученіе витебскому генераль-губернатору о наблюденіи за правильнымъ и справедливымъ производствомъ сего необыкновенного дѣла и пославъ на сей же конецъ собственнаго своего флигель-адъютанта, повелѣваетъ, чтобы Правительствующій Сенатъ, впредь до совершеннаго окончанія сего слѣдствія, оставилъ производство онаго въ полное распоряженіе витебскаго генераль-губернатора по возложенной на него высокой довѣренности, отъ котораго, равно какъ и отъ флигель-адъютанта, Его Величество будетъ получать о ходѣ сего дѣла свѣдѣнія и въ сомнительныхъ случаяхъ Самъ будетъ давать имъ разрѣшенія“.

Въ частности этимъ повелѣніемъ былъ исчерпанъ поднятый Сенатомъ вопросъ о „пристрастіяхъ“ и о еврейскомъ депутатѣ. Все осталось по старому.

ГЛАВА VI.

Какъ безотрадно ни было пребываніе подсудимыхъ въ тюрьмѣ, все же неизвѣстность, въ которой они находились относительно готовящейся имъ судьбы, наряду съ часами отчаянія, дарила, быть можетъ, имъ и минуты надежды; пусть то были и быстротечныя минуты, но и онѣ облегчали ихъ душевныя муки, скрашивали тягость физическихъ лишеній.

Но безнадежное отчаяніе должно было охватить заключенныхъ, когда ихъ стали призывать на очные ставки со свидѣтельницами. Если Евзакъ Щетлинъ, его семья и близкія ему лица ужасались слушая обвиненія Максимовой, въ теченіе ряда лѣтъ служившей въ ихъ домѣ, изо дня въ день видѣвшей ихъ семейную жизнь, близко знавшей быть евреевъ, то въ смертельномъ страхѣ затрепетали тѣ, кто до того даже не видѣлъ свидѣтельницъ, впервые встрѣтившись съ ними въ этотъ тяжелый часъ. Знавшіе Максимову могли апеллировать къ ея сердцу, надѣясь умиротворить ее напоминаніемъ о го-

дахъ совмѣстной жизни подъ одной кровлей; но какой ужасъ должны были почувствовать предъ лицомъ невѣдомыхъ обвинительницъ остальные заключенные, не находившіе около себя ни соломенки, за которую, хотя бы на мгновеніе, они могли бы ухватиться.

А обвиненіе было такъ ужасно!.. Членъ комиссіи читалъ показанія христіанокъ, онѣ подтверждали ихъ наклоненіемъ головы, и предъ несчастными обвиняемыми выростала, казалось, глухая стѣна, которая навѣки хоронила отъ нихъ правду и справедливость. Ихъ, мирныхъ гражданъ, проводившихъ свою трудовую жизнь открыто предъ всѣмъ городомъ, обвиняютъ въ страшномъ до нелѣпости злодѣяніи и вопль страданія, вырывающейся изъ ихъ груди, выкрикиваемое слово самозащиты — это убѣдительнѣйшая противъ нихъ улика.

Число обвиняемыхъ-евреевъ безпрестанно возрастало.

9 ноября 1827 г. были арестованы Рохля Янкелева Фейтельсонъ (43 лѣтъ) и Рохля Рафаилова Ливенсонъ (37 л.); черезъ два дня были заключены подъ стражу: Янкель Черномордикъ (59 л.) съ женою Эстеръ (57 л.); за ними послѣдовали — Абрамъ Кисинъ (35 л.), (Нехама Киссинъ, быть можетъ, жена Абраама Киссина, своевременно скрылась изъ Велика и этимъ избѣгла ареста); няня Итки Щетлинъ, Риса Мельникова (45 л.), а также псевдо-супругъ новообращенной въ еврейскую вѣру Терентьевой — бабиновецкой мѣщанинъ, учитель Хaimъ Гиршевъ Хрипунъ (39 л.); Хася Ицкова Шубинская (36 л.); Зуся Рудниковъ (31 г.) и его жена Лія Меерова (36 л.), взявшая съ собою въ тюрьму своего ребенка; Ицка Вульфсонъ (34 л.) съ женой Фейгой (34 л.); полоцкій мѣщанинъ Іосель Гликманъ (56 л.), случайно попавшій въ роковые дни въ Великій и покинувшій его еще до того, что былъ найденъ трупъ; Ривка Янкелева Берлинъ, бабушка Рохли Ливенсонъ, преклонный возрастъ которой — 74 года — могъ бы, казалось, освободить ее отъ заключенія; Итка Щетлинъ (арестована 7 января 1827 г.), которой въ годъ происшествія было всего 14 лѣтъ; Генемелиха Янкелева (19 л.), замужняя дочь Черномордикъ; Блюма Нафанова (37 л.); Хайка Черномордикъ (30 л.); Малка Барадулина (61 г.); Лейзеръ Зарѣцкій (51 г.); Ицка Бѣляевъ (54 л.), бывшій ратманъ; Нота Прудковъ (4 февр. 1828 г.).

Большинство этихъ лицъ не упомянуты въ показаніяхъ Терентьевой и Максимовой; вѣроятно, они были арестованы лишь потому, что въ качествѣ родственниковъ или слугъ находились въ сношеніи съ семьей Берлинскихъ.

Но особыми обстоятельствами былъ вызванъ арестъ Ноты Прудкова. Повидимому, изъ личныхъ непріязненныхъ отношеній къ кагалу, Прудковъ, человѣкъ вообще подозрительный, рѣшилъ наклеветать на нѣкоторыхъ велижскихъ евреевъ. Если вѣрить Шкурину, Прудковъ, находясь еще на свободѣ, старался, чрезъ Петрищу, сискать расположение Шкурина и однажды онъ ему сообщилъ, что «умерщвленіе есть дѣло евреевъ, но рѣзали или кололи, и для источенія-ли крови убили, не знаетъ» и что въ влодѣяніи участвовали Мейеръ Берсонъ и еще четверо евреевъ; при этомъ, обѣщаю все разузнать о дѣлѣ, Прудковъ просилъ Шкурина не арестовывать его. Въ другой разъ Прудковъ передалъ Шкурину, будто «слышалъ ропотъ евреевъ на Шмерку Берлина и Евзика Цетлина, что они убили ребенка безъ разрѣшенія другихъ». Когда Прудковъ былъ вызванъ къ допросу въ комиссію, онъ сталъ отрицать, будто говорилъ что-либо противъ евреевъ. Но сомнительно, чтобы Шкуринъ это выдумалъ; надо предположить, что Прудковъ, желая себя спасти, дѣйствительно сдѣдалъ доносъ; но то, что онъ сообщилъ Шкурину не удовлетворило послѣдняго и Шкуринъ арестовалъ его, надѣясь добиться отъ него болѣе точныхъ данныхъ, тогда Прудковъ или раскаялся въ доносѣ, или по другимъ причинамъ отказался отъ своихъ словъ¹⁾.

Во время этихъ массовыхъ арестовъ былъ заключенъ въ тюрьму (17 ноября 1827 г.) и Абрамъ Катсонъ, по профессии портной, обвиненный въ «подговариваніи и въ подкупѣ убѣщателя при слѣдствіи свящ. Тарашкевича къ наклоненію доказательницъ показывать при изслѣдованіи въ пользу евреевъ». Катсонъ говорилъ, что по порученію Гирши Берлина и его жены Шифры, онъ приходилъ къ Тарашкевичу и просилъ его убѣждать христіанокъ говорить правду, но Тарашкевичъ утверждалъ, что онъ пытался его подкупить...

¹⁾ Вообще доносъ Прудкова представляется неяснымъ по своему содержанію и непонятнымъ по цѣли, которую преслѣдовалъ Пруд-

Обвиняемые тяжко страдали на очныхъ ставкахъ; на показанія христіанокъ они могли отвѣтить лишь однимъ: хотя и упорнымъ, но все же голословнымъ отрицаніемъ своей виновности; обвиненіе застало евреевъ въ ихъ повседневной обычной жизни, въ ихъ домашней обстановкѣ и они, какъ сами заявляли слѣдователямъ, были лишены возможности представить въ свою пользу какія либо «доказательства».

Что же могли говорить евреи при такихъ условіяхъ въ свою защиту? Если слѣдователь не придавалъ никакого значенія столь простому и понятному объясненію, что если бы они дѣйствительно умертвили ребенка, то во всякомъ случаѣ не призвали бы христіанокъ въ свидѣтельницы преступленія, не бросили бы трупа въ открытомъ мѣстѣ и вообще не вывозили бы его за три версты отъ города, такъ какъ дома нашлось бы довольно мѣста для скрытия ребенка,—то какими смѣшными должны были казаться слѣдователю уѣренія, что кровь евреямъ не нужна, или наивное заявленіе Ицки Вульфсона, Лейзера Зарѣцкаго и Хайма Хрипунца, что ни въ одной еврейской книжѣ они никогда не прочитали, чтобы изъ человѣческой крови можно было дѣлать какое либо употребленіе.

Къ тому же чуть ли не каждому слову евреевъ слѣдователи придавали значеніе самообвиненія.

Когда Терентьевъ бросила Ицкѣ Бѣляеву замѣчаніе, что у нея до сихъ поръ болѣть ноги отъ горячихъ сковородъ, на которыхъ ее ставили во время обращенія въ еврейство, онъ ее иронически спросилъ: «Въ три года твои обожженныя ноги не могли зажить», и это, по словамъ слѣдователя, «давало право не сомнѣваться въ участіи его въ преступленіи». А когда пораженный обвинительнымъ натискомъ со стороны Максимовой, Девирцъ завопилъ что «по доказательствамъ Максимовой надо кричать «гвалтъ», потому что она можетъ сказать, что онъ и еще кого нибудь загубилъ», слѣдователь замѣтилъ, что Орликъ

ковъ. Находясь въ тюрьмѣ, Прудковъ объявилъ, что имѣеть сообщить нечто кн. Хованскому, но когда его привезли въ Витебскъ онъ ничего нового не показалъ. Во время допросовъ онъ то защищалъ евреевъ отъ навѣта, то говорилъ, будто источникъ крови это скорѣе дѣло богатыхъ евреевъ. Въ тюрьмѣ онъ замышлялъ креститься, но не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

Девирцъ предвидѣлъ, что Максимова сообщить о другихъ его преступленіяхъ, какъ это въ дѣйствительности потомъ и произошло.

И даже заявленіе Хайма Хрипуна, что Терентьевъ лжетъ, говоря, будто онъ съ ней спалъ, «ибо сіе противно еврейскому закону и ни одинъ еврей не можетъ быть на одной кровати съ другой женщиной, кромѣ своей жены», а на Марѣ, увѣрялъ Хрипунъ, онъ никогда не былъ женатъ и «ктубы съ ней ка-
гальный писарь не писалъ»,—даже это возмущеніе, столь естественное въ простомъ набожномъ евреѣ и, конечно, недоступное пониманію слѣдователя, должно было послужить уликой противъ Хрипуна.

Убѣждая одного подсудимаго признаться въ злодѣяніи, такъ какъ въ этомъ случаѣ его ждетъ пропеніе, Шкуринъ услыхалъ въ отвѣтѣ: «Если бы самъ государь сказалъ это евреямъ, такъ они вѣрно бы признались», и эти слова, выражавшія недовѣріе къ Шкурину, и даже насмѣшку надъ его желаніемъ хитростью вырвать сознаніе, даютъ Шкурину поводъ писать начальнику штаба: «Не ясно ли признаніе, что умерщвленіе солдатскаго сына дѣло евреевъ».

Когда члены комиссіи пытались склонить Евзика Цетлина къ признанію, такъ какъ три сообщницы уличаютъ его «смѣло и подробно», то Цетлинъ, по словамъ слѣдователя, «будто чего то испугавшись, отвѣтилъ: «я самъ знаю, что онѣ смѣло говорить могутъ», но опомнившись, сталъ говорить другое».

О, въ этихъ словахъ Цетлина не было самообвиненія, какъ хотѣли думать слѣдователи. Не только Евзикъ Цетлинъ, но и другіе евреи знали, что женщины могли говорить «смѣло и подробно». Если одни обвиняемые заявляли въ комиссіи, что христіанки «научены» и при этомъ указывали на Азадкевича, какъ на подстрекателя, то Мейеръ и Носонъ Верлины имѣли смѣость заявить во всеуслышаніе въ комиссіи, что учитель доносчицъ былъ самъ Страховъ, и именно зная отношеніе Страхова къ процессу, Евзикъ Цетлинъ смущенно пробор-
мotalъ на очной ставкѣ, что женщины могутъ говорить «смѣло и подробно».

По этой же причинѣ обвиняемые выражали надежду, что

дѣло перейдетъ въ судебнное мѣсто и тамъ откроется правда. Страховъ это зналъ. „Здѣсь мы правы и увидимъ“,—сказала Хася Шубинская,—а надѣемся на Бога, что правда откроется, и Страховъ, записывая эти слова, отметилъ, что они указы-
ваютъ на „общую надежду евреевъ на перестыкование“ и что обвиняемые разсчитываютъ, что христіанки, запутанные за-
очными ставками ихъ угрозами, откажутся въ судебномъ мѣстѣ отъ своихъ прежнихъ показаній.

Но эта надежда на торжество правды, которую евреи дѣй-
ствительно раздѣляли, не могла сохранить въ заключенныхъ стойкость и бодрость духа. Еще до того, какъ начались очные ставки, нѣкоторые изъ евреевъ подверглись тяжкимъ нервнымъ заболѣваніямъ. О „сумасбродствѣ“ Евзика Цетлина, бившаго съ необычайной силой въ конвульсіяхъ, было про-
изведено особое слѣдствіе. Ицка Нахимовскій, находившійся въ теченіе двухъ лѣтъ, повидимому, въ одиночномъ заключеніи, стала часто пугаться, а когда его перевели въ другую ка-
меру, съ окнами во дворъ, онъ, боясь умереть въ тюрьмѣ, бросился бѣжать по улицѣ и затѣмъ остановился, никѣмъ не преелѣдуемый; онъ, вообще, походилъ на сумасшедшаго, но лѣкарь Левенъ нашелъ, что это притворство.

Теперь же, на очныхъ ставкахъ, муки евреевъ получали порою весьма бурное проявленіе, и малѣйшее отраженіе этихъ душевныхъ страданій на лицахъ подсудимыхъ слѣдователи от-
мѣчали въ протоколѣ, какъ несомнѣнную противъ нихъ улику.

Славка Верлинъ на очныхъ ставкахъ съ Максимовой отвѣ-
чала „съ совершеннымъ остервенѣніемъ и злобою, явнымъ образомъ обнаруживающими участіе ея въ преступлениѣ“ и комиссія, „желая воспользоваться ея положеніемъ, убѣждала ее къ сознанію замѣченными въ ней измѣненіями въ лицѣ и судорожными въ ономъ движеніями и дабы дать ей почув-
ствовать замѣченія въ ней измѣненія, заставила ее посмо-
трѣться въ зеркало“, но и за всѣмъ тѣмъ,—меланхолически поясняла комиссія,—Славка Верлинъ утверждала, что все показанное на нее одна ложь“. Лицо Ханны Цетлинъ также было покрыто блѣдностью и она вся дрожала во время очныхъ ставокъ, а Евзикъ Цетлинъ, какъ и нѣкоторые другие, находясь въ помѣщеніи допроса, все время боязливо озирался, какъ

бы опасаясь, что кто то войдетъ. Гирша Берлинъ, которому было, вѣроятно, известно, что его жена Шифра находится въ полной власти слѣдователя, содержась у него отдельно отъ другихъ, „былъ блѣденъ и ломаль закинувши назадъ руки, въ лицѣ его были примѣтны конвульсіи“; а Шифра, которой было суждено кончить свою молодую жизнь въ тюрьмѣ, на очной ставкѣ съ Терентьевой „поблѣднѣвшіи, еле держалась на ногахъ и, ослабѣвая видимымъ образомъ, начала отъ изнеможенія опускаться на полъ, но, услышавъ отвѣтъ Терентьевой, что она вовсе не знала, мгновенно оправилась“; на очныхъ же ставкахъ съ другими доносчицами Шифра „измѣнившись безпрестанно въ лицѣ, вздыхала, плакала и смѣялась, трясясь всѣмъ корпусомъ“.

При такомъ болѣзnenномъ душевномъ и физическомъ состояніи подсудимые, конечно, не могли владѣть собою; они даже пугались кусочка краснаго холста, который подносилъ имъ Страховъ, говоря, что это тотъ самый холстъ, моченный въ крови ребенка, который былъ переданъ въ синагогѣ Терентьевой и теперь найденъ въ домѣ, где она когда-то жила. Но особенно волновало евреевъ дерзкое обращеніе съ ними виновницъ ихъ несчастія; слѣдователи это знали и они понуждали евреевъ стоять лицомъ къ лицу съ обвинительницами и выслушивать ихъ показанія. А несчастная доносчица, пьяные-ли или растроганныя важностью миссіи, проливали горькія слезы и, увлеченныя своей ролью соучастницъ, своей мнимой близостью къ евреямъ, особенно вызывающе держались въ отношеніи тѣхъ, отъ которыхъ раньше, до тюрьмы, они были болѣе всего далеки,—онѣ приближались къ нимъ вилотную и бросали имъ смѣлыя обвиненія. И тогда велижские мученики то вспыхивали неудержимымъ гнѣвомъ, то вдругъ смирялись и, разбитые духомъ и тѣломъ, умолкали и накли головой.

Когда Терентьева вошла въ комнату для очной ставки, Евзикъ Цетлинъ, по словамъ слѣдователей, „взглянувъ на нее, измѣнился въ лицѣ, покрывшемся сильною блѣдностью, и, встревоженный, увѣрялъ дрожащимъ голосомъ, что онѣ ея отъ роду не видѣль; потомъ, при сильныхъ уликахъ, Терентьева, обливаясь слезами, рыдала, и какъ Евзикъ Цетлинъ отпидался, то Терентьева, положивши ему руку на грудь, которой тронула

его бороду“, спросила его: „и ты правду говоришь?“ Тогда онъ закричалъ на нее: „зачѣмъ ты бороду дерешь“, и прибавилъ робко: „я не говорю, что я правду говорю, я говорю только, что ничего не знаю“. Съ такими же крокодиловыми или пьяными слезами Терентьева отвѣчала Славкѣ Берлинъ, кричавшей, что не знаетъ ея: „Какъ ты Бога не боишься, Славка; запираешься, что не колола мальчика. Ты, какъ тогда говорила, что отъ всего отопрѣшься, такъ и дѣлаешь“. Мейеръ Берлинъ также при входѣ Терентьевой, звѣрски взглянувши на нее, съ конвульсіями въ лицѣ, говорилъ: „ты меня никогда не знала и я тебя никогда не зналъ“, но Терентьева смѣло возразила: „ты меня зналъ, какъ я была Сорою“, и Мейеръ Берлинъ, «поблѣднѣвшіи, отошелъ къ стѣнѣ, оперся на оную спину и ломавши руки или подергивая бороду, со слезами на глазахъ, говорилъ „Какъ ты можешь это говорить. Этого никогда на свѣтѣ не было, ты сама ничего не знаешь, ты научена“.

Повидимому, семья Евзика Цетлина надѣялась склонить Максимову и ея дочь Желнову къ правдѣ, но эта надежда не оправдалась. Напрасно Евзикъ Цетлинъ умолялъ Максимову сознаться, что она не видѣла въ его домѣ солдатскаго сына, — Максимова стояла на своесть и сѣть въ изступлении говорилъ, что не въ силахъ „воздержаться отъ злобы“, такъ какъ если Максимова можетъ ему „драть глаза“, то всякому другому „совсѣмъ ихъ выдереть“; напрасно обращался онъ со слезами на глазахъ къ Желновой, говоря ей: „Ты зачѣмъ пришла, ты что знаешь, ты что видѣла, ты что станешь говорить? Мать твоя старуха, ей не долго жить на свѣтѣ, ты не знаешь, что тебѣ за это будетъ“. Столъ же тщетна была мольба Итки Цетлинъ къ Максимовой: „вспомни, что я на твоихъ рукахъ выросла“, Максимова громила ее обвиненіями и опшеломленная дѣвушка говорила, что если бы сама не слыхала всего сказанного Максимовой, то никогда не повѣрила бы, что Максимова способна на такую клевету. А слѣдователи въ это время записывали, что Итка Цетлинъ „кромѣ собственныхъ увѣреній ничего представить не можетъ къ оправданію своему и доказательства во лжи Максимовой“.

При видѣ трогательного союза между комиссіей и доносчицами некоторые подсудимые впадали въ глубокое отча-

яне и, вѣроятно, въ такую минуту Фейга Вульфсонъ заявила полиціймайстеру о своемъ желаніи принять христіанскую вѣру, надѣясь, что подобный благочестивый актъ освободить ее отъ кары. Но когда отъ могилевскаго и волынскаго епископа получилось разрѣшеніе на вступленіе ея въ христіанство, она отказалась отъ своего намѣренія. Въ глубокомъ отчаяніи былъ также Янкель Черномордикъ; на допросѣ, по словамъ слѣдователя, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; при „сильныхъ“ уликахъ Максимовой весь дрожалъ и говорилъ: „Это бѣда, это напасть. Богъ знаетъ, что она говоритъ“; наконецъ упалъ на колѣни предъ присутствующими и повторялъ: „помилуйте, помилуйте“. Минуты тяжкаго испытанія выпали и на долю Румана Нахимовскаго; не зная, какъ защищить себя отъ обвиненій Терентьевой, онъ съ ужасомъ думалъ, что его ожидаетъ смертная казнь. „Ты врешь, — отвѣчалъ онъ Терентьевой, — ты говорить сіе научена, кровь евреямъ не нужна. Я знаю, что надоѣно умирать... и, какъ будто забывшись,—такъ описываетъ сцену слѣдователь,—смотрѣвшіи внизъ, со слезами на глазахъ, говорилъ: „Я не могу этого сказать, я не могу этого говорить, надоѣно умирать“. Въ освѣщеніи слѣдователя эти слова указывали лишь на нежеланіе сознаться въ совершенномъ преступленіи, но въ дѣйствительности то была твердая рѣшимость не принять на себя вины даже для спасенія жизни.

Болѣе устойчивымъ оказался Ицка Нахимовскій, здоровье котораго однако же было расшатано пребываніемъ въ тюрьмѣ. Требуя, чтобы его показаніе было записано слово въ слово, онъ говорилъ Шкурину, что у него, Нахимовскаго, остались три вещи въ полномъ здравіи: память, языкъ и душа. „Память его будетъ помнить, языкъ будетъ говорить, душа сказывать правду на счетъ его обиды, его мученій, насчетъ всего дѣла; хотя дѣло до него не касается, но онъ можетъ ратовать (т. е. спасать) людей, а человѣкъ дорогъ Богу, какъ и государю. Долгъ его говорить, окромѣ, что онъ самъ обдумался, что его Богъ мучить другой годъ, а Богъ, виши, знаетъ его правду, видно для того его мучить, чтобы государь узналъ его правду“...

Еще большую твердость проявилъ Хaimъ Хрипунъ. Онъ говорилъ, что такъ какъ Терентьева показываетъ неправду, то

онъ „просить Бога, чтобы она была жива и чтобы слѣдствіе перешло въ другія руки, ибо будетъ время, что она, если не въ комиссіи, то въ другомъ мѣстѣ, скажетъ правду, а если Терентьеву умреть, тогда пропали евреи, потому что правда не найдется: ибо Богъ и государь хотятъ правды, а комиссія хочетъ сдѣлать правдою показываемое Терентьевой, и если бы онъ каждый день могъ говорить комиссіи, то всегда говорилъ бы то же, что Терентьеву говорить неправду, дѣйствительность чего могутъ засвидѣтельствовать всѣ безъ извѣстія живущіе въ разныхъ государствахъ евреи и всякий изъ сихъ, такъ-же, какъ и онъ, согласится дать себя повѣсить, потому что показанія Терентьевой противны закону. Относительно же себя онъ вовсе не боится, что сидѣть въ острогѣ, потому что видно такъ угодно Богу, а отъ Бога надоѣно принимать и хорошее, и худое, онъ лишь опасается, что такъ какъ не знаетъ хорошо русскаго языка, то пишутъ ли въ комиссіи, что онъ говоритъ, ибо въ комиссіи нѣтъ евреевъ“.

ГЛАВА VII.

Между тѣмъ, пока обвиняемые переносили муки заключенія и очныхъ ставокъ, для нихъ и для другихъ евреевъ, пользо- вавшихся еще свободой, пріготовлялись, волею Терентьевой и Максимовой, новыя испытанія.

Еще въ апрѣль 1827 г., подтверждивъ стряпчemu при «священникъ-увѣщателъ» свои прежнія показанія по дѣлу обѣ убийствъ солдатскаго сына, Терентьеву вдругъ объявила, что давъ на исповѣди слово священнику открыть всю правду, она со- знается и въ другихъ преступленіяхъ, совершенныхъ ею со- вмѣстно съ евреями!

По ея словамъ, на другой годъ послѣ нашествія францу-зовъ, Мирка, у которой она по временамъ работала, попросила ее достать христіанского мальчика. Вскорѣ послѣ этого, она встрѣтила на рынкѣ крестьянку Настасью съ двумя сыновьями; Мирка кое-что купила у мальчиковъ и затѣмъ велѣла Терентьевой отвести ихъ въ ея домъ; вслѣдъ затѣмъ Шмерка Берлинъ увелъ мальчиковъ оттуда, а на другой день сказалъ Терентьевой, что нужно дѣтей убить, чтобы достать кровь, «безъ которой евреи не могутъ жить». Терентьеву пробыла съ дѣтьми три дня, въ

течение которыхъ ихъ хорошо кормили (о солдатскомъ сыне Терентьева говорила, что его въ теченіе нѣсколькихъ дней не кормили, но это потому, что согласно медицинскому свидѣтельству желудокъ его былъ пустъ), а потомъ при участіи Орликъ и многихъ другихъ евреевъ мальчиковъ положили въ бочку «головами врозь» и качали часа три или болѣе, затѣмъ подвергли обряду обрѣзанія, отнесли въ большую синагогу и тамъ, напоивъ чѣмъ то, чтобы не кричали, стали колоть «свѣтлымъ острымъ желѣзомъ», пока мальчики не умерли; потомъ, обмывъ ихъ, такъ что въ ранахъ не осталось крови, Орликъ и Терентьева, въ сопровожденіи Шмерки Берлина, унесли и бросили ихъ въ Двину. Добытая кровь была разлита въ боченки и бутылки, но Терентьева отказалась развозить ее. Съ тѣхъ поръ Терентьева, говоря ея словами, «стала известна евреямъ», и она доставила имъ (въ 1817 г.) еще одну жертву, дворянку Дворжецкую.

Объ этомъ проишествіи Терентьевъ сообщила стряпчemu въ тотъ же день, когда заявила объ умерщвлѣніи двухъ мальчиковъ. По разсказу Терентьевой, она какъ-то встрѣтилась съ Дворжецкой у мѣщанина Сидора, который угостилъ ихъ и онъ объ опьянѣли. Возвращаясь домой, Терентьевъ вспомнила, что еврей Габель и его жена, просили привести къ нимъ Дворжецкую; она завела ее къ нимъ и Габель, напоивъ ихъ пьяными, вмѣстѣ съ евреемъ, жившимъ въ угольномъ домѣ, и 4 другими евреями, отвели Дворжецкую въ школу; тамъ были еще 5 евреевъ и среди нихъ Орликъ. Дворжецкую раздѣли, поставили въ бочку, поднятую посредствомъ веревки на полтора аршина отъ земли, и качали три часа; потомъ Дворжецкую положили на полъ и начали бить по щекамъ, перевязали ноги ремнемъ, а затѣмъ кололи. Уже мертвую, ее положили въ телѣгу и отвезли за городъ, где и бросили въ сторонѣ отъ дороги; здѣсь на ея трупъ навалили сосну (по словамъ Терентьевой, ей сообщиль объ этомъ Орликъ) и подъ этой сосной, заявила Терентьевъ, «на слѣдующую весну нашли руку, голову и косу».

А спустя самое короткое время послѣ этого признанія Терентьевой, Максимова также заявила Шкурину, что она еще не все рассказала объ умерщвлѣніи солдатскаго сына и что она

участвовала въ убієніи двухъ крестьянскихъ мальчиковъ, т. е. тѣхъ, о которыхъ сообщила Терентьевъ.

Такимъ образомъ, не проронивъ ни слова объ этомъ преступленіи въ теченіе полуторагодового пребыванія въ тюрьмѣ, обѣ женщины вдругъ одновременно заявляютъ о немъ, при чемъ Терентьевъ обращается съ признаніемъ къ стряпчemu а Максимова къ вновь прибывшему Шкурину,—такимъ путемъ предполагалось несомнѣнно внушить Шкурину довѣріе къ слѣдственной комиссії.

Вызванная въ присутствіе, Максимова заявила (30 мая), что «приходя время отъ времени въ большее раскаяніе и желая очистить совѣсть свою», она рѣшила разсказать о давнемъ преступленіи. Впрочемъ, Максимова описала событіе нѣсколько иначе, чѣмъ Терентьевъ, при чемъ добавила, что Мирласть тогда же обратилъ ее въ еврейскую вѣру. (Для чего же ее вновь обратили—по ея словамъ—въ еврейство въ 1823 г.?).

Получивъ эти свѣдѣнія, комиссія обратилась къ кн. Хованскому за разрѣшеніемъ разслѣдовать вновь обнаруженныя преступленія. А въ это время (15 сентября 1827 г.) Шкуринъ уведомилъ комиссію, что когда онъ обходилъ арестованныхъ, Терентьевъ заявила ему еще о другихъ случаяхъ еврейского изувѣрства.

Терентьевъ показала, что спустя годъ или два послѣ умерщвлѣнія Дворжецкой, около 1819 г., Орликъ отвезъ ее въ корчму Семичево, къ еврею Шолому, куда вскорѣ пришли двѣ дѣвочки; одна, старшая, вскорѣ ушла, а младшую отвели въ особую каморку. На третій день (Терентьевъ спустя 8 лѣтъ помнила, что это было въ среду) приѣхали Орликъ, Поселенный, Шмерка Берлинъ, Гирша Берлинъ, Евзикъ Цетлинъ и Максимова; тогда дѣвочку раздѣли, напоили чѣмъ-то изъ серебряной ложечки, чтобы не кричала, обрѣзали ногти, перевязали ноги, качали въ бочкѣ около трехъ часовъ, потомъ кололи острымъ свѣтлымъ желѣзомъ, и, наконецъ, обмывъ и одѣвъ, бросили въ колодезь. Послѣ этого всѣ разѣхались.

Максимова съ своей стороны подтвердила это новое показаніе Терентьевой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она добавила, что въ тотъ же день была умерщвлена и другая какая-то дѣвочка, приведенная къ еврею Шолому прислугой Феодосіей, и что оба трупа

Терентьева отвела вмѣстѣ съ евреями. При этомъ кромѣ лицъ, указанныхъ Терентьевой, при злодѣяніи присутствовали, по словамъ Максимовой, Ханна Цетлинъ, Славка Берлинъ, Іосель Мирлашъ, Шмерка Аронсонъ съ женою Басей и еще пять евреевъ и четыре еврейки.

Тогда же Максимова показала, что она вмѣстѣ съ евреями и Терентьевой совершила, кромѣ вышеупомянутыхъ, еще убийство двухъ мальчиковъ въ корчмѣ по Смоленской дорогѣ, и съ тѣми же лицами надругалась надъ похищеннымъ изъ церкви антиминсомъ (полотенце, на которомъ ставится сосудъ со св. дарами).

Отвѣтчая любезностью на любезность, Терентьева съ своей стороны заявила, что разсказъ Максимовой объ убийствѣ въ тотъ же день второй дѣвочки совершилъ вѣренъ, и при этомъ описала событие иначе, чѣмъ при первомъ показаніи. Такъ, по новой версии оказалось, что обѣихъ дѣвочекъ бросили въ рѣку, а раньше Терентьева заявила, что первую дѣвочку бросили въ колодезь.

Съ тою же предупредительностью Терентьева подтвердила свое участіе въ умерщвленіи двухъ мальчиковъ въ корчмѣ, по Смоленской дорогѣ, впервые разоблаченномъ Максимовой. Она сообщила, что послѣ описанного умерщвленія двухъ дѣвочекъ, на второй или третій годъ, еврей Зейликъ, жившій въ брусованской корчмѣ, прѣѣхавъ въ Велижъ, потребовалъ ее къ Евзику Цетлину, который со многими евреями и Максимовой уговарили ее юхать въ корчму; она согласилась и отправилась къ одному еврею, жившему вблизи корчмы, за находившимися у него двумя мальчиками... и двумя дѣвочками...

Туть у бѣдной Терентьевой умъ за разумъ зашелъ отъ обилия смертоубийственныхъ происшествій. Максимова призналась въ убієніи двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, и такъ какъ обѣ этихъ дѣвочекахъ Терентьева уже раньше повѣдала, ей оставалось теперь отобрать у корчмаря лишь двухъ мальчиковъ; но она потеряла счетъ жертвамъ, противорѣчія же въ описаніи обстановки и картины убийствъ никого въ комиссіи не смущали, и вотъ, кромѣ прежнихъ дѣвочекъ, въ фантастической мартирологъ христианскихъ дѣтей включаются еще новыя двѣ дѣвочки-мученицы.

Какъ бы то ни было, Терентьева, по ея словамъ, отобрала у еврея двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ и привела ихъ въ

корчму, а здѣсь они послѣдовательно были замучены и трупы ихъ брошены въ рѣку.

Такое потрясающее злодѣяніе могло, казалось, сохраниться въ памяти соучастницъ до мельчайшихъ подробностей, а между тѣмъ Максимова, указавъ, между прочимъ, на новыхъ соучастниковъ: русскую работницу Агафью Демидову и еврея Нохима Дукаровскаго, заявила, что дѣти были не брошены въ воду, какъ говорила Терентьева, а зарыты въ землю,— „варѣзазъ дернъ, вырыли яму и зарыли туда дѣтей“, — и что она мотла бы показать это мѣсто...

Но этими признаніями фантазія Терентьевой и Максимовой не была еще исчерпана. Пресыщенія, вѣроятно, кровавыми выдумками, онѣ открыли новые еврейскія преступленія, не столь звѣрскія, но не менѣе тяжко караемыя. Терентьева сообщила, что послѣ умерщвленія солдатскаго сына, Шмерка Берлинъ и Евзикъ Цетлинъ попросили ее (значить тогда, когда они знали что Терентьева обвиняла евреевъ въ убієніи солдатскаго сына) принести изъ церкви св. тайнъ, но она отказалась, боясь Сибири. Максимова-же, по словамъ Терентьевой, однажды, пріобщаясь, выпустила св. тайны изо рта въ платокъ и доставила ихъ евреямъ. Но спустя нѣсколько времени, на новомъ допросѣ «послѣ священническаго увѣщеванія, надъ евангелемъ, при зажженныхъ свѣчахъ, долго лежавшаяница на полу Терентьева, мучившись безпрестанно совѣстью, видя весьма часто представляющихъ ей умерщвленныхъ младенцевъ, чистосердечно раскаялась» и заявила, что Максимова не одна, а вмѣстѣ съ ней, Терентьевой, еще до похищенія солдатскаго сына, выложили, прічащаюсь, св. тайны въ платокъ и принесли Ханнѣ Цетлинѣ; на другой день собрались евреи и напоили Терентьеву и Максимову до пьянья, потомъ замѣсили св. тайны въ изготовленное тесто и сдѣлали булки, и Терентьева, по требованію Орлика, вынула мякину и бросила ее въ огонь, а корку кололи, сѣкли связанными прутьями, топтали ногами...

Въ слѣдующемъ году Терентьева, по ея словамъ, дважды приносила евреямъ св. тайны.¹⁾

¹⁾ Пикульский въ своей книгѣ „Злость жидовская“ разсказываетъ со словъ знаменитаго въ своемъ родѣ Серафимовича, крещен-

Наконецъ, свидѣтельницы сообщили, что евреи совершили еще одно святотатство. Послѣ убийства солдатскаго сына Шмерка Берлинъ, Евзикъ Цетлинъ, Орликъ и Поселенный по просили Терентьеву украдь въ церкви полотенце, на которомъ на престолѣ ставится сосудъ со св. дарами (антиминсъ), предупредивъ ее при этомъ, что если она проговорится, то умреть; поэтому-то, боясь смерти, она до сихъ поръ не признавалась (1); и вотъ, однажды Ханва Цетлинъ послала ее съ водкой къ священнику: выпивъ водки, священникъ отправился въ церковь и Терентьева, воспользовавшись этимъ моментомъ, украда антиминсъ, который передала Руману Нахимовскому. Евреи въ синагогѣ надругались надъ антиминсомъ, топтали его и сожгли. Максимова подтвердила сообщеніе Терентьевой, но опи- сала это поруганіе иначе...

Допросы Терентьевой въ комиссии по вновь обнаружен- нымъ преступленіямъ продолжались двѣ недѣли (объ антиминсѣ Терентьева сообщила мѣсяцъ спустя). Шкуринъ понималъ, что для главной «соучастницы» это нѣсколько долгій срокъ и онъ счелъ не лишнимъ объяснить (30 сентября) начальнику глав- ного штаба, что „отъ времени содѣланныхъ преступленій про- шло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе коихъ Марья Терентьева, забывши многія относящіяся къ происшествіямъ обстоятельства, съ трудомъ вспоминала, смысливая одно преступленіе съ дру- гимъ во времени и участвовавшихъ въ оныхъ лицахъ». А кн.

наго еврея, автора злобнаго клеветническаго произведения, что евреи дважды въ годъ покупаютъ у христіанъ св. тайны. Самъ Серафимовичъ, по его утвержденію, однажды „уговорилъ христіанскую дѣвку . . . дабы она ему приносила св. тайны, и когда онъ спрашивалъ: какимъ образомъ доставала, она отвѣчала ему, что принявъ отъ священника тайны, падала ницъ лицомъ, дабы выбросить ихъ изо рта въ руку, и спрятать оныя, приносила ему. Таковую услугу,—продолжалъ Серафимовичъ,—не только одна моя служанка дѣлала для меня, но и для прочихъ жидовскихъ старшинъ дѣлаютъ то же самое служащи у нихъ женщины“. Затѣмъ, разсказывая о по- руганіи евреями св. тайнъ, Серафимовичъ говорить, что „раббины и старшины обязаны колоть тайны особенными ножами, которыми ничего другого не дѣлаютъ“, а церемонію поруганія онъ заключаетъ тѣмъ, что „св. тайны ввергаютъ въ огонь, или въ воду, или въ на- возъ для сожжения“.

Хованский, съ своей стороны, писалъ государю по поводу вновь обнаруженныхъ преступленій, что признаніе христіанокъ «было слѣдствиемъ многократныхъ священническихъ увѣщеваній».

Такимъ образомъ мы видимъ, что о новыхъ злодѣяніяхъ Терентьева и Максимова показали при той же внушительной обстановкѣ, при которой онѣ признали на себя вину въ умерщвленіи солдатскаго сына, при которой они набросали первые эскизы столь мастерски разработанной впослѣдствіи картины фантастического события. Комиссія не измѣнила прежнихъ условій слѣдствія; свидѣтельницы продолжали посѣщать Тарапкевича; какъ и раньше, священникъ увѣщевалъ ихъ при зажженныхъ свѣчахъ. Петрица и Азадкевичъ, ходив- шіе до того времени къ одному Страхову, получили теперь доступъ въ комиссию и новыя лица, вступившія въ составъ комиссіи, усугубили ту атмосферу суеты, предубѣжденія и злобы, въ которой прежде дѣйствовалъ одинъ Страховъ. Если раньше христіанки имѣли предъ собою одного Страхова, упорно требовавшаго отъ нихъ «признаній», если до этого онъ одинъ ихъ гипнотизировалъ и водилъ по пути клеветы, то теперь женщины увидѣли себя окруженнymi новыми подобными слѣдователями, столь же чуткими къ каждому слову доноса, столь же глухими къ противорѣчіямъ, несообразностямъ и явной лжи. Да и самъ Страховъ, какъ надо думать, дѣйствовалъ теперь руководимый не однимъ лишь предубѣжденіемъ, но и злымъ умысломъ: онъ долженъ быть скрыть правду, которую несомнѣнно успѣлъ уже разглядѣть.

Къ тому же, говоря о новыхъ злодѣяніяхъ, христіанки пользо- вались старымъ материаломъ. То же желѣзо, вродѣ гвоздя; тѣ же ремни, которыми связывались ноги жертвы; то же качаніе въ бочкѣ около трехъ часовъ — все это, удачно примѣненное къ солдатскому сыну, съ успѣхомъ было примѣнено и къ новымъ жертвамъ.

Число послѣднихъ, въ сущности, могло быть бесчислено, такъ какъ не было никого, кто бы положилъ имъ предѣль.

Мальчики и дѣвочки умерщвлялись въ людныхъ мѣстахъ, но родители и родные не спрятывались, куда исчезали дѣти,— а слѣдственная комиссія не останавливалась надъ этимъ

страннымъ равнодушіемъ къ участіи пропадающихъ дѣтей и, съ своей стороны, также не наводила соотвѣтствующихъ справокъ.

Доносчицы видѣли предъ собою широкій просторъ и онѣ, поощряемыя комиссіей, благословляемыя Тарашкевичемъ, совершили свой мученическій подвигъ. Подъ непосильнымъ для нихъ бременемъ религіознаго воздействиія, подъ страхомъ угрозъ, онѣ шли впередъ, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями: сегодня онѣ спокойно отрицали сказанное вчера, завтра можно было ждать опроверженія того, что говорили сегодня; какъ для лунатиковъ, препятствія не существовали для нихъ; въ свободѣ, которой онѣ пользовались, таилось ихъ безволье; онѣ находились во власти возложеній на нихъ задачи и потому шли впередъ, не смѣя вернуться назадъ. И въ одномъ лишь проявлялись ихъ опасенія, ихъ муки: каждая изъ женщинъ сообщала на допросахъ не столько о своемъ участіи въ преступленіяхъ, сколько объ участіи другой; въ озлобленіи и отчаяніи, онѣ метили другъ другу за обоюдную вину и другъ на друга клеветали.

Прошлая жизнь Терентьевой и Максимовой, условія ихъ невольнаго пребыванія въ тюрьмѣ—даютъ вполнѣ понятное объясненіе ихъ образу дѣйствій.

Но біографія членовъ комиссій, такъ же, какъ Шкурина, кн. Хованскаго и другихъ сановниковъ, которымъ впослѣдствіи было поручено судить евреевъ, не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію той духовной немощи, которая подчинила ихъ нравственному воздействиію заговорщиковъ, низвела на степень союзниковъ жалкихъ доносчицъ; корни этой немощи таились не въ нихъ самихъ; эту немощь породило вѣкамъ укрѣпившееся въ обществѣ предубѣжденіе, вѣкамъ воспламенявшееся въ обществѣ извращенное религіозное чувство,—и побѣдить въ себѣ эти заблужденія ума и сердца не всякий могъ.

Какъ робкіе люди, боясь темной комнаты, видѣть во мракѣ лишь то, что имъ подсказываетъ ослабѣвшій отъ страха разсудокъ, такъ и трусливые герои велижской драмы, подстуپивъ къ таинственному миѳу, увидѣли въ немъ одни ужасы, рожденные болѣйшимъ воображеніемъ; предъ ними выросъ образъ еврея съ руками омоченными христіанской кровью, и

въ нихъ не было ни силы воли, ни желанія разсѣять лучомъ свѣта дикую фантасмагорію.

Все, все, что говорила доносчица, было въ глазахъ этихъ людей истиною, потому что истину было для нихъ то, что было имъ внушено нелѣпымъ преданіемъ.

Члены комиссії, какъ и Шкуринъ, стали непосредственными союзниками Страхова.

Шкуринъ донесъ (30 сентября) начальнику главнаго штаба Е. И. В. объ умерщвленіи 2 крестьянскихъ мальчиковъ и 3 девочекъ, равно о кражѣ церковной утвари, и выписка изъ этого доклада была представлена государю.

Императоръ Николай I оставилъ въ исторіи евреевъ въ Россіи длинный рядъ мрачныхъ страницъ. Суровый вообще, и, быть можетъ, озлобленный тѣмъ, что не могъ достигнуть обращенія евреевъ въ христіанство, чего онъ несомнѣнно желалъ, онъ не щадилъ евреевъ. Но мало доступный чувству гуманности въ отношеніи евреевъ, Николай I все же явился въ велижской драмѣ мощнымъ защитникомъ ихъ—ибо онъ былъ врагомъ лжи.

Придавая вѣру легендѣ, приказавъ даже въ пылу гнѣва закрыть молитвенные дома въ Велижѣ, государь не могъ допустить осужденія евреевъ лишь на основаніи показанія подозрительныхъ женщинъ. Болѣе того, неожиданное признаніе женщинъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ убийствъ привело его къ мысли, что евреи оклеветаны: на сообщеніи Шкурина о новыхъ владѣяніяхъ евреевъ Николай I положилъ 16-го октября 1827 г. слѣдующую характерную резолюцію: «Надо непремѣнно узнать, кто были нечастны си дѣти. Это должно быть легко есть ли все это не гнусная ложь».

Одновременно, согласно словесному высочайшему повелѣнію, Шкурину было предписано (18 октября), чтобы онъ одинъ, безъ участія комиссії, «непремѣнно узналь, точно-ли дѣти сіи пропадали и было-ли тогда извѣстно о томъ, что они пропали» и о послѣдующемъ уведомилъ начальника главнаго штаба для сообщенія государю.

Быть можетъ, дѣйствуя самостоительно, Шкуринъ пришелъ бы къ раскрытию измышеній. Но независимо отъ Шкурина, о новыхъ признаніяхъ христіанокъ представилъ государю до-

кладъ также кн. Хованскій, испрашивая «высочайшаго повелѣнія на порученіе комиссии произвести изслѣдованіе по всѣмъ вообще показаніямъ преступницъ». И вотъ, 8-го ноября 1827 г. начальникъ штаба Е. И. В. извѣстилъ кн. Хованскаго, что влѣдствіе его рапорта послѣдовала резолюція: «Строжайше изслѣдовать все до корня». Ходатайство кн. Хованскаго было такимъ образомъ удовлетворено и разслѣдованіе дѣлъ по всѣмъ возникшимъ обвиненіямъ было передано комиссіи.

Судя по этой резолюціи можно думать, что государь допускалъ возможность ритуальныхъ преступленій со стороны евреевъ. Но вѣрилъ ли онъ, что комиссія и кн. Хованскій производятъ «правильное и справедливое» разслѣдованіе и намѣревался ли государь предоставить Хованскому разрешеніе страшнаго вопроса?

Въ своемъ докладѣ кн. Хованскій, между прочимъ, писалъ: «Событие о пропажѣ дворянки Дворжецкой подтверждалось, но о двухъ крестьянскихъ мальчикахъ ничего не открыто, вѣроятно потому, что розысканіе производилось не формально, а подъ рукою». Государь, или начальникъ штаба, подчеркнулъ слово «вѣроятно» и поставилъ на поляхъ NB. На томъ же докладѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Высочайше повелѣно имѣть въ виду, когда дѣло будетъ приведено къ окончанію, чтобы оно было предъявлено начальнику главнаго штаба для доклада государю, о чемъ тогда и писать кн. Хованскому».

Сопоставляя NB и послѣднее повелѣніе, дозволительно предположить, что придавая первенствующее значеніе тому, чтобы исчезновеніе якобы умерщвленныхъ дѣтей было подтверждено фактическими данными, государь былъ изумленъ словомъ «вѣроятно», свидѣтельствовавшимъ о легкомысленномъ отношеніи кн. Хованскаго къ столь важному вопросу, и, оставивъ за нимъ дальнѣйшее разслѣдованіе, государь вмѣстѣ съ тѣмъ, не предупреждая объ этомъ кн. Хованскаго, счѣль необходимымъ лично проверить его дѣйствія.

Получивъ широкое полномочіе «изслѣдовать до корня», комиссія приступила къ разсмотрѣнію преступленій по новымъ показаніямъ Максимовой и Терентьевой, и «дабы привести сколь возможно въ ясность обстоятельства сего события», комиссія постановила «переспросить» христіанокъ, а для

«напоминанія другъ другу какъ всѣхъ обстоятельствъ, такъ и участниковъ» дать обвинительницамъ очныя ставки.

Конечно, на этихъ очныхъ ставкахъ обнаружились значительные противорѣчія, но обѣ женщины очень смѣло отказывались отъ своихъ прежнихъ сообщеній и дѣлали поправки. Такъ, между прочимъ, поступила Терентьева и въ отношеніи разнорѣчія по поводу того, что было сдѣлано съ трупами дѣтей, убитыхъ въ брусованскої корчмы. Заявивъ сперва, что одна изъ жертвъ была брошена въ колодезь, а за тѣмъ измѣнивъ показаніе въ томъ смыслѣ, что трупы были брошены въ рѣку, Терентьева теперь «вспомнила», что дѣти, какъ показала Максимова, были зарыты въ землю, — и сдѣлственная комиссія, по прежнему, спокойно выслушивала противорѣчія и заносила ихъ на бумагу, не извлекая изъ сего никакихъ выводовъ...

«Переспросы» доносчицъ стоили новыхъ жертвъ. Терентьева объявила участницей умерщвленія двухъ крестьянскихъ мальчиковъ въ домѣ Мирки крестьянку Марью Ковалеву; будучи арестована, Ковалева сперва отрицала свою вину, указывая, что была въ то время малолѣтней, но послѣ иѣкотораго пребыванія въ тюрьмѣ она заявила, что действительно, не смотря на свое малолѣтство, приняла участіе въ злодѣяніи. Болѣе того Ковалева даже бросила на евреевъ подозрѣніе въ совершенніи еще одного преступленія¹⁾), но роль клеветницы была не по силамъ Ковалевой и несчастная девушка повѣсилась въ тюрьмѣ (26 декабря 1828 г.).

Болѣе мужественной оказалась другая русская женщина, оговоренная Максимовой, Агафья Демидова. «Лучше дать себя зарѣзать, лучше безвинно пропадать и принять кнутъ, — говорила она, — нежели признаться въ томъ, чего не знаю; лучше знать, что напрасно пропадаю, нежели за дѣло; мнѣ самой себя не жаль, но жаль дочери; хоть 2, хоть 3 года продолжится, а правда кривду перетянетъ». Но именно этими словами и

¹⁾ Ковалева сообщила, что много лѣтъ назадъ, когда Берлинъ владѣлъ деревней Красной, ея братъ Яковъ быть найденъ мертвымъ; оказалось, что онъ «набѣжалъ на домото»; кн. Хованскій приказалъ комиссіи не разсматривать этого дѣла.

«положениемъ», въ какомъ она была на допросѣ, Агафья, по словамъ слѣдователя, «обратила на себя сильное подозрѣніе»; все же «при всѣхъ внушеніяхъ и убѣжденіяхъ и послѣ священническаго увѣщанія въ показываемомъ на нее преступлениіи не соизналась».

Тогда же былъ призванъ къ допросу крестьянинъ Василій Голубь, служившій у Шоломы около 10 лѣтъ. Не смотря на внушенія и священническія увѣщеванія онъ не только не признался, а утверждалъ, что ничего обѣ этомъ дѣлѣ не знаетъ. Комиссія, напрасно «старалась расположить его къ признанію новыми убѣжденіями и повтореніемъ священническихъ увѣщаній», Голубь оставался непоколебимъ, не переставая повторять, что ему ничего не извѣстно о подобномъ происшествіи. Его отпустили на поруки.

Переспросы обвинительницъ потребовали также новыхъ жертвъ со стороны евреевъ.

Въ это время велижскій поліціймейстеръ уведомилъ комиссию, что еврей Габель, который будто просилъ Терентьеву привести къ нему дворянку Дворжецкую, вовсе не жилъ въ Велижѣ въ 1817 г., т. е. въ годъ ея смерти. Это, повидимому, стало извѣстно Терентьевой и она, отказавшись отъ своего прежняго показанія касательно Габеля, заявила, что Дворжецкая по собственной охотѣ ходила съ ней по домамъ и пьянствовала, и такимъ образомъ онѣ, между прочимъ, зашли въ домъ Янкеля Коршакова, на которого она раньше не показала, такъ какъ онѣ были къ ней добръ и даваль ей деньги. Отъ Янкеля Коршакова евреи увѣли Дворжецкую въ синагогу и тамъ убили, а деньги, бывшія при Дворжецкой, взялъ Коршаковъ.

Янкель Коршаковъ былъ отысканъ и арестованъ.—Жертвой новыхъ «признаній» явились также Мовшъ Бѣленицкій, корчмаръ Зейликъ Брусованскій и Нохонъ Дукаровскій.

Въ это же, приблизительно, время, по властному слову доносчицъ, грозовая туча надвинулась также на еврейскія общества Витебска и м. Лезны. Вслѣдствіе заявленія Максимовой и Терентьевой, что туда была отвезена кровь, двое членовъ комиссіи и Шкуринъ вмѣстѣ съ христіанками отпра-

вились сперва въ Витебскъ, а затѣмъ въ Лезну. Но комиссію постигла неудача и поѣздка, предпринятая съ грозной цѣлью, превратилась въ фарсъ.

Въ Витебскѣ Максимова указала домъ Лейбы Штернзанда, куда, будто, привозила поль-бутилки крови; самаго хозяина она ни въ чемъ не оговорила, но она показала на его жену, Дворку, какъ на соучастницу; оказалось однако, что жена Лейбы, Шейна, а не Дворка, умерла еще въ 1813 г., т. е. за 11 лѣтъ до «привоза» крови. Столь же явная ложь обнаружилась и въ показаніяхъ Терентьевой; она «по лицу и по виду» признала за соучастницъ старуху Ривку Этингоффъ, ея сыновей Зелика и Мовшу съ женой Геней, и Аrona Гуревича съ женой Рисой, а между тѣмъ было дозвано, что Риса проживаетъ въ Витебскѣ лишь два года, (т. е. съ 1826 г.), а Геня—три, такъ что онѣ никоимъ образомъ не могли присутствовать при «употребленіи» крови въ 1824 г.; что касается мужчинъ, то въ 1824 г. вѣдь они были моложе 17-ти лѣтъ. Въ Витебскѣ никто не былъ арестованъ. Въ Лезнѣ, гдѣ были вызваны къ допросу 42 человѣка—тоже никто не былъ взятъ подъ стражу.

Но это, конечно, произошло не изъза отсутствія уликъ не говоря о томъ, что и до сихъ поръ явная ложь свидѣтельницъ не смущала слѣдователей, заявленіе о привозѣ въ Витебскѣ крови могло быть тѣмъ легче принято за несомнѣнныій фактъ, что находясь въ Витебскѣ, въ домѣ присутствія, Терентьева заявила, что именно въ этотъ домъ была доставлена кровь, но что тогда расположение комнатъ было иное,—и, дѣйствительно, оказалось, что раньше тамъ жили евреи и что въ домѣ была произведена перестройка! Повторяемъ, не отсутствіе уликъ, а какія то особыя причины спасли евреевъ Витебска и Лезны отъ тюремы; документы скучно повѣствуютъ объ этомъ эпизодѣ и можно лишь отмѣтить, что въ Лезнѣ Терентьева говорила, что не узнаетъ города; когда же ее «вразумляли», что хотя дома перестроены, но мѣста остались, «то такъ озлобилась», что начала бранить Шкурина и членовъ комиссіи и кричала «чего вы отъ меня хотите. Зачѣмъ меня сюда привезли и заставляете узнать то, чего нельзя узнать...». И лишь послѣ но-

ваго увѣщанія священника показала всѣ дома, въ которыхъ она будто была.

ГЛАВА VIII.

Послѣ этихъ передопросовъ были возобновлены очныя ставки обвиняемыхъ съ «доказчицами». Для того, чтобы передать, какая глубокія страданія—душевная и физическая—пришлось въ это время евреямъ вновь пережить, не надо искать яркихъ красокъ, громкихъ словъ: протоколы слѣдственной комиссіи съ достаточной выразительностью описываютъ муки подсудимыхъ; весьма краснорѣчивой въ этомъ отношеніи является и переписка заключенныхъ. Слѣдственная комиссія молчаливо поощряла эту секретную переписку, понимая, что въ своихъ тайныхъ письмахъ, изъ которыхъ одни были обращены къ товарищамъ по заключенію, другія—къ близкимъ людямъ, находившимся на свободѣ, евреи будутъ откровенно высказывать свои мысли, сообщать о своихъ намѣреніяхъ,—и комиссія надѣялась, захвативъ эту переписку, узнать правду о велижскомъ событии. Дѣйствительно, въ теченіе года въ руки слѣдователей попали многія письма *) и передъ ихъ взоромъ открылась правда, но это была не та, которую они хотѣли найти. «Переписка сія,—сказалъ впослѣдствіи адм. Мордвиновъ,—долженствовавшая повидимому раскрыть ихъ (евреевъ) тайны, обнаруживаетъ одинъ ужасъ, какимъ евреи неожиданно поражены при открытии имъ извѣта доказчицъ».

Такой правды слѣдователи не могли понять и переписка, полная ужаса, отчаянія и надежды, превратилась въ объясненіи комиссіи, въ такую же улику противъ евреевъ, каковою по прежнему и на возобновленныхъ очныхъ ставкахъ служило малѣйшее отраженіе душевной эмоціи на лицахъ подсудимыхъ.

Лицо Славки Берлинъ—сообщаютъ слѣдователи—«покрытое блѣдностью, было въ конвульсіяхъ, губы посинѣвші, вся она дрожала и хотя ни въ чёмъ не признавалась, но изъясненное

*) Лучинки, клочки бумаги и т. п.—все, чѣмъ пользовались подсудимые для своей переписки, отправлялись въ министерство народного просвѣщенія для перевода съ еврейскаго языка на русскій, оттуда поступало къ начальнику главнаго штаба, а затѣмъ отсыпалось ки. Хованскому.

положеніе и прерывавшіеся отъ злобы голосъ, явно изобличали ее въ преступлѣніи».

Янкель Коршаковъ, увѣрявшій, что никогда не зналъ Терентьеву, все же, по словамъ слѣдователя, изобличался въ преступлѣніи тѣмъ, что войдя въ присутствіе, «примѣтно смущился и, стоявши, потупивъ внизъ голову, дрожалъ всѣмъ корпусомъ».

А Зейликъ Брусованскій, бѣдный человѣкъ, утверждавшій, что не могъ дать Терентьеву, какъ она говорила, 50 рублей, такъ какъ у него самого не было подобной суммы и что онъ не могъ при своей бѣдности быть близкимъ къ такимъ богатымъ людямъ, какъ Берлины,—по замѣчанію слѣдователя, «во все время находился въ такомъ замѣшательствѣ, что явнымъ образомъ видно было, что онъ не хочетъ сознаться въ преступлѣніи».

Съ несчастной же Шифрой во время этихъ очныхъ ставокъ приключился истерический припадокъ «съ сильными судорожными во всемъ корпусѣ движеніями и кривяніемъ лица». Вида свою жертву въ такомъ болѣзnenномъ состояніи, Максимова имѣла жестокость заявить, что такія же судороги были у солдатскаго сына при его умерщвлѣніи и что тогда же подобный припадокъ случился и съ Шифрой. И Шифра только и возразила, что сама обвинительница привела ее къ смертельной болѣзни. Дѣйствительно, силы ее покидали; когда ее привезли къ допросу по дѣлу о поруганіи автиминса, она уже не могла идти; но это не остановило комиссіи: для суроваго допроса слѣдователи не отказались явиться съ доносчицами въ камеру умиравшей женщины; Шифра, какъ описывалъ слѣдователь этотъ допросъ, «примѣтно поблѣдѣла и при первомъ спроѣ (о поруганіи св. тайнъ) грудь ея сильно забилась, она съ трудомъ выговаривала «я ни о томъ, ни о другомъ, объ этомъ не знаю»... потомъ, опомнившись, спросила, о чёмъ ее спрашивали; когда ей объяснили, она, ломая руки, проговорила: «Боже мой! Что они показываютъ этого и на свѣтѣ не было»...

Въ эту минуту Шифра замѣтила, что за дверью стоитъ другая «доказчица», изнеможенная, она вновь подверглась припадку, но слѣдователи, находя, что это одно притворство, ввели въ ея камеру также и Терентьеву, и эта безпутная жен-

щина, глумясь надъ страданіями жертвы, кощунствуя надъ Божиимъ именемъ, говорила: «Слушай Шифра. Меня Богъ наказалъ бы давно, если бы я на кого хотя одно слово напрасно сказала, но какъ я говорю и на себя и на евреевъ правду, то хотя и бываю слаба, однако же такъ, какъ ты, Шифра, не мукаюсь». Шифра Берлинъ, по словамъ слѣдователя, горько плакала при подписаніи допроса и ея волненіе разразилось новымъ истерическимъ припадкомъ.

Однако по мѣрѣ того, какъ передъ заключенными все шире развертывалась картина приписываемыхъ имъ преступлений, чѣмъ больше они убѣждались, что не столько наговоръ христіанокъ, сколько предубѣждение комиссіи грозитъ имъ погибелью, тѣмъ они становились смѣлѣе, дерзновеннѣе въ обращеніи со слѣдователями; воспамененные отчаяніемъ, подсудимые стали открыто бороться съ членами комиссіи, смѣло говоря имъ въ глаза правду. Впрочемъ, эту смѣлость евреямъ могло придать присутствіе въ комиссіи нового лица; въ бытность свою въ Петербургѣ Хованскій представилъ государю лично (19 дек. 1828 г.) записку о положеніи слѣдствія; повидимому, эта записка не произвела на государя благопріятнаго впечатлѣнія; тогда же (25 дек.) послѣдовало высочайшее повелѣніе министру юстиціи командировать въ Велижъ надежнаго чиновника (изъ состоящихъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ) для проверки слѣдствія, произведенаго комиссіей, вслѣдствіе чего въ комиссію вступилъ ст. сов. Беклешовъ.

И именно благодаря присутствію Беклешева, надо думать, въ протоколь стали заноситься заявленія евреевъ, бросавшія тѣнь на дѣйствія комиссіи. Подсудимые клеймили членовъ комиссіи, какъ лжецовъ, какъ подстрекателей. «Доказательницы лгутъ,—говорила Славка Берлинъ,—такъ какъ Страховъ научилъ ихъ показывать на меня и на другихъ евреевъ сперва въ умерщвлении солдатскаго сына, но какъ это показалось ему недостаточнымъ, то научилъ показывать еще въ убийствѣ другихъ дѣтей». А обращаясь къ старшему члену Беклешову, Славка говорила, что «всѣ члены комиссіи и Шкуринъ, какъ известно, научаются доказательницѣ клеветать и что всѣ бумаги составлены ими несправедливо, то подозрѣвая ихъ», она просить донести о томъ государю; «оправданія же невинности

своей и доказательства на членовъ» представить тогда, когда всѣ члены комиссіи, за исключеніемъ старшаго, будутъ смыты, или представить ихъ въ судебнѣмъ мѣстѣ. «Добро бы кто говорилъ, а не вы—кричала Славка Берлинъ стряпчemu,—будетъ время, вы увидите, я опять буду Славкой! И всѣ евреи будутъ опять дома! все кончится ничѣмъ, бабы сами скажутъ, что они научены... «Одумайся,—обращалась она къ Максимовой,—и скажи такъ: я солгала, меня научилъ Страховъ... Не думай, что вездѣ тебѣ будутъ вѣрить, какъ здѣсь. Нѣтъ, придетъ на сіе время, дѣло будетъ въ судѣ... мнѣ тамъ будутъ съ тобою еще очные ставки, все тогда будетъ по моему...» Еще откровеннѣе говорилъ Нота Прудковъ: «Здѣсь нѣтъ законовъ, нѣтъ правды; вѣрять распутнымъ бабамъ. Генераль-губернаторъ не хочетъ насъ слушать. Государь не такихъ прислать людей, какихъ надо. Государь хочетъ знать правду, а вы не хотите открыть ее... Это не слѣдствіе, это насильное нападеніе на евреевъ...»

«Я только оговоренъ въ убийствѣ—кричалъ Прудковъ на допросѣ по поводу перехваченной переписки—а вы меня допрашиваете, какъ разбойника. Вы сами разбойники, всѣ въ комиссіи разбойники! Вы научили бабъ говорить... вы на насъ сдѣлали нападеніе, вы разорили, вы учили бабъ для того, чтобы истребить всѣхъ евреевъ, потому что если докажете, что мы замучили мальчика, тогда не мы одни будемъ виноваты, всѣ евреи должны быть виноваты, но мы этого не боимся, лишь бы дѣло вышло изъ комиссіи. Вы увидите, что ничего не будетъ, мы это напередъ знаемъ, а васъ будутъ судить за то, что вы все дѣлаете беззаконно».

Не одинъ Прудковъ понялъ страшную цѣль комиссіи обрушить ритуальное обвиненіе на всѣхъ евреевъ.

«Прошу—читаемъ мы въ письмѣ Хрипуна—побудить жителей вашего города, нашихъ братьевъ, чтобы старались о томъ всѣми возможными способами и чтобы весь Израиль не молчалъ, ибо ихъ намѣреніе, да будутъ стерты имена ихъ, простирается весьма далеко, т. е. истребить, Боже сохрани, весь Израиль, и потому, братья Израиля, милосердные дѣти милосердныхъ, собирайтесь и постарайтесь о томъ. И чтобы не подумать кто изъ васъ, что если его не трогаютъ, то ему стараться не нужно».

«Бѣгите по всѣмъ мѣстамъ, — умолялъ Хрипунъ въ другомъ письмѣ, — гдѣ Израиль разсѣянъ и громко кричите: «горе, горе», чтобы жертвовали жизнью и старались обѣ наасъ».

Призванный на допросъ по поводу писемъ, Хрипунъ бранить въ лицо членовъ комиссіи, кричалъ Шкурину: «Тебя государь не любить.. Твои говорки пойдутъ въ..., а моя будетъ правда», и, прия въ изступленіе, обнаживъ грудь, вопилъ: «Я никого не боюсь, разбойники, обманщики... Вы уморили богатырей Шмерку и Янкеля... и вытащили изъ острога, какъ падаль...*)

Характерно, что подсудимые, одни—съ твердымъ убѣждениемъ, другіе—съ наивной вѣрой, ждали спасенія отъ царя, который, желая знать правду, прикажетъ вновь разсмотрѣть дѣло въ судебнотъ мѣстѣ; повидимому, царствованіе Александра I оставило по себѣ въ еврейскомъ населеніи добрую память, а новое царствованіе еще не успѣло поколебать увѣренности въ добрыхъ чувствахъ высшей власти. «Мы донесемъ лично государю, что этого на свѣтѣ не было»—говорилъ Ицка Бѣляевъ въ комиссіи. «Что вы вѣрите бабамъ,—укоряла Фейга Вульфсонъ слѣдователей,—я это раздумала: вы сами увидите, я знаю, что ничего (т. е. наказанія) отъ государя не будетъ».

Многіе евреи отказывались подписывать очныя ставки. Среди прочихъ не подписалъ и Евзикъ Цетлинъ, говоря, что выступить на очныя ставки съ обвинительницами въ другомъ мѣстѣ; тщетны были убѣжденія прибывшаго поліціемейстера; напрасно Цетлину было прочитано соотвѣтствующее предложеніе ген.-губернатора „съ изѣясненіемъ приличныхъ на подобные случаи узаконеній”; когда Евзику Цетлину заявили, что его слова и дѣйствія будутъ записаны, онъ отвѣтилъ:

*) Кромѣ означенныхъ писемъ, слѣдователи перехватили еще двѣ записи Хрипуна. Въ одной изъ нихъ онъ „убѣждалъ собратій своихъ, чтобы отнюдь никто изъ нихъ не ругался надъ нимъ и не презиралъ, ибо онъ съ ума сойдетъ отъ стыда и срама, а напротивъ того подкрѣпляли бы его”, а въ другой писалъ, что онъ „укрѣпляется всѣми средствами, чтобы жертвовать жизнью и не думать о стыдѣ”; эти записи были объяснены комиссіей въ томъ смыслѣ, что Хрипунъ „боится ругательствъ и презрѣнія своихъ единовѣрцевъ за содѣянное имъ (т. е. половое сношеніе)—по показанію Терентьевой, въ случаѣ если онъ въ соединеніи съ нею проговорится”.

„Пишите что хотите. Дѣло будетъ въ судѣ. Если я буду виноватъ, меня будутъ судить“.

Какъ ни странно, но думается, что обвиненіе въ святотатствѣ еще болѣе поразило евреевъ, нежели обвиненіе въ убийствахъ. Когда рѣчь шла обѣ убийствѣ, они могли такъ или иначе составить себѣ представление обѣ ужасномъ злодѣяніи и, защищаясь, они имѣли предъ собою обвиненіе въ известной такимъ образомъ конкретной формѣ. Но когда заключеннымъ объявили о святотатственныхъ дѣяніяхъ—они совсѣмъ растерялись. Никто изъ нихъ не зналъ, что такое „антиминсы“ и не понималъ значенія св. тайнъ; поэтому приписываемые имъ поступки (топтаніе, сѣченіе и пр.) представлялись имъ до смѣшного нелѣпыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ угрожающая обстановка до проса слишкомъ краснорѣчиво говорила о важности ихъ преступленія, и они, словно подстрѣленныя птицы, бились и метались...

„Авдотьюшка, Авдотьюшка—умоляла Ханна Цетлинъ Максимову, тяжело задыхая и робко глядя на нее — надо Бога знать, надо вспомнить Бога, надо вспомнить, что надо умирать... Неужели я только тѣмъ и занималась, даъ ты говоришь“.

„Миленъкія мои, что я сдѣлала вамъ худого—говорила престарѣлая Ривка Берлинъ, обращаясь къ христіанкамъ,—что вы показываете на меня такую бѣду, отъ которой надобно кричать гвалть“, и „убѣждала ихъ разнымъ образомъ со слезами“.

А Евзикъ Цетлинъ весь затрясся, когда ему впервые объявили о новомъ обвиненіи въ святотатствѣ и, едва держась на ногахъ, просилъ, чтобы его спрашивали по одному слову, потому что онъ ничего не понимаетъ.

«Я первый разъ слышу, что это тайны», увѣралъ слѣдователя Гирша Берлинъ. «Говорить не пушка — обращался онъ къ свидѣтельницѣ — ты пустяковъ не говори, а то выдумываешь все новое да новое...» Носонъ Берлинъ до того дрожалъ на очной ставкѣ, что не могъ стоять на ногахъ—«вы съ ума сошли,—говорилъ онъ обвинительницамъ,—когда это было? Я не знаю что такое тайны», а слѣдователи отмѣчали, что при словахъ «св. тайны» онъ «влюбно улыбался», и такой ремаркой они снабжали большинство ответовъ евреевъ. «Я не знаю, что

я подпишу—вопил Ицка Вульфсонъ,—я смерть долженъ подписать, я и теперь не понимаю, что это значитъ надругаться, бравиться надъ тайнами», а на очныхъ ставкахъ съ Максимовой, «будучи блѣденъ, дрожавши и,—какъ объясняла слѣдователь,—потерявшись совсѣмъ отъ уликъ ея, кричалъ: что кололи? что лили въ лепешки? кровь! Ты никогда тайны не приносила»...

За такое упорство въ несознаніи слѣдователи жестоко мстили евреямъ.

Если вѣрить Славкѣ Берлинѣ, члены комиссіи «страшали» ее, Страховъ кидался на нее и трясъ, а обвинительницы били ее на очныхъ ставкахъ съ разрѣшеніемъ слѣдователей.

Комміssія систематически изнуряла евреевъ: удерживала ихъ на допросахъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, заставляя ихъ, при этомъ все время стоять на ногахъ, оставляла безъ пищи, призывала больныхъ и проч.

«Меня поставили въ комнатѣ со всѣми тремя христіанами,—писала Ицка Цетлинъ,—и онѣ говорили до того, что у меня потемнѣло въ глазахъ; потомъ что сдѣлалось не знаю; съ начала, когда онѣ говорить начали, я показывала себя очень твердо, до тѣхъ поръ, пока я съ ногъ не свалилась, тогда меня вывели...», и несчастная дѣвушка писала своимъ братьямъ: „я думаю, если бы дома такъ хорошо было сидѣть, какъ здѣсь, то мнѣ повѣрили бы и пожалѣли бы о моихъ молодыхъ годахъ. Братья, ради Бога, сжалтесь надо мною”...

Слѣдователи пользовались и другими средствами, чтобы вырвать у евреевъ признаніе; такъ, изъ письма Хaima Хрипуна видно, что кто-то показывалъ ему «въ окончикъ буквы признанія» и онѣ просили товарищѣ по заключенію: «ради Бога, увѣдомите меня, какъ понять признаніе въ такой лжи, дабы я зналъ, какъ остерегаться ихъ». Конечно, эти «буквы признанія» исходили отъ рукъ слѣдователей—никому изъ евреевъ не представлялось надобности склонять Хрипуна къ ложному сознанію. Съ той же цѣлью сломить упорство обвиняемыхъ слѣдователи нравственно насиливали ихъ: дабы подавить евреевъ, оскорбить ихъ религіозное чувство, они заставляли ихъ подписывать допросы въ праздничные и субботние дни. Когда однажды Ицка Вульфсонъ, ставъ на колѣни,

просилъ комиссію, въ виду еврейскаго праздника, отложить подписаніе допроса, ему это разрѣшили «потому болѣе, чтобы не терять времени въ напрасныхъ его убѣжденіяхъ, ибо комиссіи по опыту извѣстно, что онѣ (т. е. убѣжденія), продержавшись нѣсколько часовъ, несильны остановить евреевъ въ „погонѣ упрямствъ, даже и въ обыкновенные простыя субботы».

Однако, несмотря на всѣ разнообразныя физическія и нравственные воздействиа, вплоть до обѣщанія царскаго прощенія, никто изъ подсудимыхъ не сознался въ приписываемыхъ преступленіяхъ.

Но муки заключенія привели къ другому результату: одна изъ подсудимыхъ выступила обличительницей своихъ товарищѣ по тюрьмѣ—это была Фратка Девирцъ. Одиночное заключеніе, продолжавшееся уже пятый мѣсяцъ, нарушило въ ней душевное равновѣсіе. Еще на первыхъ допросахъ она такъ вела себя, что комиссія усомнилась, не лишилась ли она разсудка, но Левенъ нашелъ ее здоровой; на дальнѣйшихъ же допросахъ Фратка Девирцъ, какъ сообщали слѣдователи, «потеряла всякую благопристойность, кричала разныя нелѣпости». О ненормальности Фратки свидѣтельствуетъ и то, что она дважды, чуть-ли не на виду у всѣхъ, пыталась бѣжать изъ тюрьмы, «съ досады и огорченія, какъ она объясняла, что отъ содержанія подъ стражей дѣлаются ей частые обмороки и что она сумасшедшая». А однажды Фратка хотѣла даже перерѣзать себѣ горло,

Вдругъ (въ декабрѣ 1827 г.) она заявила полиціймейстеру, что Руманъ Нахимовскій, съ которымъ она встрѣтилась во дворѣ, рассказалъ ей, какимъ образомъ былъ умерщвленъ ребенокъ въ большой синагогѣ.

Вызванная въ комиссію, Фратка объяснила, что, подвергши ребенка обрѣзанію, евреи замучили его, послѣ чего Евзикъ Цетлинъ, спрятавъ трупъ подъ полу, унесъ его, а ножъ, которымъ обрѣзали ребенка, находится у одного еврея; къ этому она присовокупила, что Руманъ будетъ отпираться отъ сказанного, такъ какъ никто изъ евреевъ не откроетъ правды, а у Румана «все зло въ горбу сидѣть».

Сомнительно, чтобы кто-либо преднамѣренно убѣдилъ Фратку Девирцъ въ виновности евреевъ; повидимому, самый допросъ

при устрашающей обстановкѣ вызвалъ въ ея разстроенному умѣ мысль, что богатые евреи умертили ребенка, и, считая Ханну Цетлинъ и Берлинныхъ виновниками своего заточенія, она говорила то, что могла слышать и отъ доносчицъ, и отъ солдатъ, находившихся въ караулѣ при камерахъ.

Вслѣдствіе наговора Фратки былъ произведенъ обыскъ въ домѣ рѣзника Берке Зархе и среди найденныхъ ножей одинъ оказался съ серебрянымъ черенкомъ, въ сафьяновомъ футлярѣ, съ еврейской надписью, употреблявшійся, какъ евреи сообщили комиссіи, для обрѣзанія еврейскихъ младенцевъ.

О показаніи Фратки Девирцъ кн. Хованскому немедленно (16 декабря 1827 г.) донесъ государю, отмѣчая, что таковое „при невидимомъ содѣйствіи Всевышшаго, полагаетъ начало къ открытию истины и достижению окончанія сего дѣла“. Одновременно князь Хованскій обратилъ вниманіе комиссіи на надпись на футляре, „не заключается ли въ изъясненіи прямого употребленія его и не откроется ли сею новаго изобличенія евреевъ въ доказываемыхъ на нихъ дѣйствіяхъ“. Комиссія проводила ножъ съ футляромъ къ кн. Хованскому, отсюда ножъ былъ отосланъ въ министерство духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и возвращенъ съ переводомъ надписи; ея тайна была разоблачена; надпись гласила: «Благословенъ еси, Єгова, Богъ Нашъ, Царь міра, освятившій вѣсть заповѣдями Своими и давшій намъ заповѣдь о введеніи его (младенца) въ сонмъ отца нашего Авраама».

Не знаемъ, нашелъ ли кн. Хованскій въ этихъ строкахъ «изобличеніе» евреевъ, во всякомъ случаѣ онъ теперь сталъ усердно продолжать уже прежде начатые поиски за такими «доказательствами» виновности подсудимыхъ, которыхъ не находились въ прямой связи съ велижскимъ происшествіемъ.

Еще въ 1826 г., какъ сообщалось выше, кн. Хованскій просялъ министра внутреннихъ дѣлъ розыскать рѣшеніе люблинскаго трибунала по дѣлу объ умерщвлѣніи христіанскаго мальчика въ Ленчицахъ въ 1639 г.

Управляющій министерствомъ В. Ланской исполнилъ эту просьбу, но предвида, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ документа, онъ не могъ воздержаться, чтобы, отсылая кн. Хованскому бумаги, не обратиться къ нему (15 июля 1827 г.) съ отрезвляю-

щимъ словомъ; приведя замѣчаніе министра внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія Царства Польскаго по поводу ленчицкаго событія: «можно предполагать, что предразсудки евреевъ тогданиго времени склоняли ихъ къ хищенію христіанской крови, особенно младенцевъ», В. Ланской, съ своей стороны, писалъ кн. Хованскому: «Долгомъ считаю присовокупить, что происшествіе, бывшее въ Ленчицахъ, не должно заслуживать никакого вниманія при производствѣ слѣдствія о велижскихъ евреяхъ, которые, на основаніи Высочайшаго указа, и по самой справедливости, не могутъ обвиняться предположеніемъ преступленія, но судебными уликами и ясными, сомнѣнію не подлежащими, доказательствами».

Но князь Хованскій не внялъ голосу В. Ланского. Быть можетъ, высочайшее повелѣніе 27 марта 1827 г., напомнившее о томъ, что обвинять евреевъ должно лишь на основаніи обстоятельствъ, непосредственно относящихся къ событию въ Велижѣ, прервало въ время эту закулисную дѣятельность кн. Хованского, но резолюція „изслѣдовать до корня“ (ноябрь 1827 г.) устранила препятствія для указанныхъ „розысканий“.

Кн. Хованскому стало известно, что когда то въ Гродненской г., производилось слѣдствіе по какому-то подозрительному дѣлу, въ которомъ были замѣшаны евреи; поэтому онъ поспѣшилъ обратиться къ гродненскому губернатору за соотвѣтствующими свѣдѣніями, „которые бывъ приняты въ соображеніе и употреблены въ нужныхъ случаяхъ по велижскому дѣлу, могли бы, можетъ быть, разительно подействовать на упорствующихъ евреевъ и расположить ихъ къ давно ожидаемому сознанію“. Гродненскій губернаторъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, въ 1811 и 12 г., но не въ Гродненской, а въ Виленской губ., производилось дѣло по доносу „одного еврея на своихъ собратій, евреевъ-же, о вредныхъ дѣйствіяхъ ихъ относительно правительства и вообще всего христіанскаго народа“. Легко вообразить, какъ это извѣстіе должно было обрадовать кн. Хованскаго: по доносу еврея, евреи изобличены въ вредныхъ дѣйствіяхъ противъ христіанскаго народа!..

И вотъ, указывая, что завершеніе велижскаго процесса „затмеляется единственно отъ упорства евреевъ въ сознаніи, при многихъ очевидныхъ, вѣроятныхъ и ничѣмъ неопровергаемыхъ

уликахъ", кн. Хованскій, "побуждаясь желаніемъ изыскать всѣ средства, могущія способствовать къ скорому окончанію слѣдствія и предполагая найти оныя, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ", въ виленскомъ дѣлѣ, обращается къ литовскому губернатору съ просьбой доставить ему эти данныя.

Литовскій губернаторъ не замедлилъ уведомить (29 июня 1828 г.) кн. Хованскаго, что интересующій его еврей (уже умершій) прозвывался Бульфомъ Юделіовичемъ; въ 1788 г., во время польского правительства, онъ былъ подвергнутъ за воровство тѣлесному наказанію съ наложеніемъ на лбу клейма; по присоединеніи же края къ Россіи онъ сталъ дѣлать доносы на здѣшнихъ евреевъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, при чмъ при разслѣдованіи одного такого дѣла, именно о вывозѣ евреями за границу русской монеты, Юделіовичъ вздумалъ доказывать, что на свидѣтельскія показанія евреевъ нельзѧ полагаться, такъ какъ еврейскій законъ воспрещаетъ имъ, даже по выполненіи присяги, показывать «во вредъ своихъ собратій», въ подтвержденіе чего Юделіовичъ представилъ еврейскія книги; нѣкоторыя выдержки изъ нихъ, будто свидѣтельствовавшія о безнравственности еврейскаго народа, были своевременно переведены по приказанію литовскаго губернатора на польскій языкъ и теперь препровождены кн. Хованскому.

ГЛАВА IX.

Междѣ тѣмъ извѣстіе о велижскомъ процессѣ быстро распространилось въ губернскихъ бюрократическихъ сферахъ (быть можетъ благодаря перепискѣ кн. Хованскаго по поводу "изысканій"), вызывая мысль, что настало время для оживленія страшной сказки.

И случилось то, чего менѣе всего можно было ожидать. Было возобновлено то дѣло о пропажѣ въ 1816 г. въ Гроднѣ у мѣщ. Адамовича 4-хъ лѣтней дѣвочки, по поводу которого состоялось извѣстное высочайшее повелѣніе отъ 6 марта 1816 г., поставленное нами во главѣ настоящаго повѣствованія. Помимо этого указа гродненскій губернаторъ былъ тогда же извѣщенъ о томъ, что "Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать гродненскому губернскому начальству замѣченіе, что оно, не видя по настоящему дѣлу никакихъ сильдовъ къ обвиненію евреевъ въ смертоубийствѣ, отступило отъ законовъ, на таковые случаи предписанныхъ, допустивъ производить слѣдствіе по одному только неосновательному подозрѣнію, вообще на еврейскій народъ возводимому".

Но мѣстной администраціи мнилось, что то, что въ 1816 г. вызывало порицаніе, вызоветъ теперь похвалу; въ 1826 г. дѣло Адамовичъ было возобновлено, а подозрѣвавшіе въ злодѣяніи двое евреевъ были заключены въ тюрьму; однако гродненскій гл. судъ постановилъ освободить ихъ и предать дѣло волѣ Божьей. Но умы представителей власти были уже воспалены возродившимся миоомъ и въ ноябрѣ 1827 г. прокуроръ вновь возбудилъ предъ сенатомъ обвиненіе евреевъ въ гродненскомъ преступленіи.

Это такъ и должно было быть, ибо самъ государь, еще недавно напомнившій велижской комиссіи о повелѣніи Александра I не возводить на евреевъ подобныхъ обвиненій, отступилъ теперь отъ этого гуманнаго акта.

Въ апрѣлѣ 1827 г. возникъ и другой, такъ называемый Тельшевскій, ритуальный процессъ: 16-лѣтній пастухъ Августинъ Жуковскій заявилъ, будто онъ видѣлъ, какъ евреи схватили въ полѣ крестьянскаго мальчика Петровича. Наслѣдникъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ доложилъ государю, что убійство, согласно произведенному разслѣдованію, совершено пастухами, но государь (въ самомъ концѣ 1827 г.) поручилъ Константину Павловичу извѣстить литовскаго губернатора «о обращеніи вниманія на сіе дѣло по сходству съ велижскимъ, гдѣ по несчастію подтверждается уже, что не одинъ, а 7 ребятъ замучены...»

Такимъ образомъ въ трехъ близъ лежащихъ другъ къ другу мѣстностяхъ — Велижѣ, Гроднѣ и Вильнѣ — одновременно велись ритуальные процессы; при такомъ условіи извѣстіе о томъ, что евреи привлечены къ отвѣту за употребленіе христіанской крови, быстро и широко, конечно, распространилось въ народной массѣ, тѣмъ болѣе, что обвинителями евреевъ выступали представители низшихъ слоевъ общества. Кто хотѣлъ, могъ теперь дѣйствовать противъ опального еврейскаго населения: время было благопріятное. Подобно тому, какъ война

родить героевъ, ритуальные процессы рождаются прозелитовъ-доносчиковъ. Это случилось и въ велижскомъ дѣлѣ.

24-го августа 1828 года въ комиссию явился принявший католичество выкrestъ изъ евреевъ Антонъ Грудинскій и заявилъ, что ему достовѣрно известно объ употребленіи евреями христіанской крови. По его словамъ, раввинъ Рамбанъ, въ своей книгѣ „Гандома церихинъ домей акумъ сельмицвесъ“ *) подробно говорить объ этомъ.

Кн. Хованскій немедленно донесъ государю о заявлении Грудинскаго и тогда главноуправляющему духовн. дѣлами иностр. исповѣданій было высочайше повелѣно разыскать указанную книгу Рамбана; это было, однако, довольно трудно, ибо она не существовала, и когда поиски оказались тщетными, главноуправляющій предложилъ кн. Хованскому узнать у самого Грудинскаго о мѣстонахожденіи книги. Грудинскій сталъ рассказывать всякия небылицы о книгѣ, увѣряя, что онъ ее видѣлъ въ синагогѣ; тогда ему предъявили всѣ молитвенные книги, отобранныя у евреевъ, когда они собирались для богомоленія въ корчмахъ, и одну рукопись онъ призналъ за сочинение Рамбана. Грудинскій сталъ ее устно переводить: одна страница ужаснѣе другой!

Это былъ счастливый моментъ въ жизни комиссіи. Правда, Грудинскій явился въ рубищѣ (его пришлось одѣть на счетъ тѣхъ суммъ, которые были назначены для отысканія таинственной книги) и Шкуринъ самъ указывалъ, что „весьма вѣроятно, что одна нищета и ожиданіе вознагражденія заставили Грудинскаго открыть такую тайну“, но его показаніе было столь многообѣщающе!

Однако, устный переводъ, сдѣланный Грудинскимъ, стѣдо-

*) По этому поводу Д. Хвольсонъ (стр. 132—133) говоритъ, что слова эти звучать по еврейски, но совершенно непонятны. „Гандома“ слово нееврейское; „церихинъ“ значитъ: имъ нужно; „домей“ (вмѣсто „демей“) значитъ кровь; „Акумъ“—язычникъ; „сельмицвесъ“ (вмѣсто „шельмицвотъ“) значитъ: заповѣдей. Смысль всей фразы непонятна. Грудинскій, повидимому, хотѣлъ передать по еврейски какую то фразу, въ которой говорилось бы о крови, но не съумѣлъ. Рамбанъ—сокращенное имя Маймонида; изъ его сочиненій напечатано пять томовъ, въ качествѣ учебниковъ для казенныхъ еврейскихъ училищъ.

вало официально удостовѣрить, вслѣдствіе чего Шкуринъ обратился къ Хованскому съ просьбой прислать изъ Мстиславля крещенаго еврея, ксендза Паздерскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ Шкуринъ доложилъ начальнику главнаго штаба о находкѣ «таинственной рукописи, скрывавшейся многія столѣтія подъ непроницаемой завѣсой», совѣтуя вытребовать Грудинскаго вмѣстѣ съ рукописью въ Петербургъ. Это предложеніе было принято, и государь велѣлъ (20 ноября) Шкурину лично привезти рукопись и доставить Грудинскаго.

Въ это время въ Велижъ успѣлъ прїѣхать Паздерскій и, къ своему глубокому разочарованію, Шкуринъ узналъ отъ него, что рукопись, переведенная Грудинскимъ, заключаетъ въ себѣ однѣ лишь данныя объ убоѣ скота, объ его внутренностяхъ, «посторонняго же материала, относящагося до другихъ предметовъ, никакихъ безъ изыятія въ рукописи не находится». Грудинскій попытался было превратно истолковать Паздерскому смыслъ книги, но ксендзъ уличилъ его во лжи — и тотъ сознался, что лгалъ, надѣясь, что его переводъ никѣмъ не будетъ проверенъ, и что онъ даже подрисовалъ на рукописи инструменты, которыми евреи пользуются при источеніи крови; но при этомъ онъ вновь повторилъ о существованіи книги Рамбана, объясняя, что переводя рукопись, онъ говорилъ то, что зналъ наизусть изъ этого сочиненія.

Шкуринъ оказался одураченнымъ въ глазахъ государя, его поѣздка въ Петербургъ разстроилась. Единственнымъ утѣшениемъ ему могло служить то, что Паздерскій отнюдь не отвергъ факта употребленія евреями христіанской крови. Говоря, «что многія сочиненія доказываютъ сіе многими опытами, ссылаясь въ томъ на собственныея еврейскія книги, кои доставить или слишкомъ затруднительно, или иногда и не возможно», Паздерскій выразилъ надежду найти эти еврейскія книги въ опечатанной велижской синагогѣ.

Шкуринъ доложилъ объ этомъ начальнику гл. штаба, вслѣдствіе чего государь повелѣлъ, чтобы Паздерскій, если онъ найдетъ искомыя книги, прїѣхалъ въ Петербургъ. Синагога была временно распечатана, но среди хранившихся въ ней книгъ не оказалось того, что нужно было комиссіи. Эту неудачу Паздерскій и Грудинскій объяснили впрочемъ тѣмъ, что евреи

своевременно забрали изъ синагоги обличающія ихъ книги, при чёмъ Паздерскій настаивалъ, что въ синагогѣ, какъ ему известно, были двѣ книги, заключающія въ себѣ доказательства ритуальныхъ злодѣяній.

Между тѣмъ, призвавъ къ себѣ нѣкоего ксендза Луковича, Грудинскій заявилъ ему, что онъ самъ причастенъ къ ритуальнымъ злодѣяніямъ и затѣмъ, подтвердивъ это показаніе Шкурину, объяснилъ, что дважды убивалъ въ Бабиновецѣ со своими родственниками христіанскихъ дѣтей, руководствуясь книгой Гакдома.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Грудинскій былъ уже однажды уличенъ во лжи, его новое признаніе не должно было встрѣтить особаго сочувствія и довѣрія со стороны Шкурина и его товарищѣ, но слѣдователи, не задумываясь, рѣшили воспользоваться показаніемъ Грудинскаго, какъ новой надежной опорой для обвиненія евреевъ.

На это у нихъ были, впрочемъ, особыя причины; дѣло въ томъ, что комиссія стала встрѣтить на пути своего шествія нѣкоторыя препятствія угрожающаго характера. Во первыхъ, комиссіи пришлось убѣдиться, что по произведенному разслѣдованію не оказалось никакимъ фактическихъ данныхъ, которыя хотя бы мадѣйше подтвердили дѣйствительность тѣхъ злодѣяній, жертвами коихъ, по словамъ обвинительницъ, пали христіанская дѣти какъ въ Велижѣ, такъ и въ окрестностяхъ его. Во вторыхъ, известнаго рода препятствія стали исходить отъ самой Терентьевой.

По показанію Терентьевой, двое мальчиковъ, убитые въ Велижѣ, были сыновьями ея знакомой, пришедшей изъ деревни на городской рынокъ, но эта знакомая оказалась милицескимъ лицемъ; случилось, правда, что въ мѣстѣ, гдѣ ее отыскивали, крестьяне показали, что одна крестьянка, Елена Титова, давно бѣжалась съ двумя своими сыновьями изъ деревни и направилась къ Велижу; это обстоятельство могло бы показаться комиссіи подтвержденіемъ показаній Терентьевой; но помѣщикъ, по собственной иниціативѣ, довѣсъ властямъ, что Титова бѣжала за семь или восемь лѣтъ назадъ, т. е. около 1820, между тѣмъ убийство было отнесено свидѣтельницами къ 1813 г.

Къ такому же результату привело и разслѣдованіе по дѣлу

объ убийствѣ Дворжецкой; Терентьева показала, между прочимъ, что Дворжецкую бросили за городомъ нагой, поваливъ на ея трупъ сосну, и что на другой годъ тамъ были найдены коса, голова и рука; между тѣмъ по даннымъ своевременно произведенаго слѣдствія оказалось, что предъ смертью Дворжецкая была вовсе не у евреевъ, а у какихъ то русскихъ мѣщанъ, пьянствовала съ ними, а ночью двое ея знакомыхъ проводили ее почти до самого дома, а что съ ней случилось дальше—осталось неизвѣстнымъ; спустя же нѣсколько времени тамъ были найдены лоскуты отъ ея шубы, табакерка и проч.

Но особый интересъ долженъ быть представить вопросъ объ умерщвленіи въ Брусованской корчмѣ двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ. Революція государя «Надо непремѣнно узнать, кто были несчастныя сіи дѣти. Это должно быть легко, есть ли все это не гнусная ложь»,—эта революція побудила, конечно, комиссію принять всевозможныя мѣры, чтобы показаніе женщины подтвердились тѣмъ или другимъ реальнымъ фактамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ революціей было предрѣшено, что если разслѣдованіе не приведетъ къ положительному результату, то показаніе христіанокъ должно быть признано за «гнусную ложь». И оказалось, что слѣдователямъ не удалось обнаружить, кто были эти жертвы брусованского злодѣянія; тогда, «находя, что открытие умерщвленныхъ тѣлъ можетъ служить убѣдительнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ сего события», члены комиссіи отправились туда, гдѣ, по указанію Максимовой, были зарыты трупы, но несмотря на то, что все мѣсто вокругъ было перерыто, никакихъ труповъ или костей не было найдено...

Къ подобному же отрицательному результату привело разслѣдованіе (въ началѣ 1828 г.) по поводу заявленія Терентьевой, сдѣланнаго ею въ Ноябрѣ 1826 г., будто въ 1824 и 1825 г. она подвергалась нападенію со стороны евреевъ, желавшихъ ее убить; дѣлъ рядъ христіанъ, на которыхъ она указала, какъ на свидѣтелей, не подтвердили ея рассказа. И любопытнѣе всего то, что въ Ноябрѣ 1826 г. Терентьева говорила, будто евреи въ теченіе 1824 и 1825 г. хотѣли ее убить, а въ 1827 г. она показываетъ, что въ эти 1824 и 25 годы евреи совмѣстно съ нею продолжали убивать христіанскихъ дѣтей въ корчмахъ, и слѣдователи не только не остановились надъ этой явной не-

сообразностью, но, несмотря на отрицательные ответы свидетелей-христианъ, признали показаніе Терентьевой «вѣроятнымъ», объясняя, что «или то, что она говорить, или что нибудь похожее случилось съ ней».

Такимъ образомъ по цѣлому ряду кровавыхъ обвиненій комиссія не нашла ни одного факта, который подтверждалъ бы справедливость показанія христианокъ. Это обстоятельство не могло не остановить на себѣ вниманія комиссіи, хотя и не потому, конечно, что указанные данныя обнаруживали клевету доносчицъ; комиссію тревожило то, что при такомъ положеніи дѣла необходимо добиться отъ евреевъ признанія въ преступленіяхъ, а это представляло много трудностей. Между тѣмъ наступилъ моментъ, когда дальнѣйшее промедленіе въ производствѣ дѣла могло повлечь за собою самыя непріятныя послѣдствія для комиссіи: Терентьева стала обнаруживать нетерпѣніе.

Свидѣтельствовала ли она противъ евреевъ потому, что желала «быть въ раю» или потому, что помимо прощенія за «соучастіе» ей была обѣщана и другая, материальная, награда,—продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ, коему не было видно конца, стало внушать ей страхъ за будущее. Еще тогда, когда по требованію сената евреи были освобождены отъ оковъ, свидѣтельницы откровенно высказали опасеніе, что подобное облегченіе побудитъ евреевъ упорнѣе отрицать свою вину; затѣмъ въ Лезѣ Терентьева также вела себя рѣзко и угрожающе въ отношеніи членовъ комиссіи. А нѣсколько времени спустя, жалуясь на то, что ее терзаютъ допросами и заявляя, что не будетъ болѣе «доказывать», она замѣтила что «правда ея стирается и жидамъ пишутъ точно такъ, какъ они говорять, что они ничего не знаютъ». Уже эти эпизоды указывали, что у Терентьевой возникъ вопросъ: приведутъ ли къ цѣли ея доказательства, съумѣеть ли она побѣдить евреевъ своими обвиненіями? Но ея отчаяніе или по крайней мѣрѣ смущеніе еще замѣтнѣе обнаружилось тогда, когда она обратилась къ старшему члену комиссіи Беклемешеву, съ сътвованіемъ: «докуда же они (евреи) будутъ говорить, что это неправда. Я за правду пропадаю. Какъ всѣ вы не заставите ихъ говорить правду? И если будете писать только то, что они говорятъ, такъ они и вѣкъ не скажутъ правды». При такомъ на-

строеніи Терентьева—неровень часть—могла усомниться въ силѣ своихъ руководителей, вѣроятно обманувшихъ ее на счетъ своей власти, и тогда ничто не удержало бы ее отъ новыхъ признаній, которыхъ обнаружили бы весь механизмъ велижского процесса. Въ такое критическое время необходимо было прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ воздействиа на евреевъ и вотъ, вслѣдствіе представленія комиссіи, кн. Хованскій донесъ (4 мая 1829 г.) государю, что евреи буйствуютъ и дерзять и государь (25 июля) разрѣшилъ кн. Хованскому наказывать ихъ плетьми.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ воспользовался кн. Хованскій этимъ правомъ, во всякомъ случаѣ никто изъ евреевъ не принялъ на себя вины и даже Фратка Девирцъ совершилъ отказъ отъ всего, что раньше показывала, говоря, что была тогда сумасшедшой, что ей никто не сообщалъ, будто евреи умертвили ребенка,—и такимъ образомъ надежда, выраженная кн. Хованскимъ въ всеподданѣйшемъ рапорѣ по поводу наговора Фратки Девирцъ, рухнула...

Комиссіи приходилось продолжать свой прежній путь, т. е. собирать матеріалы, которые, не имѣя непосредственного отношенія къ велижскому событию, все же, трактуя обѣ употребленіи евреями христианской крови, могли бы задавить своею тяжестью велижскихъ подсудимыхъ; въ этомъ отношеніи комиссіи оказывалъ содѣйствіе Паздерскому; прибывъ въ Велижъ для провѣрки перевода Грудинскаго, онъ оставался «безотлучно» при комиссіи въ теченіе около двухъ лѣтъ, переводя для нея различныя еврейскія книги. По его же указанію Страховъ розыскивалъ за границею нѣкоторыя произведенія кровавой литературы; особенное вниманіе комиссіи было обращено на книгу «Опреверженіе еврейской вѣры», о которой въ одномъ сочиненії *) сообщалось, что въ 1803 г. выкресть изъ евреевъ, бывшій раввинъ, написалъ ее на молдавскомъ языке, но, благодаря подкупу евреями господаря, она была вся истреблена, случайно остался одинъ экземпляръ и съ него въ 1818 г. былъ сдѣланъ греческій переводъ. Вслѣдствіе просьбы Страхова кн. Хованскій обратился по поводу книги къ находившемуся тогда въ Молдавіи главноначальствующему 2-ой арміи, ген.-ад. Диличу, но оказалось, что еще до того (въ апрѣль

*) Валціна. „Путопоѣствіе по Турціи“. Лондонъ. 1828 г.

1829 г.) по высочайшему повелѣнію Дибичъ розыскаль эту книгу и отослалъ въ Петербургъ.

ГЛАВА X.

Кн. Хованскій периодически представлялъ государю доклады о ходѣ слѣдственного производства, наполняя ихъ показаніями христіанокъ и подробнымъ описаніемъ того, какъ «упорствующіе» подсудимые дрожали и блѣднѣли на очныхъ ставкахъ.

Ободренный тѣмъ довѣріемъ и вниманіемъ, которыми государь почтилъ его, предоставивъ ему, по его ходатайству, изслѣдовать еврейскія преступленія, «до корня», кн. Хованскій упустилъ изъ виду сурое безпристрастіе государя; онъ не обратилъ также вниманія на то, что государь устранилъ комиссию и Шкурина отъ разслѣдованія тѣхъ злодѣйній, которыхъ Грудинскій, по его словамъ, совершилъ со своими родственниками: это порученіе было возложено на штабъ-офицера корпуса жандармовъ; кн. Хованскій упорно продолжалъ представлять всеподданнѣйшія донесенія съ прежними настойчивыми голословными увѣреніями въ виновности евреевъ, но чаша терпѣнія и довѣрія государя переполнилась, и 5 августа 1829 г. начальникъ гл. штаба уведомилъ кн. Хованскаго, что по ознакомленію съ его докладомъ отъ 23 июля, «Государь Императоръ не видя, чтобы слѣдствіе, столь долго уже продолжающееся, приближалось къ концу, и замѣчая, что комиссія наиболѣе основываетъ свои заключенія на догадкахъ, на толкованіи припадковъ и отмѣнныхъ движеній обвиненныхъ при допросахъ и очныхъ ставкахъ, и на показаніяхъ обвинителей, не получивъ ни одного признанія отъ томящихся долговременно въ неволѣ обвиненныхъ, опасается, что комиссія, увлеченная своимъ усердіемъ и нѣкоторымъ предубѣждениемъ противу евреевъ, дѣйствуетъ нѣсколько пристрастно и длить безъ пользы дѣло. По сему Его Величеству угодно, чтобы кн. Хованскій представилъ теперь свое мнѣніе о семъ дѣлѣ, о причинахъ, кои онъ имѣть полагать, что преступленіе, евреямъ приписываемое, дѣйствительно учинено и наконецъ увѣренъ ли онъ, что комиссія точно дѣйствуетъ правильно и безпристрастно».

Резолюціей государя была заклеймена дѣятельность ком-

иссіи; вмѣстѣ съ тѣмъ требование, чтобы Хованскій указалъ обстоятельства, которыя устанавливали бы фактъ преступленія евреевъ, ясно говорило, что все, что до此刻 времени докладывалось государю, далеко еще не было достаточно въ его глазахъ для осужденія евреевъ. Болѣе того, ссылка на то, что евреи не признались во взводимомъ на нихъ преступленіи, несмотря на долгую неволю, свидѣтельствовала, что государь какъ бы проникся извѣстнымъ сочувствіемъ къ заключеннымъ.

Не трудно предвидѣть, что Хованскій не могъ найти въ процессѣ какихъ-либо новыхъ обстоятельствъ, которыя доказывали бы виновность евреевъ: такихъ данныхъ не было. Впрочемъ, даже имѣя въ виду представить государю требуемое заключеніе, кн. Хованскій не обратился къ самостоятельному изученію этого сложнаго и важнаго дѣла; онъ просто предложилъ Беклемешеву съ прочими сочленами составить соответствующую записку... Черезъ мѣсяцъ это порученіе было исполнено.

Записка комиссіи состояла изъ 26 обвинительныхъ пунктовъ. Послѣ осужденія, которому государь подвергъ систему обвиненія евреевъ на основаніи «толкованія припадковъ и отмѣнныхъ движеній обвиняемыхъ», комиссія не рѣшилась болѣе основывать свое заключеніе на патологическомъ материалѣ; благодаря этому обвинительный приговоръ комиссіи потерялъ не только значительную часть своего вѣса, своего внутренняго содержанія, но и часть внѣшняго блеска, тотъ королить драматизма, который былъ приданъ обвинительному акту картино-изображенными испуганными, дрожавшими евреями и бившимися въ истерикѣ евреїками. Вмѣсто этого утраченного материала комиссія не напла другого равнозначнаго: ей пришлось ограничиться тѣми «фактическими данными», которые, будучи уже извѣстны государю, не вызвали въ немъ ни малѣйшей увѣренности въ виновности евреевъ, ибо по самому своему существу эти данные, въ большинствѣ, легко и естественно получали толкованіе, противоположное тому, которое придавалось имъ комиссіей.

Что-же, по мнѣнію комиссіи, служило доказательствомъ виновности евреевъ? Прежде всего, удостовѣреніе Терентьевой, что ею былъ похищенъ солдатскій сынъ; затѣмъ, призваніе Тер-

рентьевой, Максимовой и Козловской въ совершенні злодѣянія; тождественность медицинскаго протокола съ обстоятельствами, сопровождавшими мученіе, совершенное надъ ребенкомъ; фактъ обрѣзанія ребенку ногтей (?); ночной караулъ въ домѣ Берлинныхъ въ лицѣ Абрама Глушкова и Іоселя Турновскаго; ворожба Терентьевой и предсказанія Еремѣвой; поѣздка двухъ евреевъ къ мѣсту, где былъ найденъ трупъ; подкупъ священника; наконецъ то, что евреи со страхомъ смотрѣли на кровавый лоскутъ холста, что они не шли, вопреки своему природному любопытству, смотрѣть трупъ ребенка, что они совѣщались на собраніяхъ, что Максимова держала себя свободно и властно въ домѣ своихъ господъ, что христіанки одинаково описывали синагогу и порядокъ злодѣянія.

Коммиссія нѣсколько ошиблась, ссылаясь на тождественность медицинскаго протокола съ обстоятельствами, сопровождавшими мученіе ребенка; на трупѣ, напримѣръ, было согласно протоколу 14 уколовъ, а если подсчитать сколько, по словамъ Терентьевой, уколовъ было нанесено евреями мальчику, то ихъ оказалось бы нѣсколько десятковъ; свидѣтельницы также не могли объяснить, почему на трупѣ носъ былъ прижатъ къ губамъ, а на затылкѣ имѣлось пятно. Но уже совершенно нелѣвой со стороны коммиссіи являлась ссылка на ночной караулъ, на желаніе евреевъ взглянуть на трупъ—эти обстоятельства, какъ справедливо указалъ впослѣдствіи Мордвиновъ,—проистекали отъ естественнаго опасенія быть привлеченными къ дѣлу.

Для обвиненія евреевъ коммиссія воспользовалась и другимъ, по ея мнѣнію—вѣскимъ, материаломъ, именно нѣкоторыми заявленіями обвиняемыхъ, заявленіями, которымъ коммиссія придавала особый смыслъ, не имѣвшійся въ виду самими обвиняемыми. Такъ, напримѣръ, столь простое, баххитростное заявление Абрама Кисина, что онъ не ручается за другихъ евреевъ—свидѣтельствовало, по мнѣнію коммиссій, о его виновности. Какъ будто коммиссія не усмотрѣла бы заговора евреевъ, если бы Кисинъ, наоборотъ, сказалъ, что онъ ручается за всѣхъ евреевъ. Вѣдь придала же коммиссія значеніе улики какъ разъ противоположнымъ заявленіямъ другихъ обвиняемыхъ, что никто изъ евреевъ не могъ совершить подобное злодѣяніе. Вопросъ „это была жидовка?”, вырвавшійся изъ устъ удивлен-

наго или пораженного Іоселя Турновскаго когда ему заявили что Максимова была обращена въ еврейскую вѣру, коммиссія превратила въ утвержденіе: «это была жидовка». Коммиссія также объяснила, что «Шифра Берлинова, если бы не знала совершенно, что жертвою умерщвленія всегда были ходившіе по миру или самого бѣднаго класса людей малолѣтнія дѣти, какъ и доказательницы показываютъ, не могла бы послѣ очной ставки съ Козловской говорить, что если бы евреямъ нуженъ былъ мальчикъ, то могли бы обойтись и безъ доказательницъ, потому что много ихъ ходить по миру!» Вообще, всѣ заявленія евреевъ, по мнѣнію коммиссіи, являлись лучшимъ доказательствомъ ихъ виновности, такъ какъ вѣсто оправданій она «только разсуждаютъ, что сего по тому или по другому быть не можетъ!»

Не ограничиваясь приведенными данными, непосредственно относившимися къ велижскому событию, коммиссія, слѣдя своей старой системѣ, пыталась превратить весь еврейскій народъ въ клятвопреступниковъ и фанатическихъ изувѣровъ, но мы не остановимся на этихъ строкахъ и приведемъ лишь заключительныя слова доклада коммиссіи: «Послѣ всего изъясненія—такъ заканчивалось донесеніе—ничего не остается болѣе дѣлать съ виновными, какъ изобличить ихъ, на основаніи законовъ, обстоятельствами, кои такъ ясны и опредѣлительны, что признаніе ихъ остается ненужнымъ».

Заявленіе о томъ, что признаніе евреевъ «остается не нужнымъ» было сдѣлано коммиссіей съ болѣю въ сердцѣ: до послѣдняго момента и коммиссія, и кн. Хованскій добивались признанія евреевъ. Такъ, за нѣсколько дней до представленія коммиссіей указанного доклада кн. Хованскій,—какъ онъ описалъ обѣ этомъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ,—прибылъ въ Велижъ для «личнаго удостовѣренія»; коммиссію онъ нашелъ «въ дѣятельнѣйшемъ занятіи»; что же касается обвиняемыхъ, то онъ «не оставилъ отъ испытанія: не возьмѣются ли надъ евреями дѣйствія сильныя и убѣдительнѣйшія его внушенія, каждому дѣланныя, къ чистосердечному раскаянію и признанію: такъ какъ сie есть единственное средство къ скорѣйшему прекращенію томленія ихъ въ тюремномъ заключеніи, а можетъ быть и къ облегченію участіи ихъ... А христіанскимъ женщи-

намъ кн. Хованскій «напоминалъ обратиться къ дѣйствію совѣсти, и представить себѣ страхъ Божій и кару законовъ, объявить чистосердечно во всемъ правду и не клевещутъ ли онъ почему либо на евреевъ... Но къ величайшему сожалѣнію,—писалъ кн. Хованскій,—быть свидѣтелемъ со стороны евреевъ одного упор-наго запирательства, тогда какъ христіанки, всѣ единогласно, а нѣкоторыя въ слезахъ и съ чувствомъ соболѣзванія обѣ упорствѣ евреевъ, подтвердили свое признаніе». Надежда на «сознаніе» евреевъ была утрачена...

Кн. Хованскій использовалъ донесеніе комиссіи въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ; но помимо этого онъ привелъ и другія данныя, которыя могли внушить государю увѣренность въ виновности евреевъ.

Это были тѣ материалы, которые Страховъ собралъ чрезъ посредство самого же кн. Хованскаго. Слѣдственной комиссіей были извѣстны эти материалы, но такъ какъ указомъ 27 марта 1827 г. государь приказалъ придерживаться высочайшаго повелѣнія отъ 6 марта 1817 г., въ силу которого обвинять евреевъ въ преступленіяхъ можно было лишь «по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся», комиссія была лишена возможности внести эти данные въ свою записку. Въ сущности, ими не долженъ быть воспользоваться и кн. Хованскій, но они представляли въ глазахъ велижскихъ союзниковъ столь значительную цѣнность, что кн. Хованскій не остановился и предъ лицемѣріемъ, лишь бы ознакомить государя съ этими свѣдѣніями. И свидѣтельствуя предъ государемъ, что комиссія дѣйствовала безпристрастно и правильно, придерживаясь, между прочимъ, только что упомянутаго высочайшаго повелѣнія, коимъ, какъ говорилъ самъ кн. Хованскій, было предписано «руководствоваться не предположеніемъ преступленія, но судебными уликами», кн. Хованскій съ своей стороны все же привелъ эти не относящіеся къ дѣлу материалы, завѣряя государя; что «не увлекаясь никаколько предубѣждѣніемъ противъ евреевъ, видѣть себя въ обязанности» отмѣтить таковыя данные «какъ предметы, которые могутъ быть при-наны въ соображеніе» при разсмотрѣніи дѣла. Такимъ образомъ получалось впечатлѣніе, будто комиссія отнюдь не руководство-

валась этими данными и что лишь кн. Хованскій собралъ ихъ, дабы впослѣдствіи дѣло могло быть разсмотрѣно всесторонне.

«Кромѣ дѣла, показывающаго тиранское злодѣйство ев-реевъ, совершенное въ Велижѣ надъ невиннымъ страдальцемъ,—писалъ кн. Хованскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ,—подобные злодѣйства существовали во многихъ памятныхъ вѣкахъ и въ разныхъ христіанскихъ странахъ, куда токмо проникали евреи, сіи враги рода христіанскаго», въ до-казательство чего онъ привелъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ленчицкомъ процессѣ, а затѣмъ сообщилъ, что въ 1805 г. въ велиж-скомъ повѣтѣ былъ найденъ трупъ мальчика-пастуха, но двое евреевъ, на коихъ пало подозрѣніе, были освобождены за от-сутствіемъ уликъ; что въ 1811 г. въ Невельскомъ повѣтѣ про-палъ 8-ми недѣльный младенецъ, а въ 1816 г., въ Гроднѣ, четырехъ лѣтніяя дѣвочка (кн. Хованскій не отмѣтилъ вызван-наго этимъ дѣломъ высочайшаго выговора губернскимъ вла-стямъ). Наконецъ, доложивъ о своемъ стараніи раздобыть книгу «Опрѣверженіе еврейской вѣры», онъ упомянулъ «объ обвине-ніяхъ однимъ евреемъ другихъ во вредныхъ дѣйствіяхъ про-тивъ христіанъ и правительства» (не указавъ темной личности доносчика) и, приведя выписки изъ еврейскихъ книгъ, въ свое время доставленныхъ доносчикомъ, кн. Хованскій заключилъ свой докладъ увѣреніемъ, что «сверхъ того есть многія другія подобныя постановленія».

2-го октября 1829 г. кн. Хованскій отправилъ государю записку комиссіи по велижскому дѣлу и свой рапортъ, а 29 октября наступилъ моментъ, давно ожидавшійся обвиняемыми. Въ этотъ день управляющей штабомъ Е. И. В. извѣстилъ кн. Хованскаго, что его всеподданнѣйшій рапортъ вмѣстѣ съ за-пиской препровождены, по высочайшему повелѣнію, министру юстиції для внесенія ихъ вмѣстѣ со „всѣми дѣлами, комиссіей законченными“ въ сенатъ „на разсмотрѣніе и для поста-новленія по оному рѣшительного опредѣленія на основаніи за-коновъ“ и что вслѣдствіе этого, по приведеніи въ порядокъ бумагъ, ген.-губернаторъ имѣть доставить ихъ министру юстиції.

Правда, заключенные все время мечтали, что они будутъ присутствовать при судебнѣмъ разбирательствѣ, что тамъ, въ

судебномъ мѣстѣ, они уличать доносчицъ во лжи—съ перенесенiemъ дѣла въ сенатъ эти ожиданія рушились—но тѣмъ не менѣе извѣстіе, что комиссія упраздняется, не могло не наполнить измученное сердце евреевъ бодрящей надеждой, внести душевный покой въ ихъ тюремную жизнь.

Вследствіе высочайшаго повелѣнія, кн. Хованскій предписалъ комиссіи составить краткія записки по разбиравшимся ею дѣламъ. Съ этимъ распоряженіемъ должна была, въ сущности, прерваться дѣятельность Хованского, но онъ отнюдь не думалъ сложить съ себя заботу по велижскому процессу. Какъ усердно ни нагромоздила комиссія обвинительный материалъ, Хованскій все еще опасался, что таковой недостаточенъ, чтобы похоронить подъ собою евреевъ.

Въ апрѣль 1830 г. онъ обратился къ архіепископу Минскому и Литовскому, Анатолію, съ просьбою доставить свѣдѣнія о младенцѣ Гавріилѣ, замученномъ яко-бы евреями въ 1690 г., мощи которого хранились въ монастырѣ близъ Слуцка, и въ своемъ письмѣ Хованскій, между прочимъ, сообщалъ:

„...Сіи три христіанки преступницы въ дѣлѣ мученія младенца Феодора, многія обстоятельства, показанія и разныя событія, слѣдствіемъ открытія, явственно уличаютъ евреевъ въ совершеніи сего злодѣянія, хотя они, по свойственному имъ ухищренію, закорененію въ порокахъ и совершенной нераскаинности въ злодѣяніяхъ, противъ христіанства совершаютъ, и не сознаются въ томъ. Между тѣмъ и по обязанности званія мною носимаго, и по долгу человека-христіанина, озабочиваясь представить сіе дѣло предъ Верховнымъ Судилищемъ сколь возможно полноштимъ и яснѣштимъ, я старался и собралъ въ подкрайленіе снаго нѣсколько примѣровъ, актами доказанныхъ, подобныхъ мучительствъ христіанъ, въ разныхъ странахъ и вѣкахъ, отъ евреевъ учненныхъ.“

Архіепископъ исполнилъ просьбу кн. Хованскаго и, сообщая ему текстъ „тропаря младенцу Гавріилу“, онъ послалъ ему также печатный экземпляръ „Эпитафіи“ (передававшей подробность умерщвленія ребенка), по поводу которой писалъ:

„...Я разсудилъ за благо доставить вашему сіятельству печатный экземпляръ, хотя въ монастырѣ, кромъ наклеенного на табличкѣ, висящей при мощахъ, для чтенія всѣмъ прихо-

дящимъ, другого не осталось. По моему мнѣнію, нужно-бы напечатать ихъ вновь достаточное количество и разослать во всѣ присутственныя мѣста губерній, евреями обитаемыхъ, для предупрежденія христіанъ отъ подобныхъ приключеній. Весьма вѣроятно, что сія ужасная тайна у евреевъ хранится между немногими, а потому раскрыть ее было-бы полезно для нихъ самихъ. Многіе ужаснулись бы узнавъ, что столь преступныя дѣйствія совершаются въ ихъ религіи и поспѣшили-бы къ источнику спасенія“.

Эти слова архіепископа придали, повидомому, смѣлости кн. Хованскому; если до этого времени онъ болѣе или менѣе маскировалъ свое стремленіе обосновать обвинительный приговоръ по велижскому дѣлу не фактами самаго велижскаго события, а „историческими“ данными, то теперь, прочтя письмо архіепископа, онъ сталъ выражаться откровеннѣе: прося (1 августа 1830 г.) оберъ-прокурора св. синода розыскать свѣдѣнія о томъ-же умерщвленіи евреями младенца Гавріила, онъ съ циничной прямотою писалъ, что „*засвидѣтельствованіе о мученіи сего младенца, ознаменованного властю Всемогущаго нетленіемъ, было бы новымъ самымъ сильнейшимъ подтвержденіемъ и подобнаго безчеловѣчія, совершенного евреями въ Велижѣ надъ младенцемъ Феодоромъ...*“

Между тѣмъ пока ген.-губернаторъ такъ усердно розыскивалъ документы объ умерщвленіи евреями Гавріила, комиссія не бездѣйствовала; она слѣдовала по стопамъ Хованскаго. По ея порученію Паздерскій продолжалъ дѣлать выписки изъ разныхъ еврейскихъ книгъ „показывающія разнаго рода оскорблѣнія всѣмъ прочимъ народамъ, допускаемыя самою еврейскою вѣрою“. Это требовало много времени и неудивительно, что комиссія медлила изготавленіемъ записокъ, потребованныхъ кн. Хованскимъ.

Отмѣтимъ здесь, что въ это время выяснился уже результатъ разслѣдованія по дѣлу о наговорѣ Грудинскаго.

По прибытіи вмѣстѣ съ Грудинскимъ въ Бобовну, жандармскій полковникъ Рудковскій, на котораго было возложено производство слѣдствія, тотчасъ убѣдился въ лживости рассказа Грудинскаго; все, что онъ говорилъ о себѣ, о родителяхъ и родныхъ, оказалось неправдой; лживыми оказались и другія его

показания; наконецъ Грудинскій сознался, "что не участвовалъ онъ въ умерщвленіи какихъ-либо христіанскихъ мальчиковъ, что не видѣлъ и не знаетъ, чтобы таковыя объявленными имъ лицами или чѣмъ либо другимъ были умерщвлены и что все обѣ умерщвленіи христіанскихъ мальчиковъ объяснилъ въ велижской комиссіи ложно", что онъ "былъ побужденъ къ таковому поступку несчастною своею жизнью и что не зналъ, какъ и чѣмъ существовать, рѣшился явиться въ комиссію". Обѣ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя и 26 марта 1830 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе сдать Грудинскаго въ солдаты... *) Такой исходъ наговора Грудинскаго, вокругъ котораго комиссія преждевременно подняла радостный побѣдный душмъ, значительно, надо думать, поколебалъ въ государѣ дѣвѣріе къ кровавымъ наивѣтамъ вообще...

Въ августѣ 1830 г. "записки" комиссіи были закончены; согласно распоряженію Хованскаго, онѣ должны были быть составлены "безъ выпущенія нужныхъ обстоятельствъ", но вѣдь то, что являлось "нужнымъ" для правосудія, не имѣло значенія въ глазахъ Хованскаго и комиссіи, и потому записки оказались составленными въ томъ духѣ, въ какомъ велось все слѣдствіе.

Въ этомъ отношеніи важно отмѣтить, что комиссія не привела въ запискахъ всѣхъ высочайшихъ резолюцій. Резолюцію государя: "изслѣдовать все до корня" комиссія нѣсколько разъ повторила въ запискахъ, такъ какъ ею вакъ-бы установливалась связь между велижскимъ событиемъ и другими подобными происшествіями, но комиссія совершенно умолчала о резолюціи: "узнать кто были сіи несчастныя дѣти. Это легко есть ли все это не гнусная ложь", а между тѣмъ, зная эту резолюцію и видя изъ дѣлъ, что комиссія не доискалась, кто были эти несчастныя дѣти, будущіе суды евреевъ, сенаторы, не могли-бы не остановиться на вытекающемъ изъ сего выводѣ, въ связи съ чѣмъ велижскій процессъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, могъ бы получить иное направленіе.

*) Обѣ этомъ эпизодѣ имѣется сообщеніе С. М. Дубнова въ Альманахѣ "Ахіасафъ" за 1894—95 г.; въ альманахѣ слѣдующаго года приведены нѣкоторыя дополненія.

Рѣшающее значение для дальнѣйшаго хода велижскаго дѣла имѣло также умолчаніе о другой резолюціи государя, именно той, которая осуждала систему обвиненія евреевъ на основаніи "отмѣнныхъ тѣлодвиженій" и которая—что особенно важно—бросила тѣнь подозрѣнія на дѣятельность слѣдственной комиссіи.

ГЛАВА XI.

Еще въ 1827 г., какъ было указано выше, сенатъ потребовалъ, чтобы подсудимымъ евреямъ было объявлено обѣ ихъ права приносить жалобы на «пристрастіе» и чтобы комиссія, въ связи съ этимъ, отбирала у нихъ подписки «о нечиненіи пристрастія»; но тогда это требованіе сената было оставлено безъ исполненія, такъ какъ по ходатайству кн. Хованскаго государь повелѣлъ предоставить дѣло вѣдѣнію одного лишь Хованскаго и устранилъ сенатъ отъ вмѣшательства въ дѣйствія комиссіи.

Но теперь, когда разсмотрѣніе дѣла было поручено именно сенату, предъ кн. Хованскимъ предсталъ тревожный вопросъ о «пристрастіяхъ»; онъ зналъ, что не всѣ подсудимые дадутъ требуемыя подписки; поэтому онъ обратился къ министру юстиціи съ отношеніемъ, въ которомъ выразилъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ придерживаться закона обѣ отборанія отъ подсудимыхъ подписокъ о «нечиненіи пристрастія», разъ въ комиссіи присутствовалъ флагель-адъютантъ Шкуринъ, «свидѣтельствующій своимъ наблюденіемъ о порядочномъ производствѣ слѣдствія». Министръ юстиціи предложилъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе сената, который не согласился съ мнѣніемъ кн. Хованскаго и возложилъ отображеніе подписокъ на витебскаго губернатора и маршала.

Увы, не всѣмъ евреямъ, заключеннымъ Страховымъ въ тюрьму, суждено было дожить до того дня, когда предъ ними мелькнулъ слабый, но давно жданный лучъ законности и справедливости!

Шмерка Берлинъ, его зять Гирша Аронсонъ и невѣстка Шифра, а также Поселенный отошли въ вѣчность, никому не повѣдавъ повѣсти своихъ страданій; неизвѣстными остались обстоятельства, при которыхъ они простились со стѣнами тюрьмы;

радовались ли они переходу въ иной міръ, не надѣясь найти правду на землѣ, или ихъ сердце съ болью сжималось при мысли, что они никогда уже не увидятъ близкихъ, дорогихъ людей, не увидятъ ихъ свободными, сами будучи свободны... Быть можетъ, живыми изъ тюрьмы не вышли также велижской мѣщанинъ Абрамъ Везменскій и Рывка Нахимовская, жена Ицки Нахимовскаго,—ихъ судьба невѣдома намъ *).

Изъ числа 42 заключенныхъ евреевъ, 21 человѣкъ, согласно списку, составленному губернаторомъ и маршаломъ, дали подпись «въ беспристрастномъ допрашиваніи»; однако, изъ нихъ Ицка Цетлинъ указала, что ее чрезмѣрно долго допрашивали; Зуся Рудняковъ заявилъ, что его заставили подписать допросъ въ субботу, что несомнѣнно было для него тяжелымъ нравственнымъ насилиемъ; Бася Аронсонова, Мейеръ Берлинъ и Хaimъ Хрипунъ жаловались, что Страховъ чинилъ имъ пристрастіе; Йосонъ Берлинъ также отмѣтилъ, что на первыхъ допросахъ «было пристрастіе».

Остальные же евреи подписали заявленія «о пристрастіи», за исключениемъ Славки Берлинъ; полная презрѣнія и ненависти къ членамъ комиссіи, она, сильная духомъ, осталась вѣрной себѣ: она отказалась дать отвѣтъ на вопросы губернатора и маршала.

Изъ этихъ 20 человѣкъ—пятеро глухо заявили о чинимомъ имъ пристрастіи, четверо указали на «большое пристрастіе», двое на пристрастіе и принужденіе, трое, и среди нихъ престарѣлая Рывка Берлинъ, говорили, что комиссія прибѣгала къ пристрастію и «обидамъ», Евзикъ Цетлинъ, Гирша Берлинъ и Йосель Мирласъ заявили, что были «допрашиваемы слѣдователями пристрастно и показанія подписаны ими по принужденію», Шмерка Аронсонъ сообщилъ, что «при допросахъ было пристрастіе и

*) Въ докладѣ отъ 23 Авг. 1829 г. Хованскій сообщаетъ, что нѣкоторые арестованные были освобождены; быть можетъ въ числѣ которыхъ и были эти двое лицъ, но вобще были освобождены тѣ евреи, ихъ и были эти двое лица, но вобще были освобождены тѣ евреи, имена коихъ мы не привели въ напечѣмъ очеркѣ и которые очутились въ тюрьмѣ не по показанію христіанокъ, а по рвению слѣдователей и, какъ видно, не по поводу велижского злодѣянія, а по поводу самаго процесса; среди этихъ арестованныхъ былъ бургомистръ Йофе, а также оѣнщикъ Хaimъ Черный.

первую очную ставку подписанъ въ безпамятствѣ», Ицка Нахимовскій показалъ, что подписать показаніе въ «безчувствіи». Къ сему 20 человѣкъ присовокупили, что, несмотря на протесты съ ихъ стороны, показанія подсудимыхъ были записаны не ихъ словами, и что христіанкамъ не давали говорить, а члены комиссіи сами читали обвиненія...

Послѣ отображенія подписокъ комиссія была закрыта.—Кн. Хованскій прочиталъ совмѣстно съ Шкуринымъ и Беклешевымъ записи комиссіи и, «убѣдясь совершенно, всѣми обстоятельствами, слѣдствіемъ открытыми», что евреи виновны во всѣхъ разслѣдованныхъ ритуальныхъ преступленіяхъ, онъ въ своемъ новомъ всеподданѣйшемъ докладѣ (27 авг. 1830 г.) повторилъ свое прежнее заключеніе, согласное съ утвержденіемъ комиссіи, что евреи дѣйствительно убили солдатскаго сына. При этомъ, ссылаясь на свой предыдущій рапортъ и отмѣчая указанія въ немъ обстоятельства, доказывающія вину евреевъ, кн. Хованскій присовокупилъ, что съ тѣхъ порь «представились еще новые доказательства» виновности евреевъ, а именно: выписки, составленныя Падзерскимъ изъ разныхъ еврейскихъ книгъ, свидѣтельствующія о томъ, что евреи не признаютъ остальныхъ народовъ за людей; затѣмъ сочиненіе ксендза Пижульскаго, говорящее о «надобности» христіанской крови, «эпітафія» Гавріила и, наконецъ, выдержка изъ литовскаго статута, требующаго для обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ не менѣе трехъ христіанъ-свидѣтелей, изъ чего Хованскій заключилъ не то, что въ Польшѣ возникали ложныя обвиненія, а что «въ той странѣ дѣйствительно существовали такого рода преступленія, когда законодательная власть признала нужнымъ для каранія єнаго постановить законъ».

Одновременно съ отсылкой всеподданѣйшаго доклада кн. Хованскій препроводилъ министру юстиціи составленныя комиссіей записи и нѣкоторые относящіеся сюда документы, причемъ Хованскій старался убѣдить ministra, что отзывы евреевъ о пристрастіи «не только не достойны ни малѣйшаго вниманія, но означаютъ болѣе наглуу дерзость обличенныхъ уже, отчаянныхъ преступниковъ, полагающихъ для спасенія своего надежду въ одномъ продолженіи дѣла, въ освобожденіи себя, какими бы средствами ни было, отъ бдитель-

наго надзора и въ достижениі до сообщенія съ доказательницами христіанами, коихъ они надѣются обольстить или застрашать угрозами жестокаго наказанія... и чрезъ то са- мое склонить къговору съ нихъ ужасныхъ злодѣяній, со- вершенно явныхъ и доказанныхъ, но только по одному упорству не подтвержденныхъ... Въ журналы, — говорилъ кн. Хованскій, — все заносилось своевременно въ подробности и даже записаны со всей точностью самыя тѣ слова, что онъ (христіанки) произносили, а равно замѣчены происходив- шія въ то время въ евреяхъ перемѣны отъ дѣлаемыхъ имъ столь сильныхъ уликъ, что они приходили отъ оныхъ, вмѣсто ожидаемаго раскаянія, въ ожесточеніе... И въ виду этого кн. Хованскій просилъ министра засвидѣтельствовать передъ сенатомъ безпристрастіе комиссіи.

Въ теченіе трехъ лѣтъ кн. Хованскій былъ полнымъ хозяиномъ слѣдственного производства; все, что было въ предѣлахъ возможности, онъ сдѣлалъ для того, чтобы виновность евреевъ была доказана. Но былъ ли онъ увѣренъ, что слѣдственный матеріалъ дѣйствительно свидѣтельствовалъ явнымъ образомъ о виновности подсудимыхъ? Нѣть, въ немъ не только не было этой увѣренности, въ немъ даже гнѣздилось сознаніе, что даныя, относящіяся къ событию, говорятъ о непричастіи евреевъ къ злодѣянію, и вотъ почему даже теперь, когда слѣдствіе было вполнѣ завершено, кн. Хованскій былъ радъ слушаю пополнить обвинительный матеріалъ. Болѣе того, опасаясь, что теперь человѣческое слово бессильно убѣдить государя въ виновности евреевъ, кн. Хованскій рѣшилъ призвать Бога и называть ему роль «доказчика».

26 августа 1830 г. крещеный еврей, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка рядовой Александръ Федоровъ, явившись въ С.-Петербургскій ордонансъ-гаузъ, заявилъ, что въ мартѣ 1824 г. С.-Петербургскій раввинъ Смерка Берлинъ велѣлъ своему приведижскому раввину Іосифу Миркину привести христіанскаго мальчика, потомъ, по приходѣ прочихъ старшинъ, Афроима Минца, Смерки Берлина и Орлика, мальчика посадили въ погребъ; на другой день ребенокъ былъ найденъ мертвымъ за городомъ, а такъ какъ по свидѣтельству Левена мальчикъ былъ «изрѣзанъ и перевязана каждая жила», то Федоровъ и полагаетъ, что

евреи убили мальчика. Однако, какъ ему известно, евреи не сознались, а онъ самъ съ того времени, когда мальчика посадили въ погребъ, по сю пору «упрекается совѣстью», то онъ и пришелъ въ ордонансъ-гаузъ разказать обо всемъ... Въ виду того, что Федоровъ былъ родомъ изъ Велижа, государь поручилъ кн. Хованскому доставить свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ Федоровъ поступилъ на военную службу.

Урокъ, преподанный Грудинскимъ, прошелъ безслѣдно для кн. Хованского: чтобы вновь выступить съ обвиненіемъ противъ евреевъ, онъ беретъ подъ свое покровительство нового невѣдомаго выкреста Федорова, показаніе котораго, въ основѣ противорѣчивающее тому, что было известно о велижскомъ событіи, явно изобличало въ немъ клеветника *), и старается внушить государю довѣріе къ этому свидѣтелю.

Сообщивъ свѣдѣнія о военной карьерѣ Федорова, кн. Хованскій присовокупилъ, что въ Велижѣ дѣйствительно произошло умерщвленіе христіанскаго мальчика, о которомъ показалъ Федоровъ, «но только онъ, рядовой, некоторыя обстоятельства сего событія неизвѣстно почему (?) переиначиваетъ»: такъ, напримѣръ, Федоровъ сообщилъ, что ребенокъ умерщвленъ въ 1824 г., между тѣмъ какъ это произошло въ 1823 г. Это противорѣчіе, однако, не вызвало въ кн. Хованскому сомнѣнія въ достовѣрности показанія Федорова; напротивъ, по мнѣнію кн. Хованского, добровольное признаніе рядового Александра Федорова... есть весьма важное въ семъ дѣлѣ свидѣтельство, которое, чрезъ обличеніе прежнихъ единовѣрцевъ его, если не доведеть ихъ до совершенного признанія въ учиненномъ злодѣяніи, то по крайней мѣрѣ представитъ уже самую вѣрную и ничѣмъ не отвергаемую улику, по которой тѣмъ скорѣ можно ожидать окончанія и разрѣшенія самаго дѣла, столь долгое время, единственno отъ упорства евреевъ, продолжающагося».

Итакъ, послѣ пятилѣтней дѣятельности комиссіи, собравшей многопудовое «досье» по дѣлу, важнымъ свидѣтельствомъ противъ евреевъ является показаніе Федорова, заявившаго собственно лишь о томъ, что ребенка въ его присутствіи посадили въ

*.) Отмѣтимъ, кстати, что, по словамъ Федорова, мученіе и умерщвленіе ребенка произошло въ теченіе одного дня, а по описанію доносчицы — это потребовало 8 дней.

погребъ! Но, впрочемъ, сила обличенія Федорова заключалась не въ томъ, что онъ показалъ; мощные духомъ, евреи—мнилось кн. Хованскому—устоять противъ самого сильного человѣческаго удара; чтобы сломить упорство злодѣевъ, нужна Божья помощь, и кн. Хованскій поясняетъ, что «случай сей можно признавать видимымъ промысломъ Всевышняго. Тогда какъ послѣ тончайшаго, продолжительного изслѣдованія злодѣи—евреи, источившіе кровь христіанскую, обличаемые всѣми обстоятельствами и четырьмя христіанками, вмѣстѣ съ ними въ семъ убийствѣ участновавшими, упорствуютъ сознаться въ своемъ злодѣявіи, является вдругъ, вдалекъ, прежній единовѣрецъ ихъ, видѣвшій страдальца мальчика заключеннымъ въ погребѣ, и доказываетъ добровольно, по дѣйствію совѣсти, что такое злодѣйство есть дѣло евреевъ... Самый случай сей есть чудесное даже событие! Августа 27 числа онъ, генераль-губернаторъ,—читаемъ мы въ документѣ, передающемъ содержаніе донесенія кн. Хованскаго,—подписываетъ послѣднее всеподданѣйшее донесеніе свое Государю Императору, содержащее все изложеніе дѣла сего и заключеніе по оному, и въ тотъ же самый день на разстояніи $600\frac{1}{2}$ верстъ, въ С.-Петербургѣ—ибо у Всемогущаго нѣть ни времени, ни пространства!—является въ ордонансъ-гаузъ рядовой изъ евреевъ Александръ Федоровъ и тамъ своимъ свидѣтельствомъ уличаетъ велижскихъ евреевъ въ совершенномъ ими злодѣяніи! Въ то самое время, какъ судя по ходу почты и представленію Государю Императору докладовъ, Его Величество изволитъ разсмотривать всеподданѣйшее донесеніе его, генераль-губернатора, о велижскихъ евреяхъ, показывающее упорство ихъ, въ Витебскѣ сообщена ему (кн. Хованскому) тогда же Высочайшая воля, показывающая, что признаніемъ радового Федорова заключеніе о злодѣйствѣ велижскихъ евреевъ подтверждается!.. Многое пролито евреями христіанской крови въ разныхъ странахъ и вѣкахъ и много было судейскихъ опредѣленій о преданіи таковыхъ дѣлъ суду и волѣ Божіей; нынѣ воля Божія открывается явственно и судъ Его будетъ праведенъ»...

Въ этихъ заключительныхъ строкахъ съ особенной силой и выразительностью вылился тотъ лейт-мотивъ, который, быть можетъ, вдохновлялъ кн. Хованскаго и его сподвижниковъ въ

течение ихъ пятилѣтней дѣятельности и которымъ—что ужъ несомнѣнно—эти печальной памяти герои велижской драмы пытались поработить мысль и сердце другихъ вершителей судьбы подсудимыхъ.

Съ чуда—явленія Архистратига Михаила—началась повѣсть о еврейскихъ преступленіяхъ, чудомъ же, по мысли кн. Хованскаго, она должна была завершиться..

Тайна ворожбы Терентьевой была, по мнѣнію комиссіи, раскрыта признаніемъ Терентьевой въ со участіе въ злодѣяніи, хотя въ дѣйствительности со участіе въ преступленіи и ворожба были несовмѣстимы; если евреи въ самомъ дѣлѣ умертвили ребенка, предварительно столь долго мучивши его, Терентьевой не представлялось необходимымъ ворожить, ибо она могла выдать евреевъ на мѣстѣ преступленія; но комиссія заключила, что Терентьевы только потому и могла ворожить, что она сама участвовала въ злодѣяніи. Но па ряду съ этимъ комиссія не объяснила предсказанія Еремѣеву, арестованной въ декабрѣ 1825 г. и находившейся въ тюрьмѣ уже пятый годъ. Какимъ образомъ случилось, что Еремѣева заблаговременно разгласила о велижскомъ событии,—этого обстоятельства комиссія не выяснила. Превратить дѣвочку Еремѣеву въ со участницу было слишкомъ вѣроятно и пожалуй рисковано, и комиссія предпочла не доискаваться истины; въ записѣ, составленной комиссіею для сената, строки, посвященные Михаилу Архистратигу, сохранили на себѣ печать чудеснаго...

Вдругъ 15 декабря 1830 г., т. е. тогда, когда сенатъ уже знакомился съ дѣлопроизводствомъ комиссіи, велижскія власти, при участіи бывшаго члена упраздненной велижской комиссіи Зайковскаго, призываютъ Еремѣеву (не знаемъ, по какой причинѣ) къ допросу и ея новое показаніе совершенно разрушаетъ сказаніе о явленіи Михаила Архистратига*). Еремѣева, быв-

*) Въ маѣ 1830 г., завершивъ въ свою работу въ комиссіи, Шкуринъ сообщилъ кн. Хованскому, что Еремѣева пожертвовала велижской греко-российской Николаевской церкви богатыя священническія ризы, по поводу чего велижская полиція, по его предписанію, приступила къ разслѣдованію. Оказалось, что сперва Еремѣева заявила, что она сама сшила ризы, но потомъ она показала, будто онѣ пожертвованы крестьяниномъ Козловскимъ отъ ея имени; при этомъ обнаружилось, что Козловскаго соединяли съ Еремѣевой, съ ея 11-ти

шая въ моментъ велижскаго злодѣянія подросткомъ, теперь, по прошествіи семи лѣтъ, сообщаетъ, что дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: проживая въ Велижѣ, она однажды зашла въ домъ Ханны Цетлинъ и тамъ услышала, что Терентьеву обѣщала принести что-то евреямъ; въ это время изъ комнаты вышли евреи, которые, увидя ее, вызвали изъ передней Максимову; Максимова спросила Еремѣеву, кто она такая; опасаясь, не о ней ли шла рѣчь, Еремѣева, раньше знавшая, что евреи употребляютъ христіанскую кровь, назвалась крестьянкой одной помѣщицы, дабы ей ничего худого не сдѣлали. Весь тотъ день Еремѣеву не покидало желаніе узнать, о чёмъ говорили евреи и, не смотря на страхъ, что евреи ее захватятъ, она вечеромъ вернулась въ домъ Ханны, рѣшивъ въ случаѣ опасности крикомъ позвать на помощь. Она спряталась въ углу и услышала разговоръ между Терентьевой и Максимовой. Максимова говорила, что евреямъ очень хотѣлось захватить Еремѣеву, но она отсовѣтовала, такъ какъ помѣщица стала бы ее искать; на это Терентьеву замѣтила, что и она видѣла, какъ евреи бросали жадные взоры на Еремѣеву; къ этому Терентьеву присовокупила, что она приведетъ евреямъ христіанского мальчика, а изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что мальчикъ будетъ умерщвленъ въ домѣ Мирки. (Ни Максимова, ни Терентьеву не сообщили ничего подобнаго въ своихъ показаніяхъ; напротивъ, изъ показанія Терентьевой вытекало, что она не знала, гдѣ произойдетъ умерщвленіе). Еремѣева рѣшила слѣдить за евреями,

лѣтнаго возраста, какія-то особыя узы; онъ ее часто навѣщалъ въ тюрьмѣ, она заочно была воспріемницей его новорожденной дочери и, наконецъ, онъ отъ ся имени пожертвовалъ ризы. Наши документы указываютъ, что при разслѣдованіи этого послѣдняго обстоятельства кн. Хованскаго предписалъ вновь произвести разслѣдованіе по поводу предсказанія Еремѣевой, но принадлежала ли ему въ данномъ случаѣ инициатива, не видно изъ документовъ. Быть можетъ, разслѣдованіе было вызвано предписаніемъ сената, который не могъ основываться на предсказаніяхъ. О ризѣ Шкуринъ донесъ Хованскому въ маѣ, а новое признаніе Еремѣевой послѣдовало лишь въ декабрѣ; сомнительно, чтобы между этими двумя разслѣдованіями была непосредственная связь. Во всякомъ случаѣ эпизодъ съ ризами указываетъ, что и Еремѣева находилась подъ извѣстнымъ религіознымъ воздействиемъ.

но она заболѣла и ей пришлось покинуть городъ. А выздоровѣвъ, она никому не говорила о происшедшемъ, опасаясь, что ей не поверить. Но ей было жалко будущей жертвы евреевъ, поэтому, отправившись въ Сентюры, она стала разглашать о сновидѣніи, символически указывая и злодѣевъ, и мѣсто преступленія *).

Это показаніе сорвало съ велижскаго событія завѣсу таинственности. Стало ясно, что не старикъ, явившійся во снѣ, а нѣкто другой посвятилъ Еремѣеву въ замыселъ убить ребенка и возвести обвиненіе на евреевъ, и что именно это неизвѣстное лицо навязало ей роль пророчицы, имѣющей сношенія съ неземнымъ міромъ. Еще одинъ шагъ—и слѣдователи узнали бы, въ чьихъ рукахъ находился клубокъ велижской драмы. Но этотъ шагъ не былъ сдѣланъ, ибо онъ привелъ бы къ правдѣ...

ГЛАВА XII.

Когда сенаторы 2 отдѣленія 5 департамента приступили къ ознакомленію съ велижскимъ дѣломъ—кровавый миѳъ тотчасъ рас простеръ надъ ними свои крылья.

Прежде всего сенаторы увидали передъ собою докладъ кн. Хованскаго отъ 2 октября 1829 г., изъ которого они узнали, что въ книгѣ „Хошенъ Мишпать“ говорится, что „всякій выдающій еврея въ руки иновѣрцевъ или лично, или особу его, или же имѣніе, не имѣть частицы въ будущей жизни. Дозволяется выдающаго убить на всякомъ мѣстѣ, даже въ нынѣшнее время и дозволяется убить его прежде даже, пока выдастъ“, а въ книгѣ Йоре-Деа сказано: «князь или государь когда приказываетъ наложить клятву на какое либо дѣло, которое не есть по закону, таковая клятва вовсе не имѣть никакого уваженія, даже не требуетъ запрещенія въ сердцѣ... Когда король или государь повелѣваетъ учинить присягу въ предметѣ узнанія отъ кого (т. е. еврея), имѣть ли онъ полюбовную связь съ иновѣркой, дабы наказать его смертью, то сіе называется принужденною присягой, отъ которой можно отрекаться въ мысли».

Эти цитаты изъ еврейскихъ книгъ, долженствовавшихъ, по

*) Мы не привели въ подробностяхъ сновидѣній Еремѣевой; отмѣтимъ, что послѣ предсказанія о смерти солдатскаго сына Еремѣеву стали возить „по господамъ“ какъ пророчицу.

мысли кн. Хованского, лишить евреевъ, такъ сказать, гражданскаго облика въ глазахъ судей, превратить евреевъ въ антиправительственный элементъ, достигли, вѣроятно, своей цѣли: о чуждомъ, заподозрѣнномъ въ преступлениі евреи можно было всему повѣрить.

Изъ того же доклада кн. Хованского сенаторы узнали о существованиіи книги выкреста Неофита „Опроверженіе вѣры евреевъ“, отысканной по высочайшему повелѣнію въ Валахіи; это сочиненіе ихъ заинтересовало и департаментъ иностранныхъ исповѣданій прислать въ сенатъ выписки изъ „Опроверженія“, снабженныя примѣчаніями чиновника департамента. Первая глава книги Неофита, озаглавленная „О крови, которую евреи источаютъ изъ христіанъ, и о употребленіи онай“, подробно говорила о цѣляхъ, для которыхъ служить кровь христіанъ, и при этомъ дѣлались ссылки на соответствующія произведения еврейской литературы. Чиновникъ департамента указалъ въ своихъ примѣчаніяхъ, что „нѣкоторыхъ мѣстъ по ссылкамъ совсѣмъ не оказалось въ оныхъ, нѣкоторыя оказались несходными“, но это, по увѣренію чиновника, все же „не можетъ служить надежнымъ основаніемъ къ опроверженію оныхъ“, ибо приведенные Неофитомъ „не найденные или несходные мѣста, можетъ быть, писаны имъ по слуху (!) о книгахъ, въ которыхъ они заключаются, или взяты изъ книгъ тайнаго изданія“ (*). Такимъ образомъ сенаторы по необходимости должны были признать, что ужасы, наполняющіе сочиненіе Неофита, это факты дѣйствительной жизни; когда же сенаторы прочитали и второй докладъ кн. Хованского отъ 27 августа 1830 г., равно приложенія, составившія своего рода кровавую библіотечку, передъ ними развернулась во всей своей неистрѣтѣ потрясающая картина еврейскихъ преступлений. Такъ, въ книжѣ Пикульского „Злость жидовская противъ Бога и ближняго, противъ правды и совѣсти и проч.“ подробнѣ повѣ-

*) Для иллюстраціи познаній Неофита приведемъ первыя строки изъ его сочиненія: „Сія тайна (т. е. источеніе крови) извѣстна не всѣмъ евреямъ, а только раббицамъ, хахамамъ и фарисеямъ, кои называются ими хасидами“. По этому поводу Д. Хвольсонъ (стр. 130) пишетъ: „Это похоже на то, какъ если бы кто нибудь сказалъ: епископы, архимандриты и православные христіане, кои называются духоборами, знаютъ ту или другую тайну“.

ствовалось и объ употребленіи христіанской крови, и о поруганіи святынь, и о враждѣ евреевъ къ прочимъ народамъ, при чѣмъ опять таки дѣлались ссылки на еврейскія книги *).

Нѣть основанія предположить, чтобы кто либо изъ сенаторовъ усомнился въ достовѣрности этого книжного матеріала, грознаго по своему содержанію и авторитетнаго по тону изложенія. Но если-бы такое сомнѣніе и возникло, то оно во всякомъ случаѣ тотчасъ бы разсѣялось, когда известный кievскій митрополитъ Евгений, освѣдомленный о велижскомъ дѣлѣ, присдалъ выписки изъ той-же книги Пикульского, атtestуя ее, какъ заключающую въ себѣ, „доказательства объ умерщвлѣніи жидами христіанскихъ дѣтей“. Къ тому же, свидѣтельство литературныхъ произведеній подтверждалось и лѣтописью ритуальныхъ преступлений. Пусть по всемъ подобнымъ дѣламъ, съ которыми кн. Хованскій познакомилъ сенаторовъ, евреи и были оправданы, такой благополучный исходъ объяснялся не непричастіемъ евреевъ къ злодѣяніямъ, а лишь несовершенствомъ судебнаго слѣдствія.

Но можетъ быть, что, даже властиву надъ сенаторами, легенда не предопредѣлила бы судьбы обвиняемыхъ, если бы сенаторы разсмотрѣли дѣло при обычныхъ условіяхъ своей судебской дѣятельности, если бы съ первого же шага они не встрѣтились лицомъ къ лицу съ исключительной по своему характеру и необычайной по своему значенію задачей.

По существу дѣла сенаторамъ предстояло разрѣшить вопросъ: виновны ли подсудимые евреи въ тѣхъ злодѣяніяхъ, о которыхъ сообщили свидѣтельницы? Но въ слѣдственномъ матеріалѣ, пред-

*) Эти еврейскія книги въ дѣйствительности вовсе не существовали. Пикульский, со словъ Серафимовича, говоритъ, что ребенка качаютъ въ особой бочкѣ съ гвоздями и эта бочка, „какъ пишется въ книжѣ Hulen, имѣть такое свойство, что будучи закупорена не издается изъ себя смрада, и никто не узнаетъ, что въ ней скрывается“. „Мы можемъ и адѣсь увѣрить, — заявляетъ Д. Хвольсонъ (стр. 308), — что въ еврейской литературѣ не существуетъ книги съ такимъ заглавіемъ, да и существовать не можетъ, такъ какъ Гулень не есть ни древне-еврейское, ни раввинское слово“. О характерѣ сочиненія Пикульского вполнѣ ясно говоритъ то обстоятельство, что онъ приводитъ, какъ сущую правду, заявленіе Серафимовича, что у одного замученнаго ребенка „вытекло около половины кварта бѣлой крови, какъ молоко“!

ставленномъ въ сенатъ, заключались такія данныя, которыя, не находясь въ непосредственной связи съ велижскимъ событиемъ и убийствами, совершенными въ окрестностяхъ Велижа, все же придавали показаніямъ христіанскъ характеръ искренней, правдивой исповѣди; направляя судью на мысль, что убийцами дѣтей могли быть только евреи, успокаивая такимъ образомъ его совѣсть, взволнованную отсутствіемъ какихъ либо реальныхъ доказательствъ виновности велижскихъ евреевъ, эти данныя распространяли обвиненіе огульно на все еврейское населеніе, и сенаторы должны были остановиться передъ вопросомъ: дѣйствительно ли существуютъ у евреевъ, какъ нѣчто необходимое, ритуальные преступленія?

Вообще, вслѣдствіе резолюціи государя „изслѣдовать все до корня“, т. е. изслѣдовать до корня возникшія въ то время противъ евреевъ обвиненія въ ритуальныхъ преступленіяхъ, сфера дѣятельности сената приняла необычайные размѣры; сенату предстояло разобраться въ такихъ дѣлахъ, коимъ давность давно истекла, по которымъ вовсе не было произведено слѣдствія или таковое не дало положительныхъ результатовъ, т. е. въ дѣлахъ, которая по общему правилу не подлежали разсмотрѣнію сената. Въ сущности, необычно было и то, что сенату было высочайше повелѣно совокупно съ дѣлами, присланными велижской комиссией, разобрать и тельшевскій процессъ *).

Но своей резолюціей государь отнюдь не имѣлъ въ виду искать „корень“ въ историческомъ прошломъ кровавыхъ обвинений, а это именно и было поставлено сенаторами себѣ за-

*) Уже постѣ того, какъ велижская комиссія закрылась, совѣтникъ виленского губ. правленія Новицкій, членъ комиссіи, образованной по высочайшему повелѣнію, по образцу велижской, для разслѣданія тельшевскаго события, запросилъ (октябрь 1830 г.) Шкурина „не пожелаетъ ли онъ сообразить оба дѣла (т. е. велижское и тельшевское), яко связь имѣть могущія“. Шкуринъ представилъ это письмо при докладѣ начальнику гг. штаба и гр. Чернышевуъ передаль оба документа, конечно съ одобреніемъ государя, министру юстиціи для отсылки въ сенатъ „на совмѣстное разсмотрѣніе съ дѣломъ по обвиненію евреевъ въ умерщвленіи солдатскаго сына“. Сенатъ тогда-же вы требовалъ это дѣлопроизводство, но оказалось, что судебное разслѣданіе въ низшихъ инстанціяхъ еще не было завершено.

дачей. И тутъ-то несомнѣнно сказался результатъ коварнаго образа дѣйствія велижской комиссіи, включившей въ записку изъ трехъ государственныхъ резолюцій лишь одну — „изслѣдовать все до корня“. Эта многократно повторявшаяся въ запискѣ резолюція привела сенаторовъ къ мысли, что имъ поручено изслѣдовать до конца не одни дѣла, присланыя велижской комиссией и тельшевское дѣло, но вообще вопросъ о ритуальныхъ преступленіяхъ у евреевъ или, по крайней мѣрѣ, обосновать свой приговоръ не только обычными судебными уликами, но и общими данными по этому страшному вопросу.

И такой взглядъ на предстоявшую задачу не могъ не укрыться, когда, розыскивая материалы о ритуальныхъ преступленіяхъ, сенатъ получилъ справку изъ госуд. совѣта, изъ которой было видно, что, разсмотрѣвъ возобновленіе дѣла объ умерщвленіи въ 1816 г. въ Гродненской губ. дѣвочки Адамовичъ, государственный совѣтъ, признавъ, что по этому дѣлу, за давностью, не должно послѣдовать новаго решенія, вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, чтобы показанія по этому процессу выкреста унтеръ-офицера Савицкаго *) были приняты во вниманіе государственнымъ совѣтомъ при предстоявшемъ разсмотрѣніи велижскаго процесса, и государь съ этимъ согласился **).

Имѣя въ виду разрѣшить общий вопросъ о ритуальныхъ преступленіяхъ у евреевъ, сенатъ, повидимому, хотѣлъ собрать еще какія либо данныя по этому вопросу, но ему удалось получить лишь экстрактъ изъ дѣла объ умерщвленіи въ 1753 г. въ Житомирѣ евреями младенца Студзинскаго; изъ этого документа сенаторы узнали, что „для открытия истины“ заподозрѣнныхъ евреевъ троекратно пытали, а потомъ, по осужденіи, ихъ подвергли жесточайшей смертной казни; нѣкоторымъ обвиненнымъ обвили руки осмоленію пенькой и зажгли ее; потомъ

*) Савицкій говорилъ, что онъ „все докажетъ по еврейскимъ книгамъ, если главное правительство дастъ ему въ томъ пособіе и обеспечить его особу“. О немъ имѣется у Хвольсона нѣкоторая свѣдѣнія.

**) Эта санкція послѣдовала до того, когда государь осудилъ дѣйствія велижской комиссіи и вообще усомнился въ справедливости обвиненія.

«вырвали „изъ плечей“ по три полосы, засимъ четвертовали и, наконецъ, обезглавили *).

Такимъ образомъ сенаторы познакомились съ обширнымъ и разнообразнымъ материаломъ, и передъ ними открылась вѣковая исторія кроваваго навѣта, эта безконечная цѣль обвиненій, своимъ однообразiemъ претворявшихъ легенду въ дѣйствительность. Очевидцы-христіане и выкrestы, такъ настойчиво называвшіе евреевъ убійцами христіанскіхъ дѣтей; образы подсудимыхъ-евреевъ, величавые образы мучениковъ, превращенные по волѣ клеветниковъ въ отвратительныя физіономіи нераскаявшихся убійцъ—все это смѣщалось въ глазахъ сенаторовъ въ какой-то халдейскопъ дикихъ, нечеловѣческихъ преступленій. Пораженные яркостью красокъ, сенаторы не поняли, что то была вакханалия преступной лжи и безчеловѣчныхъ обвиненій, и они стали безвольными слугами кроваваго миѳа! При такомъ условіи обвинительный приговоръ по велижскому дѣлу долженъ былъ отразиться не на однихъ подсудимыхъ, но на всемъ еврейскомъ населеніи Россіи; кара должна была поразить не только тѣхъ, противъ кого было возбуждено преслѣдованіе, но и десятки тысячъ другихъ людей. Это такъ и произошло.

27 мая 1831 г. **) сенаторы 2-го отдѣленія 5 департамента собрались, чтобы высказать свое заключеніе. Такъ какъ „кромъ подсудимыхъ, обвиняются вообще евреи или иѣкоторыя секты между ними, въ потребности имъ для суевѣрныхъ и зловредныхъ ихъ обрядовъ христіанской крови и въ существованіи у нихъ

*) Въ Житомирѣ по сію пору сохранилась братская могила казненныхъ. Въ „Евр.-Сем. бібл.“ за 1903 г. кн. IX помѣщены снимки съ могилы.

**) Видя, что показанія Федорова не соотвѣтствуютъ тому, что говорили о велижскомъ событии другія лица, сенатъ призвалъ его къ передопросу, но Федоровъ еще больше обнаружилъ свое полное незнакомство съ общеизвѣстными фактами, касавшимися смерти ребенка; такъ, онъ отнесъ теперь событие не къ 1824 г., какъ раньше показывалъ, а къ 1825 г. Любопытно, что онъ даже не поинтересовался узнать, что говорили доносчицы объ умерщвлении ребенка. По словамъ Федорова, для поимки христіанского мальчика Іосель Мирласъ разсыпалъ по двору черносливъ и когда 8 христіанскихъ дѣтей сбѣжались, евреи одного схватили и унесли въ домъ, а другихъ разогнали.

правиль и обѣтовъ къ уничтоженію христіанскаго исповѣданія и ко вреду христіанъ“, четверо сенаторовъ: И. Ф. Саврасовъ, П. И. Полетика, кн. А. Н. Хованскій и К. Г. Михаловскій, не высказываясь пока по вопросу о виновности велижскихъ евреевъ, озабочиваясь разрѣшеніемъ болѣе широкаго вопроса о ритуальныхъ преступленіяхъ у евреевъ вообще или, по крайней мѣрѣ, о существованіи среди нихъ особыхъ преступныхъ сектъ, пришли къ заключенію, что необходимо передать дѣла министру духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій „для дачи по онымъ мнѣнія“ и для сообщенія еще какихъ-либо свѣдѣній по затронутому вопросу.

Нѣсколько иначе отнесся къ своей задачѣ сенаторъ А. М. Безбородко. Онъ ранѣе всего обратился къ разрѣшенію вопроса о виновности подсудимыхъ и прида къ убѣжденію, что они дѣйствительно виновны въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ, а вмѣсть съ тѣмъ заключивъ, что выясняющія изъ дѣла обстоятельства „имѣютъ отношеніе до всего еврейскаго общества“, согласился съ прочими товарищами о необходимости обратиться къ авторитетному въ данномъ вопросѣ министерству духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Но министръ юстиції Дацковъ объяснилъ сенату, что дѣло подлежитъ разсмотрѣнію одного лишь сената, что къ тому же въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ не имѣется никакихъ данныхъ, которыя не были бы пріобщены къ дѣлопроизводству, и потому предложилъ приступить къ „рѣшительнымъ мнѣніямъ“, дабы ускорить разрѣшеніе участіи многихъ узниковъ. Вслѣдствіе этого 1 Декабря 1831 года сенаторы вынесли свои „рѣшительныя“ мнѣнія.

„Сверхъ имѣющихся при дѣлахъ выписокъ изъ книгъ, указывающихъ о источникахъ (ритуальныхъ преступленій) и о различныхъ относительно сего еврейскихъ обрядахъ, довольно одного разительного сходства въ умерщвлѣніи Емельянова съ съ убіеніемъ прочихъ дѣтей, — писали сенаторы Саврасовъ и Михаловскій, — чтобы удостовѣриться въ существованіи такой секты; подобные случаи и въ другихъ государствахъ, о которыхъ имѣются при дѣлахъ свѣдѣнія, подтверждаютъ сіе мнѣніе“. И уѣтвившись, такимъ образомъ, въ существованіи „жидовской секты, которая по ложному законоученію убѣждается добывать

христіанскую кровь для исполненія проистекающихъ отъ злобы и суеты правильъ", сенаторы Саврасовъ и Михаловскій признали нужнымъ "изобрѣсти средства къ прекращенію столь губительной секты", а такъ какъ "искорененіе секты, наимаче предупрежденіе дальнѣйшихъ злодѣяній" не подлежитъ уголовному суду, то выработку соответствующихъ мѣръ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющему дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Сенаторъ кн. Хованскій предложилъ въ цѣляхъ искорененія секты регламентировать синагоги и предписать, чтобы всѣ евреи данного мѣста молились въ одной синагогѣ, дабы не причастные къ сектѣ не допускали убийствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ, "чтобы изъ города или селенія, где откроется хищеніе или убийство дѣтей", всѣ, даже не участвовавшіе въ преступленіи, евреи ссылались на поселеніе въ Сибирь, если не выдадутъ виновныхъ.

Сенаторъ Полетика ограничился указаниемъ на то, что подсудимые принадлежать къ особой сектѣ, а сенаторъ В. Гечевичъ, отмѣтивъ, что данныя изъ дѣла доказываютъ существованіе "между евреями такихъ заблужденныхъ, кои и нынѣ могутъ рѣшаться на подобныя злодѣянія", предложилъ, чтобы власти впредь всюду наблюдали за евреями, "особливо предъ праздниками, въ которые подозрѣваются въ употребленіи крови".

Такимъ образомъ, сенатъ, въ лицѣ пяти особъ, пришелъ къ заключенію, что среди еврейского населенія существуетъ преступная секта, черпающая въ еврейской религії мотивы для пролитія христіанской крови, а при такомъ взгляде на евреевъ, какъ на людей, на коихъ подозрѣніе въ злодѣяніи падаетъ уже въ силу одной принадлежности ихъ къ еврейству, сенаторамъ трудно было остаться безпристрастными въ отношеніи подсудимыхъ. Если велижскіе слѣдователи, вдохновившись міромъ, создали материалъ, якобы установливавшій вину евреевъ, то сенаторы, подъ тяжестью давившаго ихъ кошмара, приняли материалъ велижской комиссіи, не усомнившись въ его истинности, не подвергнувъ его критикѣ.

И опять известную роль сыграло то обстоятельство, что въ "записку" не были включены двѣ резолюціи государя, изъ

коихъ одна гласила, что если трупы умерщвленныхъ дѣтей не будутъ найдены, то показаніе христіанокъ—"гнусная ложь" и другая, осуждавшая комиссию, строившую обвиненіе евреевъ на "толкованіи припадковъ и отмѣнныхъ движений обвиненныхъ". Мы видимъ, что кусокъ окровавленного холста, приводившій въ трепетъ преступниковъ на допросахъ, служилъ въ глазахъ сенаторовъ Саврасова и Михаловскаго такою же уликой противъ обвиняемыхъ, какъ ихъ "примѣтное смущеніе въ комиссіи на очныхъ ставкахъ съ доказательницами; измѣненіе въ лицѣ и судорожный движения, изнеможеніе и дрожаніе во всѣхъ членахъ, головокруженіе и иные припадки"... На ряду съ этими обстоятельствами противъ евреевъ говорило также "однообразное всѣхъ трехъ (женщинъ) показаніе во всѣхъ отношеніяхъ", хотя сенаторы (указывавшіе между прочимъ, что христіанки, будучи, по ихъ словамъ, преступницами, не заслуживаютъ законнаго довѣрія) могли видѣть изъ записки, что даже по главнейшимъ моментамъ событія свидѣтельницы не только противорѣчили одна другой, но безпрестанно противорѣчили самимъ себѣ.

Слуги легенды, оба сенатора потеряли свой судейскій обликъ, а заявивъ, что однимъ изъ доказательствъ виновности евреевъ является также "общій голосъ всѣхъ обывателей христіанъ въ Велижѣ, что это дѣло евреевъ", тѣмъ самимъ превратили высокое учрежденіе въ базарную площадь.

Кромѣ вышесказанного, евреевъ уличали, по словамъ Саврасова и Михаловскаго, и такія обстоятельства, какъ напр., "стараніе отвести подозрѣніе на ксендзовъ или родить мысль о нечаянности убіенія (кѣмъ-либо изъ христіанъ) ребенка", наемъ сторожей, "нелюбопытство евреевъ, столь противное природному свойству ихъ, взглянуть на найденное тѣло", "подобные случаи, какъ открываемые самими же женщинами (не заслуживающими всего довѣрія!), такъ и обнаружившіе изъ особо произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ дѣлъ и т. д.".—«Все сie,— говорили Саврасовъ и Михаловскій,— можетъ служить достаточно имъ (евреямъ) уликой. Впрочемъ,—прибавляли они,— при всемъ упрямствѣ, при всей обнаруженной подсудимыми увѣренности ихъ, что они виѣ комиссіи будутъ имѣть сильную защиту и решительно дадутъ желаемый въ ихъ пользу об-

роть дѣлу, многіе изъ нихъ нерѣдко въ смущеніи или въ жару при спорахъ проговаривались и, такъ сказать, истогали не-вольныя признанія другъ у друга, напр., говорили: если мнѣ это сказать, то и мать родную уличить должно; если въ этомъ признаться, то всѣхъ жидовъ погубить... высочайше воспрещено подозревать евреевъ въ подобныхъ преступленіяхъ... хотя бы 50 человѣкъ показали тоже и 25 лѣтъ о семъ допрашивали — все не признаются”...

Виновность подсудимыхъ, по мнѣнію Саврасова и Михаловскаго, доказывалась и такими фактами, какъ „побѣгъ нѣ-которыхъ евреевъ изъ подъ стражи (какъ будто пристрастные допросы не обѣщали печального будущаго, отъ кото-рого каждый бѣжалъ бы), удаленіе иныхъ вовсе изъ Велижа передъ началомъ слѣдствія, желаніе вывестъ изъ терпѣнія слѣдователей различными дерзостями, дабы имѣть право жало-ваться на пристрастіе; усиліе обезоружить ласками или застра-щать доказательницъ; наконецъ, неимѣніе никакихъ доказа-тельствъ или свидѣтелей невинности въ подкѣплѣніе голо-словныхъ показаній, что кровь евреямъ не нужна”... „По всѣмъ симъ убѣжденіямъ, заключили сенаторы, не представляется ни малѣшаго сомнѣнія, что Емельянновъ, похищенный и предан-ный евреямъ на жертву, точно мученически умерщвленъ ими-съ соблюденіемъ зловредныхъ обрядовъ. А потому остается по-становить мѣру наказанія всѣхъ, участвовавшихъ въ престу-plenіи”.

И сенаторы Саврасовъ и Михаловскій опредѣлили кару: Тер-рентьеву, Максимову и Козловскую сослать въ Сибирь на посе-леніе, а изъ евреевъ: Хани и Евзика Цетлинъ, Славку, Гиршу Носона и Ривку Берлинъ, Румана Нахимовскаго, Іоселя Мир-ласа, Гликмана, Фейгу Вульфсонъ, Орлика и его жену Фратку Девирцъ и Ноту Прудкова — сослать въ каторжныя работы, подвергнувъ мужчинъ — 20, а женщинъ — 15 ударамъ плетью; на мужчинъ кромѣ того наложить клеймо; Мейера Берлина, Шмерку Аронсона, его жену Басю и Ицку Вульфсона — со-слать въ Сибирь на поселеніе, подвергнувъ мужчинъ — 25, а женщину Аронсонъ — 20 ударами; Рохлю Фейтельсонъ, Хасю Шу-бинскую, Зусю и Лью Рудняковыхъ, Хайку Черномордикъ, Лейзера Зарѣцкаго, Ицку Бѣляева и Абрама Кисина, оставить

въ сильномъ подозрѣніи, сослать въ Сибирь. Прикоснувшихъ, но не участвовавшихъ въ умерщвленіи солдатскаго сына, Бру-сованскаго, Хайма Хрипуна, Янкеля и Эстеръ Черномордикъ, Блюму Нафанову, Малку Барадулину, Рохлю Ливенсонъ, Рису Мельникову, Глушкова, Іоселя Турновскаго, Ицку Нахимов-скаго и Катсона — сослать въ Сибирь на поселеніе; Итку Цетлинъ и Генемелиху, вмѣнивъ имъ въ наказаніе долговременное пре-бываніе въ тюрьмѣ, освободить отъ дальнѣйшаго взысканія. Освободить отъ заключенія также Мовшу Бѣленицкаго и Но-хима Дукаровскаго, обвинявшихся по двумъ дѣламъ, которымъ за давностью лѣтъ не были разследованы сенатомъ.

Къ этому предложенію Саврасова и Михаловскаго присоеди-нился и сенаторъ Полетика, но лишь въ отношеніи тѣхъ евре-евъ, которые были прикоснувшіеся къ умерщвленію солдатска-го сына; въ виду отсутствія достаточныхъ доказательствъ Полетика отказался отъ осужденія евреевъ, виновныхъ въ другихъ преступленіяхъ.

Но сенаторъ кн. Хованскій, предложившій въ цѣляхъ иско-реніенія преступной секты, какъ было выше отмѣчено, суровыя мѣры въ отношеніи всего еврейскаго населенія, призналъ до-статочнымъ ограничиться ссылкой всѣхъ подсудимыхъ въ Си-бирь, такъ какъ они совершили преступление не изъ корысти или злобы къ жертвамъ, „а въ пагубномъ заблужденіи содѣлать по ложному законоучителю ихъ и самихъ ихъ мнѣнію, угодное Богу”, а потому суровое наказаніе усилило бы фанатизмъ.

И только Гечевичъ, допускавшій возможность существова-нія зловредной секты, заявилъ, что обвиненіе подсудимыхъ въ умерщвленіи солдатскаго сына вовсе не доказано, „бо при-коснувшись къ дѣламъ евреи во взводимыхъ на нихъ преступ-леніяхъ не признавались; оговаривающія ихъ христіанки, от-ступницы отъ православной вѣры, показывающія себя участни-цами тѣхъ же самыхъ злодѣяній, учинили извѣсты по проше-ствіи долгаго времени отъ случаевъ, ими высказываемыхъ, и не только при первыхъ, но и при всѣхъ допросахъ разнообразно показали о всемъ ими объясненномъ и даже о самыхъ главныхъ обстоятельствахъ пріицѣствій; разсказываютъ о совершении преступленій такимъ образомъ, что нельзя дать имъ полной вѣры, ибо не естественно, чтобы люди, рѣшившіеся на подобныя

злодѣянія, и видя, что по оглашениіи обѣ онъхъ подвергнутся строгой казни, производили злодѣянія сіи несокровенно, а притолпѣ разнаго пола и возраста людей, и даже при нихъ, христіанкахъ, а потомъ тѣла умерщвленныхъ не истребляя вовсе, или по крайней мѣрѣ не сохраняя сокровенно, вывозили онъ на отдаленныя и такія мѣста, гдѣ вскорѣ могли быть найдены и послужить къ обличенію вины ихъ". И поэтому, не находя въ дѣлахъ "совершенно полнаго и точнаго, требуемаго опредѣлительно законами обличенія оговореннымъ евреямъ, не рѣшается безсомнѣнно обвинить ихъ въ тяжкихъ столь преступленіяхъ и подвергнуть соотвѣтственной казни, то оставить ихъ подъ подозрѣніемъ и наблюденіемъ полиції"...

Возникшее такимъ образомъ разногласіе между сенаторами отсрочило рѣшеніе судьбы подсудимыхъ; оберъ-прокуроръ предложилъ приступить къ единогласному окончательному рѣшенію (евреевъ наказать по степени участія и проч.), но сенаторы остались каждый при своемъ мнѣніи и тогда дѣло перешло на разсмотрѣніе общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ сената.

Въ этой судебной инстанціи велижское дѣло не получило новаго направлѣнія. Суровый приговоръ Саврасова и Михаловскаго съ одной стороны, и болѣе справедливое и гуманное заключеніе Гечевича—съ другой, встрѣтили въ общемъ собраніи, въ отношеніи количества голосовъ, одинаковое сочувствіе; однако губительная атмосфера, проникшая въ общее собраніе вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ; атмосфера предубѣжденія противъ евреевъ, какъ преступниковъ quand m'阂me, склонила побѣду въ пользу ихъ обвинителей.

Полностью приговоръ Саврасова и Михаловскаго поддержали въ общемъ собраніи сенаторы Г. С Вистицкій и Б. Я. Княжинъ. Признавая, что, кромѣ умерщвленія солдатскаго сына, остальныя преступленія, приписанныя евреямъ, за истеченіемъ давности, не подлежать нынѣ разсмотрѣнію, Вистицкій вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ необходимымъ принять въ соображеніе эти событія при рѣшеніи вопроса о виновности евреевъ вообще въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, и на основаніи всего находившагося въ распоряженіи сената матеріала онъ пришелъ къ заключенію, что, во первыхъ: евреи умертвили солдатскаго

сына „съ общею при всѣхъ убийствахъ цѣллю употреблять добывту христіанскую кровь по суевѣрнымъ, въ праздники еврейскіе, обрядамъ“, и что, во-вторыхъ: существуетъ secta, „которая по ложному законоученію убѣждается добывать христіанскую кровь для исполненія проистекающихъ отъ злобы и суевѣрія правилъ“...

Вліяніе міea сказалось и на рѣшеніи сенаторовъ П. Фролова, А. Стога, П. Меркулова и М. Обрѣзкова. Добросовѣтно припомнивъ высочайшія повелѣнія руководствоваться не предположеніемъ преступленія, а судебными уликами, столь же добросовѣтно отмѣтивъ, что законная давность погашаетъ преступленія, и прида къ заключенію, что въ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ нѣть „въ полной мѣрѣ законныхъ уликъ евреевъ въ преступленіяхъ“, эти сенаторы все же „въ совокупности всѣми изъ дѣлъ сихъ обстоятельствами“ убѣдились „въ убийствахъ евреями Емельянова и другихъ въ разныхъ мѣстахъ христіанскихъ младенцевъ для источенія крови къ употребленію по введеннымъ издавна и, какъ случаи удостовѣряютъ, нынѣ существующимъ у нѣкоторыхъ евреевъ обрядамъ“, и что оговоренные евреи „достаточно изобличены“, а посему подсудимые подлежали бы наказанію, определенному сенаторомъ Вистицкимъ, но такъ какъ они совершили злодѣяніе, какъ объяснилъ сенаторъ кн. Хованскій, „въ пагубномъ заблужденіи“, то слѣдуетъ нѣсколько смягчить кару, освободивъ обвиненныхъ отъ тѣлеснаго наказанія^{*)}.

Въ такомъ же духѣ состоялось рѣшеніе и другихъ 5 сенаторовъ И. Д. Данилова, И. З. Ваценко, Д. М. Мордвинова, Л. А. Перовскаго и И. С. Горголи. Согласившись съ мнѣніемъ Гечевича, что вина евреевъ отнюдь не доказана данными, заключающимися въ дѣлопроизводствѣ, удостовѣряя съ своей

^{*)} Общее собраніе было увѣдомлено о томъ, что Виленская палата уголовнаго суда по дѣлу объ умерщвленіи въ Тельшахъ мальчика Петровича написала, что „при слѣдствіи евреи въ томъ прямо не обличены, но по множеству обстоятельствъ въ показаніяхъ Жуковскаго (единственнаго обличителя, 16-ти лѣтнаго настука), предъ разными слѣдователями подтверждаемыхъ и потомъ отмѣняемыхъ, наводится сильное подозрѣніе, въ которомъ они (т. е. евреи) по рѣшенію палаты и оставлены“.

стороны, что не найдя „совершенно полного и точного, требуемого определительно законами обличения оговоренныхъ евреевъ“, не решаются „безсомнѣнно обвинить ихъ въ тяжкихъ столь преступленіяхъ и подвергнуть соответственно казни“, упомянутые 5 сенаторовъ предложили, кроме пяти подсудимыхъ, подлежащихъ по общему мнѣнію освобожденію отъ наказанія, остальныхъ 37 евреевъ „оставить въ сильнейшемъ подозрѣніи“, а такъ какъ „самое подозрѣніе въ подобныхъ злодѣяніяхъ не позволяетъ оставить ихъ на мѣстахъ жительства“, то сослать въ Сибирь на поселеніе, размѣстивъ ихъ тамъ порознь.

Послѣ того, какъ сенаторы высказали (20 января 1833 г.) эти мнѣнія, общему собранію было предложено дать свое заключеніе. И получилось слѣдующее.

Всѣ сенаторы единогласно постановили, что дѣла слѣдуетъ рассматривать „по судебнѣмъ уликамъ“, и не „въ отношеніе причинъ, отъ которыхъ преступленія сіи указуются проистекающими“; вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторы единогласно постановили судить лишь по тѣмъ дѣламъ, коимъ не минула 10-ти лѣтняя давность. Такимъ образомъ, собранный велижской комиссіей и сенатомъ „исторической“ матеріаль, равно какъ книги и показанія выкresta Савицкаго—все это должно было потерять свое значеніе, значеніе данныхъ, незыблѣмо устанавливавшихъ фактъ употребленія евреями христіанской крови; предъ сенаторами оставался теперь лишь слѣдующій вопросъ: виновны ли подсудимые въ умерщвлѣніи солдатскаго сына и въ поруганіи сватыны? При чёмъ этотъ вопросъ долженъ быть решенъ на основаніи данныхъ, непосредственно относившихъ къ велижскому событию.

Къ чѣму же привела такая постановка вопроса о виновности подсудимыхъ? Шесть сенаторовъ написали улики правдоподобными, четыре признали улики законными, а одинъ сенаторъ заявилъ, что хотя улики не въ полной мѣрѣ законны, но въ совокупности всѣ обстоятельства дѣлъ убѣждаетъ, что обвиненіе справедливо. И всѣ сенаторы пришли къ заключенію, что обвиняемые должны быть сурово наказаны. Разногласіе возникло лишь по поводу требованія нѣкоторыхъ сенаторовъ, не увѣрив-

шихся вполнѣ въ виновности евреевъ, чтобы эти послѣдніе были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія.

Слѣдующія два засѣданія (24 февр. и 10 марта), на которыхъ присутствовали еще нѣкоторые сенаторы, не внесли ничего новаго въ рѣшеніе судьбы подсудимыхъ; разногласіе по вопросу о тѣлесномъ наказаніи не было устранено и вслѣдствіе этого исправляющей должности товарища ministra юстиціи, статсь-секретарь, графъ Панинъ взялъ на себя разсмотрѣніе процесса.

1-го сентября 1833 г. онъ представилъ въ сенатъ обширную записку.

ГЛАВА XIII.

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ, какъ по показаніямъ христіанокъ велижская драма постепенно все болѣе и болѣе развивалась, отмѣтивъ многія противорѣчія въ ихъ свидѣтельствѣ, равно несогласіе между показаніями женщинъ и слѣдственными данными*), гр. Панинъ писалъ: «Обвиненія Терентьевой... не согласны между собою въ самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ. Она участвовала во многихъ преступленіяхъ и сама разглашала сіи дѣйствія. Она была пьяна при совершенніи сихъ злодѣяній, имѣла худое зрѣніе**) и разсказываетъ мелочныя подробности, замѣченныя по различнымъ дѣйствіямъ, проходившимъ въ одно время. Въ то самое время, когда совершается въ городѣ ужасное злодѣяніе, подвергающее всѣхъ участвующихъ въ ономъ всей строгости законовъ, евреи, обагренные кровью ихъ жертвы, издѣ-

*) Среди противорѣчій и несообразностей, изъ коихъ нѣкоторыя были приведены нами въ текстѣ, гр. Панинъ отмѣтилъ, что именно въ тѣхъ мѣстахъ, куда по показаніямъ Терентьевой кололи ребенка, никакихъ ранъ на трупѣ не оказалось. Гр. Панинъ остановилъ, между прочимъ, вниманіе и на томъ, что Терентьева 25-го апрѣля „приходила къ матери пропавшаго младенца и объясняла, что онъ находится въ опасности. Къ сему дѣйствію она могла быть побуждена раскаяніемъ или злостію противъ евреевъ; но 25-го она признала, какъ удостовѣряетъ, еврейскую вѣру, не бывть къ тому принуждена насильственными мѣрами, ибо она находилась на свободѣ и никогда внослидствіи не показывала, чтобы за нею быть тогда присмотрѣ».

**) Было обнаружено слѣдствіемъ, что въ то время, когда по показаніямъ Терентьевой происходило мученіе ребенка, она сама была почти совершино слѣпна.

ваются надъ Терентьевой, дѣлая для шутки продолжительные съ нею обряды; въ присутствіи женщинъ пьяную нищую раздѣваютъ до нага и,—продолжалъ гр. Панинъ, понявшій грубый вымыселъ христіанокъ,—для потѣхи позволяютъ себѣ поруганіе надъ собственными обычаями и нравами. Для совершенія злодѣяній они неоднократно прибѣгаютъ къ сей самой женщинѣ, которая въ преступленіяхъ ожесточена, надъ вѣрой издѣвается, не имѣть ни крова, ни семейства, обращается въ распутствѣ и скитаются на свободѣ съ ужасными тайнами, безъ всякаго присмотра. Тайны сіи она раскрываетъ добровольно, но сперва однихъ евреевъ обвиняетъ, скрывая свое участіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Когда же она въ нихъ сознается, то не умѣеть вѣрно пересказать своихъ дѣйствій, отмѣняетъ часто свои показанія, но постоянно увеличиваетъ злодѣйство и умножаетъ обстоятельства онаго. Она получаетъ подарки, наряжается въ богатое платье и ходить по миру. Она ловитъ дѣтей, умерщвляетъ ихъ въ продолжительныхъ и мучительныхъ истязаніяхъ, кровь ихъ развозить, а въ судѣ она плачетъ и тронута ожесточеніемъ обвиненныхъ».

Коснувшись затѣмъ въ нѣсколькихъ словахъ признанія Максимовой и Козловской, гр. Панинъ писалъ:

«Преступникъ не рѣдко продолжительное время скрываетъ свои дѣйствія, прежде нежели объявить въ судѣ, что онъ въ самомъ дѣлѣ учинилъ преступленіе, но сдѣлавъ уже сіе сознаніе, онъ другія обстоятельства скрываетъ тогда токмо, когда они могутъ отягощать его участіе. Въ семь дѣлъ, напротивъ, замѣтны значительные промежутки между допросами, въ коихъ, наконецъ, преступники дополняютъ токмо прежнія показанія такимъ образомъ, что разсказы, сперва неполные и различные, получаются уже нѣкоторое сходство»...

Гр. Панинъ, конечно, не могъ не остановиться на наговорахъ Фратки Девирцъ и Ноты Прудкова. Показанія ихъ, говорилъ гр. Панинъ, «навлекаютъ на подсудимыхъ нѣкоторое подозрѣніе, но ни одно изъ показаній Фратки не можетъ служить судебнью уликой. Она говоритъ по наслышкѣ; ссылки ея не подтверждены; показанія не согласны съ обстоятельствами, о коихъ упоминали русскіе свидѣтели; въ нихъ заключаются разнорѣчія и они носятъ отпечатокъ народной молвы, а не собственнаго

сознанія, раскаяніемъ вынужденаго. Важнѣе, — продолжалъ гр. Панинъ,—были бы извѣты Прудкова, если бы онъ дополнилъ оные сознаніемъ всего того, что ему могло быть извѣстнымъ, и если бы самое предложеніе съ его стороны открыть истину не послѣдовало за удостовѣреніемъ, что онъ не подвергнется никакому наказанію, буде сознается въ преступленіи. Такимъ образомъ показанія Прудкова и Фратки не могутъ послужить къ подтвержденію или къ поясненію показаній Терентьевой, Максимовой и Козловской».

Наконецъ, гр. Панинъ приступилъ къ выясненію характера того обвинительного материала, который члены комиссіи создали изъ тѣлодвиженій и отдѣльныхъ выраженій подсудимыхъ. «Всѣ сіи признаки смущенія,—пояснялъ гр. Панинъ,—могли бы служить къ подкрѣплению другихъ уликъ, но изъ оныхъ выводить заключенія къ обвиненію евреевъ невозможно. Напротивъ того, слѣдователи, упоминая о томъ, признавали, что симъ изобличались подсудимые въ преступленіяхъ. Произвольное сіе tolkowanіе не согласно ни съ духомъ нашихъ законовъ, ни съ обязанностями слѣдователей. При разсмотрѣніи же дѣла должно имѣть въ виду, что страхъ, продолжительное заключеніе подъ стражею, необразованность людей низкаго состоянія могли причинять смущеніе подсудимыхъ и побуждать ихъ къ восклицаніямъ необдуманнымъ. Нѣкоторыя изъ употребленныхъ ими выражений заключаются въ себѣ обороты, свойственные языкамъ восточнымъ и, вѣроятно, употребительные на еврейскомъ».

И вотъ, разсмотрѣвъ все «обстоятельства, обвиненія и оправданія, содержащіяся въ показаніяхъ русскихъ свидѣтелей, подсудимыхъ евреевъ и постороннихъ лицъ, обративъ при томъ вниманіе на всѣ улики и возраженія, основанныя на свѣдѣніяхъ собранныхъ слѣдователями», гр. Панинъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«во 1-хъ, что подсудимые евреи ни въ умерщвлении солдатскаго сына Федора Емельянова, ни въ другихъ подобныхъ преступленіяхъ не сознались и судебными доказательствами не изобличены;

«во 2-хъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ падаетъ подозрѣніе, но что подозрѣніе сіе основано на выраженіяхъ, которыя, служа

неполными доказательствами, безъ другихъ уликъ судомъ уважены быть не могутъ;

«въ 3-хъ, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ изобличены въ ложныхъ показаніяхъ и что многіе упорствовали въ дачѣ отвѣтствъ и отзывались о слѣдователяхъ съ дерзостью;

«въ 4-хъ, что за таковые поступки можетъ быть вмѣнено имъ въ наказаніе 8-лѣтнее содержаніе подъ стражею, но, что слѣдуетъ предъ освобожденіемъ отъ онаго сдѣлать имъ надлежащее внушеніе, дабы впредь исполняли безпрекословно всѣ требованія судебныхъ мѣстъ и земской полиціи;

«въ 5-хъ, что по неизобличенію подсудимыхъ евреевъ, слѣдуетъ ихъ всѣхъ отъ суда и слѣдствія нынѣ же освободить;

«въ 6-хъ, что Терентьевъ, Максимова и Козловская за ложный извѣтъ и за преступленія, въ коихъ они сознались, по всей строгости законовъ должны бы подвергнуться вѣчной ссылкѣ въ каторжную работу, но такъ какъ дѣйствительное совершение преступленій, въ коихъ онѣ себя обвинили, слѣдствіемъ не обнаружено... (слѣдуютъ ссылки на законы)... евреи же разными ложными показаніями, въ коихъ изобличены, дали поводъ къ подозрѣнію, то я полагаю, что участъ сихъ трехъ преступницъ слѣдуетъ передать Высокомонаршему милосердію;

«въ 7-хъ, касательно общаго обвиненія евреевъ въ томъ, что между ними существуетъ секта, которая по суевѣрію умерщвляетъ христіанъ съ совершеніемъ таинственныхъ обрядовъ, изъ дѣла яствуетъ, что не всѣ велижскіе евреи посѣщали тамошнюю большую школу. Цетлинъ показывалъ, что онъ въ оной не бываетъ, потому что онъ не миснагедъ а хоседъ; Ицка Вульфсонъ равномѣрно объявилъ, что онъ для богомоленія ходилъ не въ большую, а въ другую еврейскую школу *).

«Въ разныхъ сочиненіяхъ евреи обвиняются въ злодѣяніяхъ, предписываемыхъ особенной между ними сектѣ. Но книги сіи, хотя нѣкоторая изъ нихъ писаны евреями, не имѣютъ достовѣрности судебныхъ актовъ, и на самыхъ приговорахъ по дѣламъ о давнопрошедшемъ невозможно бы основать судебнаго рѣшенія о

*) О религіозномъ расколѣ, выдѣлившемъ часть еврейского населения Россіи и Галиції въ хасидскую секту, см. статью С. М. Дубнова въ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрана „Хасидизмъ“.

лицахъ, другими доказательствами не изобличенныхъ, тѣмъ менѣе о цѣломъ сословіи. Но для огражденія евреевъ отъ подобныхъ преслѣдованій и для успокоенія христіанскихъ жителей, между коими распространялись, какъ видно изъ настоящаго дѣла, сильные предубѣжденія, я полагалъ бы полезнымъ, согласно мнѣнію одной особы въ б. Дѣлѣ Прав. Сената, предписать, чтобы общественное богослуженіе всегда происходило въ назначенныхъ для того зданіяхъ и въ извѣстное время; чтобы сборища въ домахъ ночью, подъ предлогомъ молитвы, градская полиція не допускала, чтобы, наконецъ, за участіе въ подобныхъ сборищахъ каждый еврей, какого пола и возраста бы онъ ни былъ, а въ случаѣ бѣдности его общество обязано было внести въ казну штрафъ, равняющійся подушному сбору, независимо отъ преданія суду и наказанія по законамъ за уголовныя преступленія и полицейскіе проступки. На семь основаній,—заключилъ гр. Панинъ свою записку,—не благоугодно ли будетъ Правительствующему Сенату постановить единогласное заключеніе».

Записка гр. Панина была представлена общему собранію сената. Со средоточивъ все свое вниманіе на судебнѣй сторонѣ велижскаго события, оставаясь все время на юридической почвѣ, гр. Панинъ вполнѣ убѣдительно доказалъ несостоятельность введенного на подсудимыхъ обвиненія; благодаря этому изъ присутствовавшихъ (15 сентября) въ засѣданіи 20 сенаторовъ три надѣлать особы *) приняли его предложеніе объ освобожденіи евреевъ отъ суда и слѣдствія. Но по существу своей задачи, гр. Панинъ не могъ остановиться на разсмотрѣніи самого міса и тѣхъ данныхъ, вошедшихъ въ дѣлопроизводство, которыя не находились въ непосредственной связи съ велижскимъ событиемъ, и надо думать, что если не предубѣжденіе, не тупая злоба къ евреямъ, то именно этоѣ пробѣль во всестороннемъ разслѣдованіи обвинительного матеріала побудилъ остальныхъ 7 сенаторовъ **) отвергнуть предложеніе гр. Панина.

*) И. Даниловъ, И. Валченко, А. Стогъ, В. Гечевичъ, П. Меркуловъ, Дм. Мордвиновъ, Г. Вистицкій, И. Лавровъ, Б. Княжнинъ, И. Горголи, А. Абакумовъ, М. Обрѣзовъ, А. Васильчиковъ.

**) И. Саврасовъ, К. Михаловскій, А. Хованскій, П. Фроловъ, Л. Перовскій, Н. Полетика и кн. Шаховской.

Это новое разногласие въ сенатѣ привело къ тому, что дѣло перешло на обсужденіе государственного совѣта.

ГЛАВА XIV.

Разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ отнеслись члены государственного совѣта къ кровавому миѳу вообще и къ велижскому злодѣянію въ частности, представило бы, несомнѣнно, извѣстный историко-культурный интересъ, но мы остановимся лишь на отношеніи графа Мордвинова къ роковому обвиненію. Какъ члену государственного совѣта и предсѣдателю департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, адм. Мордвинову представился теперь случай непосредственно воздѣйствовать на судьбу подсудимыхъ и всѣхъ ихъ единовѣрцевъ въ Россіи. И, дѣйствительно, графъ Мордвиновъ выступилъ въ защиту евреевъ съ громкимъ убѣженіемъ словомъ. Въ пяти засѣданіяхъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ (23, 25 и 30 мая, 6 июня и 19 октября 1834 г.) онъ подробно ознакомилъ своихъ товарищъ по департаменту, Оленина и Бахметьевъ, съ этимъ сложнымъ и громоздкимъ дѣломъ. Не ограничившись, подобно гр. Панину, разрушениемъ тѣхъ яко-бы судебнѣхъ основъ, на которыхъ велижскіе слѣдователи построили обвиненіе, адм. Мордвиновъ ясно, безъ обиняковъ, заявилъ, что евреи пали жертвою заговора, жертвою омраченныхъ предубѣженіемъ и ожесточенныхъ фанатизмомъ слѣдователей, съ кн. Хованскимъ во главѣ! Онъ поднялъ тяжело-опущенный занавѣсъ и показалъ, при помощи какихъ бутафорскихъ средствъ авторы велижской драмы наполняли ужасомъ и смятеніемъ судей-зритель, какія грубо-намалеванныя полотница обманчиво казались судьямъ картинами дѣйствительной жизни.

Члены департамента гражд. и дух. дѣлъ всецѣло присоединились къ мнѣнію гр. Мордвинова и тогда производитель дѣлъ, помощникъ статсъ-секретаря А. М. Яковлевъ составилъ отъ имени департамента, «подъ руководствомъ и направленіемъ» Мордвинова, докладную записку.

«Департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, — такъ начиналась записка, — по обозрѣніи въ совокупности всѣхъ дѣлъ, входящихъ въ составъ многосложного и запутанного производства о велижскихъ евреяхъ, обвиненныхъ въ умерщвлѣніи христіанскихъ дѣтей, находить, что дѣло сіе въ томъ видѣ, въ

какомъ оно генераль-губернаторомъ кн. Хованскимъ доведено до высочайшаго свѣдѣнія и представлено въ правительствующій сенатъ, заключаетъ въ себѣ не одно разрѣшеніе частныхъ случаевъ, но общій и весьма важный вопросъ: объ употреблении евреями христіанской крови — вопросъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій составлявшій предметъ недоумѣній и изысканій. И вотъ, въ виду важности самого вопроса и принимая во вниманіе, что и общій этотъ вопросъ, и частный велижскій случай были представлены государю не въ надлежащемъ правдивомъ освѣщеніи, адм. Мордвиновъ, имѣя по установленнemu порядку право высказать — для сообщенія сенату — одно лишь свое заключеніе, не приводя мотивовъ такового, счѣль необходимымъ «единственно для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія» изложить также «разсужденія и замѣчанія» по велижскому процессу.

«Дабы съ надлежащей зрѣльностью — гласила записка — разрѣшить частные случаи, наполняющіе велижское дѣлопроизводство, департаментъ призналъ необходимымъ первоначально изслѣдовывать причины возрожденія и упадка сего мнѣнія».

Конечно, адм. Мордвиновъ, подобно сенаторамъ, судившимъ евреевъ, не былъ компетентенъ въ этомъ вопросѣ, но, въ противоположность имъ, онъ, человѣкъ просвѣщенный и гуманный, не могъ не отнести критически къ сочиненіямъ крещеныхъ евреевъ, наполненнымъ злобою и небылицами, и къ показаніямъ невѣжественныхъ унтеръ-офицеровъ, и мы видимъ, что адм. Мордвиновъ принимаетъ отъ одного образованнаго еврея записку на французскомъ языкѣ, посвященную опроверженію наѣтка *), и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ самостотельно, на основаніи печатныхъ материаловъ, разбираетъ вопросъ о средневѣковыхъ обвиненіяхъ.

«Противоположность христіанскаго вѣроисповѣданія съ еврейскимъ, — говорилъ адм. Мордвиновъ въ своемъ мнѣніи, — съ отдаленныхъ вѣковъ положила вражду между почитателями сихъ вѣръ и долго служила источникомъ взаимныхъ упрековъ въ преступленіяхъ важныхъ. Въ первые вѣка евреи обвиняли христіанъ въ умерщвлѣніи собственныхъ дѣтей, но когда восторжествовала христіанская вѣра, обвиненіе сіе обращено на евреевъ

*) Имя этого еврея неизвестно. Записка, представленная гр. Мордвинову, напечатана въ X т. „Архива гр. Мордвиновыхъ“.

и, поддерживаемое силою фанатизма и ненавистью къ евреямъ, обладавшимъ богатыми капиталами, въ началѣ XI в. во всей Европѣ приняло видъ истины. При семъ направлении умовъ, евреи, кроме частныхъ казней по приговорамъ судебнымъ, подвергались общимъ бѣдствіямъ: разграбленію имуществъ и изгнанію изъ государства. Наконецъ, твердость, съ какой они переносили преслѣдованія, и вмѣстѣ неосновательность судебныхъ обвиненій, многими опытами обнаруженнага, заставили сомнѣваться въ справедливости сего мнѣнія и подвергнуть строгому изслѣдованию основанія онаго. Изученіе восточныхъ языковъ открыло удобные къ тому способы, и водворившаяся терпимость вѣръ, успокоивъ умы и ослабивъ предубѣжденіе противъ евреевъ, подала возможность изслѣдовать предметъ сей съ соотвѣтственной важности онаго зрѣлостью...»

Коснувшись затѣмъ папскихъ булль и постановленійпольскаго правительства, отрицающихъ употребленіе евреями христіанской крови, адм. Мордвиновъ продолжалъ: «Но разрушенное въ главныхъ основаніяхъ, мнѣніе сіе получило другое направление. Евреевъ начали въ позднѣйшее уже время обвинять, какъ сектаторовъ. Кроме того, что существованіе таковой ужасной секты ни однимъ фактомъ не обнаруживается, нельзя предполагать, чтобы талмудисты, уклоняясь отъ закона мосеева, запрещающаго даже употребленіе крови животныхъ, могли проповѣсти секту, совершенно основаніемъ онаго противную, и чтобы евреи, въ теченіе вѣковъ претерпѣвшіе бѣдствія отъ ужасныхъ правилъ ея, не открыли существованія онай, особенно при той ненависти, какую евреи сектаторы взаимно между собою питаютъ *). Вслѣдъ за симъ, остановившись на извѣстномъ повелѣніи Александра I 1817 г., адм. Мордвиновъ писалъ: «Но отвергнутое такимъ образомъ просвѣщенными державами предубѣжденіе, стоявшее столькихъ бѣдствій для еврейского народа, сохранило еще остатки по общему дѣйствію человѣческихъ заслужденій. Ген.-губернаторъ, князь Хованский рѣшительно утверждаетъ, что евреи, враги христіанъ, въ теченіе вѣковъ много пролили ихъ крови. По важности тѣхъ послѣдствій для

*) Здѣсь адм. Мордвиновъ дѣлаетъ выноску: «Извѣстна пена-
висть евреевъ къ сектѣ хасидовъ, кои предаваемы были прокляты,
а сочиненія ихъ сжигаемы».

всѣхъ обитающихъ въ Россіи евреевъ, съ какими неизбѣжно сопряжено водвореніе сего мнѣнія въ правительствѣ, въ видѣ истины доказанной, гражданскій департаментъ не могъ оставить безъ надлежащаго обозрѣнія тѣхъ основаній, на которыхъ утверждается рѣшительное заключеніе ген.-губернатора», и, отмѣтивъ ленчицкій, житомирскій и другіе процессы, нашедшіе себѣ мѣсто въ велижскомъ дѣлопроизводствѣ, адм. Мордвиновъ указалъ, что всѣ эти процессы служить доказательствомъ только того, что подобныя убийства совершаются лишь въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. «Но какъ оные (т. е. процессы), — продолжалъ Мордвиновъ, — не содержатъ въ себѣ уликъ противъ евреевъ, то и не могутъ служить фактами къ подкрѣпленію мнѣнія объ употребленіи ими христіанской крови».

Переходя затѣмъ къ произведеніямъ кровавой литературы, отмѣтивъ, что они снабжены ложными ссылками на еврейскія книги, что они «наполнены понятіями, несообразными съ здравымъ разсудкомъ *») и взаимно себѣ противорѣчащими, что сама собою отличается сочинителей или въ вымыслѣ описываемыхъ ими истязаній христіанскихъ дѣтей и употребленія ихъ крови, или въ безотчетномъ и рабскомъ пересказѣ ими слышанного», адм. Мордвиновъ указывалъ, что «всѣ сіи сочиненія, служаща отголоскомъ господствовавшаго въ свое время фанатизма, не могутъ быть приняты въ соображеніе ни въ качествѣ историческихъ свѣдѣній, какъ произведенія ума, омраченного предубѣжденіемъ, ни въ видѣ судебныхъ доводовъ, какъ наполненные противорѣчіями и разительными несообразностями».

«Засимъ», — гласить записка, — «гражданскій департаментъ обращается къ велижскому дѣлу, составляющему новѣйшій судебній фактъ и главное основаніе возбновляемаго предубѣжденія противъ евреевъ. При настоящемъ состояніи просвѣщенія дѣло сіе не долженствовало бы входить въ кругъ предметовъ судебнаго разсмотрѣнія, но какъ по оному подвергнуты заключенію 42 человѣка евреевъ разнаго пола и возраста, а притомъ оное является въ такомъ свойствѣ, въ какомъ подобныхъ не пред-

*) Какъ напр., вытекающая изъ христіанского ребенка бѣлая кровь; появляющаяся на яветвахъ евреевъ, при перемѣтѣ времени года, воздушная кровь.

ставляетъ и древняя судебная область, то гражданскій департаментъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность разсмотрѣть всѣ обстоятельства онаго съ подробностью и полнымъ вниманіемъ, дабы такимъ образомъ положить конецъ предубѣжденію, наносящему укоризну просвѣщенному вѣку».

И точно, адм. Мордвиновъ «съ подробностью и полнымъ вниманіемъ» изучилъ это громоздкое, запутанное дѣло. Говоря о предсказаніяхъ Еремѣевой и ворожбѣ Терентьевой, предшествовавшихъ нахожденію трупа, адм. Мордвиновъ писалъ: «Таковыя явленія и послѣдствія оныхъ Коммиссія, поставляя въ заглавіи своихъ общихъ доказательствъ, для вицаго убѣжденія, указуетъ на день Благовѣщенія, но департаментъ усматриваетъ, что обстоятельства сіи ясно обнаруживаютъ замыселъ обвиненія евреевъ, заблаговременно обдуманный, ибо если бы Терентьева, зная о положеніи солдатскаго сына и бездѣятіи родителей къ спасенію его, имѣла чистое намѣреніе обнаружить угрожавшихъ ему убийцъ, то она должна была, не теряя времени въ бесполезныхъ разглашеніяхъ, объявить о семъ Правительству. Самая дѣвочка Еремѣева, по возрасту своему, не долженствовавшая бы участвовать въ семъ замыслѣ, употреблена въ ономъ для вѣрнѣшаго успѣха, какъ извѣстная уже въ простомъ народѣ предсказательница... При надлежащемъ изслѣдованіи, обстоятельства сіи повели бы къ важнѣйшимъ въ дѣлѣ открытіямъ, но ни начальное, ни повторенное слѣдствіе не объяснило оныхъ, какъ будто бы можно было довольноствоваться показаніями Еремѣевой о видѣніяхъ, вымыщенныхъ съ тою единственнouю цѣлью, дабы скрыть лица, отъ коихъ она получала подробныя свѣдѣнія о положеніи солдатскаго сына. Исправленіе сего важнаго упущенія предпринято тогда уже, когда вторичное слѣдствіе было совершенно кончено, но и въ семъ положеніи дѣла надлежашій допросъ Еремѣевой, хотя и поздновременный, не былъ бы бесполезнымъ, если-бы не удовольствовались разсказомъ о подслушаніи, невѣроятнымъ по способу ю описываемому и несообразнымъ съ ея возрастомъ. Въ семъ разсказѣ 12-лѣтняя дѣвочка представляется съ размыщеніемъ зрѣлымъ, расчетомъ вѣрнымъ и съ необыкновенною предпримчивостью проникнуть въ тайные замыслы евреевъ съ опасностью жизни. Самое похертованіе чрезъ Еремѣеву въ церковь крестьяниномъ Козло-

вымъ, по окончаніи уже изслѣдованія о солдатскомъ сыне, дѣлаетъ Еремѣеву и самое происшествіе сіе весьма подозрительнымъ»...

Отмѣтивъ далѣе появление Азадкевича, подачу государю прошенія Терентьевой, остановившись подробнѣе на томъ, что евреи не призвали-бы къ участію въ страшномъ преступленіи такихъ пьяницъ, какъ Максимова и Терентьева, указывъ также на то необычайное явленіе, что ребенокъ, находясь среди чужихъ людей, голодая нѣсколько дней и даже положенный въ сундукъ, не издавалъ крика, не плакалъ когда его переносили, по показаніямъ христіанокъ, изъ дома Ханны къ Мирѣ и обратно *), адм. Мордвиновъ обратилъ вниманіе также и на то весьма важное обстоятельство, что «Терентьева и Максимова, по показанію ихъ участвовавшія во многихъ предшествовавшихъ убийствахъ, при истязаніи солдатскаго сына... являются дѣйствующими какъ бы въ первый разъ».

Дѣйствительно, давая показанія по дѣлу объ умерщвлениіи солдатскаго сына, христіанки представлялись впервые вступившими на путь преступленія. Напр., Терентьева говорила, что, прося привести мальчика, Ханна Цетшинъ увѣряла ее, что мальчику будетъ хорошо житься, такъ что Терентьева и не предвидѣла готовившейся ему участіи; Терентьева и Максимова также подробно рассказывали о томъ, какъ евреи, давая имъ деньги, упрашивали ихъ держать въ тайнѣ злодѣяніе и даже обратили ихъ съ этой цѣлью въ еврейство. Но вѣдь Терентьева должна была знать, что ожидаетъ ребенка, если она, по ея словамъ, съ той же Ханной еще раньше умерщвляла христіанскихъ дѣтей? А евреямъ нечего было бояться нескромности христіанокъ, если по опыту прежнихъ убийствъ они знали, что соучастницы не нарушатъ молчанія?

Адм. Мордвиновъ привелъ еще вѣкоторыя обстоятельства, рисовавшія дѣйствительную картину наѣта и опять повторилъ, что они «обнаруживаютъ одинъ замыселъ оговорить евреевъ, въ который по какому то сильному вліянію вовлечены христіанки, для вѣрнѣшаго достижениія сей цѣли принявшия на себя участіе въ убийствѣ». А затѣмъ, подробно разобравъ показанія

*) На это указалъ и гр. Панинъ въ своей запискѣ.

христіанокъ, сопоставивъ ихъ рассказы съ слѣдственными данными и съ требованіями логики, адм. Мордвиновъ на основаніи всего дѣлопроизводства вновь удостовѣрилъ, «что обвиненіе евреевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ имѣло источникомъ злобу и предубѣждение и было ведено подъ какимъ-то сильнымъ вліяніемъ, во всѣхъ движеніяхъ дѣла обнаруживающимся. Велижская слѣдственная Комиссія, на обязанности коей лежало объяснить истину и оградить невинныхъ, не обращала никакого вниманія ни на тѣ, ясно видимыя обстоятельства, которыхъ могли раскрыть обдуманный замыселъ, ни на самыя противорѣчія, ложь и вымыселъ, которыми наполнены показанія доказчицъ.. Такимъ образомъ, подвергнувъ,— говорилъ адм. Мордвиновъ,— тяжкому тюремному заключенію велижскихъ евреевъ, комиссія простерла изысканія свои даже въ Витебскъ и Лезну, по несогласнымъ съ здравымъ смысломъ извѣтамъ одной Терентьевой. Къ большему обремененію участіи подсудимыхъ, комиссія, отъ вниманія коей не могли скрыться сіи разительныя несообразности въ дѣлѣ объ умерщвленіи солдатского сына, приняла нѣсколько другихъ подобныхъ извѣтовъ отъ доносчицъ".

И, чтобы связать эту злобную и преступную дѣятельность комиссіи съ именемъ кн. Хованского, адм. Мордвиновъ велѣлъ затѣмъ привезь изъ его всеподданѣйшихъ докладовъ увѣренія, что комиссія «дѣйствовала во всемъ съ примѣрной правильностью и точностью», что показанія рядового Федорова могутъ «служить неоспоримою уликою противъ упорныхъ преступниковъ», и въ заключеніе Мордвиновъ процитировалъ тѣ строки, въ коихъ кн. Хованскій ссылался на Промыслъ Всевышняго...

На основаніи всего вышеизложенного гражданскій департаментъ предложилъ:

1. Евреевъ, подсудимыхъ по дѣлу объ умерщвленіи солдатского сына Емельянова и по другимъ подобнымъ дѣламъ, заключающимся въ велижскомъ производствѣ, а равно и по дѣламъ о поруганіи надъ христіанской святыней, какъ ничѣмъ не уличенныхъ, немедленно освободить.
2. Запечатанныя еврейскія школы въ Велиже открыть, позволивъ въ оныхъ служеніе.
3. Участъ означенныхъ подсудимыхъ, претерпѣвшихъ тюремное заключеніе впродолженіе 8 лѣтъ и неразлучное съ

онимъ разстройство въ торговлѣ и промыслахъ, подвергнуть Монаршему возврѣнію, съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, въ вознагражденіе, освободить ихъ впредь на восемь лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей.

Въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ департаментъ высказался о ссылкѣ Терентьевой, Максимовой и Козловской въ Сибирь (освободивъ первыхъ двухъ отъ наказанья плетью въ виду того, что они дѣйствовали подъ чужимъ вліяніемъ), о ссылкѣ Еремѣвой въ монастырь и объ освобожденіи, какъ ни въ чёмъ не виновныхъ, Маланы Желновой и Агафьи Демидовой.

А послѣдній 7-ой пунктъ гласилъ: «Дабы положить конецъ предубѣждению объ употребленіи евреями христіанской крови въ обрядахъ ихъ вѣры, и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ велижскому производству, подтвердить повсемѣстно, чтобы Высочайшее повелѣніе, объявленное бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія, княземъ Голицынымъ, 6 марта 1817 г., исполняемо было во всей силѣ».

Зашитительное слово гр. Мордвинова оказалось спасительнымъ для евреевъ. Общее собраніе государственного совѣта разсмотрѣвъ (въ засѣданіяхъ 15, 17 и 20 декабря 1834 г. и 3 января 1835 г.) дѣлопроизводство по велижскому событию и представление департамента гражд. и дух. дѣлъ, стало на точку зрѣнія адм. Мордвинова, отмѣтивъ, между прочимъ, что въ докладахъ кн. Хованского древнее «противъ евреевъ предубѣждение рѣшительно уже признается достовѣрнымъ и принимается за основу всего мнѣнія».

Общее собраніе государственного совѣта постановило евреевъ подсудимыхъ освободить отъ суда и слѣдствія, а съ христіанками поступить, согласно предложенія департамента гражд. и дух. дѣлъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибочно предположивъ, что закрытіе молелень въ Велиже послѣдовало по предписанію мѣстной власти, госуд. совѣтъ постановилъ предоставить министру внутр. дѣлъ открыть таковыя.

Но особенно важно было то, что госуд. совѣтъ одновременно постановилъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ: «подтвердить въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г., которымъ строго воспрещено

давать ходъ нелѣпымъ обвиненіямъ противъ евреевъ, которое въ данномъ случаѣ было нарушено самимъ-же генералъ-губернаторомъ *).

Постановленіе госуд. совѣта было подписано предсѣдателемъ Новосильцевымъ и многими членами, среди коихъ были такія лица, какъ вел. князь Михаилъ Павловичъ, Мордвиновъ, Сперанскій, гр. Паленъ, гр. Бенкендорфъ, Уваровъ, Блудовъ и др.

Госуд. совѣтъ не принялъ лишь одного предложения департамента гражд. и духовн. дѣлъ, именно объ освобожденіи евреевъ отъ податей на 8 лѣтъ, и адм. Мордвиновъ внесъ въ протоколъ особое заявленіе, въ которомъ доказывалъ, что «правительство, карающее виновныхъ, обязано и вознаграждать невинныхъ».

18-го января 1835 г. революціей «Быть по сему» государь утвердилъ мнѣніе государственного совѣта.

И сбылись слова Славки Берлинъ, говорившей на допросахъ: «Будетъ время — я опять буду Славкой! И всѣ евреи будутъ дома! Все кончится ничѣмъ!». Утомленные, израненные, но не побѣженные въ неравной борьбѣ, вышли евреи изъ тюрьмы. Раскрылись тогда двери синагоги и она, безмолвствовавшая въ долгіе годы страданія велижскихъ мучениковъ, огласилась новыми и все-же старыми, знакомыми ей звуками. Тяжкая скорбь и робкая радость, затаенный страхъ и слабая надежда — все слилось въ молитвѣ-плачѣ.

И вернувшись въ свои дома, велижские страдальцы не разъ, пробуждаясь въ глухую ночь отъ сна, съ ужасомъ смотрѣли въ мрачное прошлое...

*) Эти послѣднія и нѣкоторыя другія строки мы заимствовали изъ примѣчаній В. А. Бильбасова, сопровождающихъ „мнѣніе“ Мордвинова въ 8 т. Арх. граф. Мордвиновыхъ.

Оглавленіе.

Стр.

I глава. Высоч. повелѣніе 1817 года. Нахожденіе трупа Емельянова (1823 г.). Ворожба Терентьевой и предсказаніе Еремѣевой. Обвиненіе евреевъ въ умерщвлѣніи ребенка и источеніи изъ него крови. Отношеніе мѣстного общества и властей къ этому обвиненію. Разсмотрѣніе дѣла повѣтовымъ судомъ (1824 г.) и его приговоръ. Отмѣна приговора и оправданіе евреевъ Витебскимъ главнымъ судомъ

6

II глава. Леачинскій эпизодъ. Подача государю Терентьевой прошепія (1825 г.). Возобновленіе дѣла. Ген.-губ. кн. Хованскій и чиновникъ Страховъ. Арестъ Терентьевой и ея признаніе въ со участіи въ преступленіи. Соучастницы Максимова и Козловская. Священническое увѣщваніе. Показанія христіанокъ-соучастницъ. Арестъ обвиненныхъ евреевъ. Учителъ Петрица и сапожникъ Азадкевичъ. Высоч. повелѣніе (1826 г.) о закрытіи въ Велижѣ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ

18

III глава. Собирание Страховымъ исторического материала по ритуальнымъ преступленіямъ. Новые аресты среди велижскихъ евреевъ. Образованіе особой слѣдственной комиссіи. Жалобы евреевъ на незаконныя дѣйствія Страхова. Смерть Гирши Аронсона. Жалоба евреевъ, представленная государю (1827 г.). Выс. повелѣніе о командированіи въ Велижъ флаг.-адъютанта Шкурия

33

IV глава. Новый показанія Терентьевой и Максимовой касательно умерщвлѣнія ребенка и обращенія ихъ въ еврейскую вѣру. Заявленіе объ отвѣтѣ крови въ Лезну и Витебскъ

45

V глава. Указъ сената (авг. 1827 г.). Ходатайство кн. Хованскаго о недопущеніи еврейского депутата къ производству слѣдствія. Высочайшее повелѣніе о производствѣ слѣдствія кн. Хованскимъ и о невмѣшательствѣ сената

57

VI глава. Очная ставки подсудимыхъ и обвинительницъ-христіанокъ

64

VII глава. Заявленіе Максимовой и Терентьевой о другихъ преступленіяхъ, совершенныхъ ими съ евреями: убийство Дворжецкой; умерщвленіе дѣтей въ корчмахъ, въ окрестности Велика; надруганіе надъ святынями. Резолюція Николая I отъ 16 окт. 1827 г. и 8 ноября 1827 г. Передопросы христіанокъ. Новые аресты. Поѣздка слѣдственной комиссіи въ Лезну и Витебскъ.	73
VIII глава. Возобновленіе очныхъ ставокъ. Переписка арестованныхъ евреевъ. Наговоръ Фратки Девирцъ. Рѣшеніе люблинскаго трибунала 1639 г. по Ленчицкому процессу. Письмо мин. внутр. дѣлъ Лапекаго (1827). Дальнѣйшее собираніе Страховыхъ и кн. Хованскихъ материаловъ къ обвиненію евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ	86
IX глава. Возобновленіе Гродненскаго и Тельшевскаго процессовъ. Наговоръ Грудинскаго. Ксендзъ Паздерскій. Новый наговоръ Грудинскаго. Слѣдствіе по преступленіямъ, яко бы совершеннымъ въ окрестностяхъ Велика. Собираніе Страховыхъ литературы по обвиненію евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ	96
X глава. Резолюція государя (авг. 1829 г.) касательно дѣйствій слѣдственной комиссіи. Записка комиссіи и всеподданѣйший докладъ кн. Хованскаго (2 окт. 1829 г.) о виновности подсудимыхъ. Высоч. повелѣніе о внесеніи дѣла въ сенатъ. Письмо Минскаго и Литовскаго архиепископа (1830 г.). Раскрытие наѣта Грудинскаго. Записки слѣдственной комиссіи	104
XI глава. Подписки подсудимыхъ „опричастій“. Закрытие слѣдственной комиссіи. Всеподданѣйший рапортъ кн. Хованскаго (27 авг. 1830 г.) о признаніи евреевъ виновными. Наговоръ рядового Федорова (авг. 1830 г.). Объясненіе кн. Хованскаго. О ворожбѣ Еремѣевой.	113
XII глава. Разсмотрѣніе дѣла 2 Отд. 5 Деп. сената. Минія сенаторовъ (май 1831 г.). Обвинительный приговоръ. Перенесеніе дѣла въ Общее Собрание сената. Осужденіе евреевъ (янв. 1833 г.).	121
XIII глава. Записка товарища мин. юстиціи, гр. Панина (сент. 1833 г.). Представленіе ея въ сенатъ. Перенесеніе дѣла въ гос. совѣтъ	135
XIV глава. Графъ Мордвиновъ. Департаментъ граж. и дух. дѣлъ гос. совѣта. Общее Собрание госуд. совѣта (1834 г.). Освобожденіе евреевъ отъ суда и слѣдствія. Высочайшее утвержденіе минія госуд. совѣта.	140

Замѣченныя опечатки:

напечатано

должно быть

стр. 62. „посиломи неудобности“

„неудобо исполнности“.

стр. 77. кормчу

корчму.